

В этом номере

ISSN № 0130-7045

А. МАЛМЕЙСТЕР

**БОЛЬШАЯ НАУКА
ЛАТВИИ**

Р. КАСЫМОВА

**Духовный климат
Ферганы**

И. БАЛЛОД

**В ПОИСКАХ
СЧАСТЬЯ**

А. ШАМАРО

**КУЛИКОВСКАЯ
БИТВА**

НАУКА И РЕЛИГИЯ

Б. ГАЛЬПЕРИН

**НОВОЗАВЕТНЫЕ
ПРОРОЧЕСТВА**

Цезарь СОЛОДАРЬ

ЦЕНА ОТСТУПНИЧЕСТВА

О. ГЕРАСИМОВ

**ПУТЕШЕСТВИЕ
В МЕККУ И МЕДИНУ**

7 • 1980

НАША ОБЛОЖКА

Вот оно и подошло, это время. Москва зажигает олимпийский огонь, возмущающий об открытии XXII Олимпийских игр.

Со своего рождения (776 г. до н. э.) Олимпиады служили благородной цели. Они славили человека, его ум, красоту, физическое совершенство. Со временем на Олимпийские игры стали приезжать певцы, музыканты, поэты, философы, ораторы. Праздник Олимпиады становился неотъемлемой частью духовной культуры людей.

Олимпийские игры продолжались непрерывно 1170 лет, до 394 года новой эры, когда римский император Феодосий I издал указ, запрещающий в Олимпии всякие соревнования. Этому была своя причина: христианство с его призывами к аскетизму, умерщвлению плоти с самого начала крайне отрицательно относилось к Олимпийским играм, как и вообще к заботе о телесном здоровье.

И лишь в конце прошлого века по инициативе Пьера де Кубертена Олимпийские игры вновь возродились. Идея этого французского общественного деятеля воплотилась в Олимпийской хартии, провозгласившей, что целью всего движения является воспитание молодежи с помощью спорта в духе лучшего взаимопонимания и дружбы между народами.

Впервые в истории олимпийского движения лучших спортсменов планеты принимает столица первого в мире социалистического государства. Они говорят на разных языках, у них разный цвет кожи, они исповедуют разные религии, а многие не исповедуют никакой. Но, несмотря на различия, все едины в стремлении меряться силой, ловкостью на спортивных полях.

На второй странице обложки на снимках сверху вниз: символ Олимпиады; советский гимнаст Александр Дитятин; фигуристы Наталья Линичук и Георгий Карпоносов; штангист Юрий Вартанян; гимнастка Наталья Шапошникова; участницы Всемирных студенческих игр Кристина Бремер (ГДР), Мария Кольчунова (СССР) и Розалин Браун (США); фарфоровый тулуненек — символ олимпийской парусной регаты; Лужники — главный Олимпийский стадион.

Фото В. ОПАЛИНА и Фотохроники ТАСС.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания двадцать первый

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. С. ИВАНОВ
(главный редактор),

А. В. БЕЛОВ,
М. М. ДАНИЛОВА,
Е. В. ДУБРОВСКИЙ
(ответственный секретарь),
И. М. КИЧАНОВА,
Э. И. ЛИСАВЦЕВ,
Р. Р. МАВЛЮТОВ,
Б. М. МАРЬЯНОВ
(зам. главного редактора),
В. П. МАСЛИН,
М. Н. МАСЛИН А.
М. П. НОВИКОВ,
А. Ф. ОКУЛОВ,
И. К. ПАНТИН,
И. Д. ПАНЦХАВА,
В. Е. РОЖНОВ,
В. Ф. ТЕНДРЯКОВ,
В. В. ШЕВЕЛЕВ.

Художественный редактор
С. И. Мартемьянова,
Технический редактор
С. В. Сегаль,
Корректор
Р. Ю. Грошева.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Рукописи и фото не возвращаются.
© Журнал «Наука и религия», 1980.

На третьей странице обложки вы видите палашанские миниатюры. В традиционной сказочной манере художники запечатлели в своих работах реальные исторические события, разделенные между собой полтора веками, — грозное нашествие монголо-татар и Куликовскую битву. Трагедия, пережитая Русью на стыке 30-х и 40-х годов XIII столетия, и победа над полчищами Мамай 8 сентября 1380 года.

Как устояла Русь наперекор невероятным бедам и трудностям? Кто был истинным героем народно-освободительной борьбы? Вопросы эти не могут не волновать каждого из нас, тем более ныне, накануне 600-летия Куликовской битвы. Размышлениям над историческими судьбами Руси в эпоху борьбы с золотоордынским владычеством, разбору подлинных событий и черновых легенд посвящено историко-публицистическое исследование Александра Шамаро «Как устояла Русь».

ГОРИЗОНТЫ НАУКИ

2 А. Малмейстер. Курсом современности

ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

6 Г. Тамарина. Давран и Ильмира
7 В. Долгова. Наставник
9 И. Баллод. Личное счастье

ПРАКТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

12 Р. Касимова. Работа важная, необходимая
15 А. Смирнов. Совет — организация общественной
16 В. Ульмасбаев. Ангрен. Дом культуры
16 И. Свистунов. По велению сердца
17 А. Скачков. Радость творчества
17 В. Сергеева. Это интересно

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

18 А. Шамаро. Как устояла Русь

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ

29 Б. Гальперин. Ссылаясь на Библию

ЧЕЛОВЕКУ О ЧЕЛОВЕКЕ

33 И. Жерневская. Были на Земле исполины?

«БОЖЕСТВЕННЫЕ» КАМНИ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

36 В. Супрычев. Опал без мистической оправы

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

38 Н. Марш. Мертвая вода

В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА

49 Э. Лаврик. Молодым — атеистическую убежденность

ЗА РУБЕЖОМ

50 М. Гольденберг. Парадоксы кризиса
53 А. Остальский. Горькие и сладкие плоды «нефтяной революции»
56 О. Герасимов. Путешествие в Мекку и Медину
59 Ц. Солодарь. Цена отступничества

БЫТ И НРАВЫ НАРОДОВ

61 В. Фурника. Ритмы жизни

Рассказывает
президент Академии наук
Латвийской ССР, Герой
Социалистического Труда,
член-корреспондент
АН СССР, доктор
технических наук,
профессор Александр
Криштопович
МАЛМЕЙСТЕР.

КУРСОМ

правительство. В свою очередь ученые республики принимают активное участие в решении важнейших социальных и народнохозяйственных задач.

Вот один из примеров такого рода. В докладе товарища Л. И. Брежнева на ноябрьском пленуме ЦК КПСС говорилось о необходимости усилить работу по производству белков. Проблема белков — проблема мирового масштаба. Одно из направлений в ее осуществлении — поиски кормов, способных полноценно заменить зерно, идущее на откорм скота. И вот мы можем говорить об определенных результатах. В Институте микробиологии имени А. Кирхштейна разработана теория и технология производства лизина, одной из 20 аминокислот, входящих в состав белков, причем аминокислоты, принадлежащей к числу незаменимых, отсутствие которых в корме делает его неполноценным.

Ученые-микробиологи на своем опытном предприятии отработали технологию получения лизина и передали ее в промышленность. Такое производство уже налажено на биохимическом заводе в латвийском городе Ливаны, оно первое в мире. Лизин получают в виде кормового концентрата, его добавляют в пищевые рационы животных, птиц и таким образом экономят миллионы тонн зерна. По образцу ливанского построено ряд заводов в других республиках. Наш опыт получения лизина используется и за рубежом.

Директор Института микробиологии академик Латвийской ССР Рита Александровна Кукайн получила Государственную премию за прошлый год. Вместе с группой ученых из других институтов, изучающих молекулярные механизмы взаимоотношений вируса и клетки, Р. А. Кукайн на протяжении последних лет исследовала вирусы лейкоза и их роль в заболевании крови крупного рогатого скота. Ученые добились успеха в решении этой проблемы — был выделен вирус лейкоза, найден антивирус, создана основа для борьбы с этим заболеванием. Кстати, весь комплекс работ проходил по международной программе ЮНЕСКО.

В русле развития мировой науки работают и наши химики. Ученые ряда стран направляют свои усилия на поиски, изучение физиологически активных соединений с широким спектром их применения и в сельском хозяйстве, и в медицине. Это область так называемой

Символ фундаментальной библиотеки Академии наук Латвии, одного из крупнейших книжных хранилищ республики.

«малой химии», синтезирующей высокоактивные соединения, требуемые в малых дозах. К ним относятся регуляторы роста животных, растений, гормональные препараты, различные ферменты медицинского назначения, полусинтетические антибиотики и созданный на основе физиологически активных веществ целый ряд лекарств, а также различные химические реактивы и биохимические препараты для научных исследований.

Особенно широко занимаются этими проблемами в Институте органического синтеза. Здесь поиск и создание физиологически активных веществ ведут на основе исследований в области органической и биорганической химии и молекулярной биологии. В лабораториях Института получено около 40 препаратов, вошедших в медицинскую практику. Широкую известность в стране и за рубежом завоевал противораковый фторафур. Обширной гаммой действия на различную микрофлору обладают препараты нитрофуранового ряда — фурагин, фурадонин и другие. Можно говорить о создании в Институте органического синтеза своего рода пептидной химии, пептидного синтеза, осуществленного на основе изучения химии и биологии пептидов. Ученые разработали оригинальную модель структурно-функциональной организации пептидных гормонов, что дало возможность создать активные гормональные препараты, например ситозин, предотвращающий яловость крупного рогатого скота. Два-

Начать мне хотелось бы с двух дат, прямо связанных друг с другом: июль 1940 года, когда в Латвии осуществилось восстановление Советской власти и республика стала на путь социалистического развития, и февраль 1946 года, когда была создана Академия наук, призванная осуществлять, направлять научную деятельность в масштабах республики.

Помню, какими маленькими были первые академические институты. В 1950 году в них работало по 24 человека. Не хватало научных кадров, оборудования, лабораторий. Перемены наступили уже к концу 50-х годов — и значительные. Один за другим входили в строй новые научные учреждения, ведущие разработку современных перспективных отраслей наук: Институт органического синтеза, Институт электроники и вычислительной техники, Институт механики полимеров. Сейчас в системе Академии наук республики 12 научно-исследовательских институтов, четыре опытных завода, пять конструкторских бюро, Ботанический сад, издательство «Зинатне», Фундаментальная библиотека*.

Восемь тысяч работающих в системе Академии наук — это третья часть всех занятых в сфере науки республики. Затем идут вузы с их исследовательской работой, институты прикладного профиля — в них тоже много ученых. Для нескольких десятилетий такое скачкообразное развитие науки значительно тем, что оно свидетельствует об огромных возможностях советского строя, о том внимании, которое постоянно уделяют научным исследованиям партия и

* Основанная в 1524 г. как Рижская городская библиотека, она была первой публичной библиотекой в Прибалтике.

три килограмма его, изготовленные на нашем экспериментальном заводе, достачны для получения миллионов доз инъекций — вот что такое «малая химия».

Поиски биологически активных веществ ведутся и в других исследовательских учреждениях нашей Академии наук. В Институте химии древесины, который координирует теоретические исследования по своим проблемам в масштабах страны, успешно развивается новое направление — синтез высокоэффективных полимерных биологических веществ на основе целлюлозы. Ученые

Института биологии, где изучаются биологические основы повышения продуктивности сельскохозяйственных растений и животных, а также защита и рациональное использование ресурсов биосферы. Хлорелла оказалась многообещающей культурой для получения биологически активных веществ и полноценных белков.

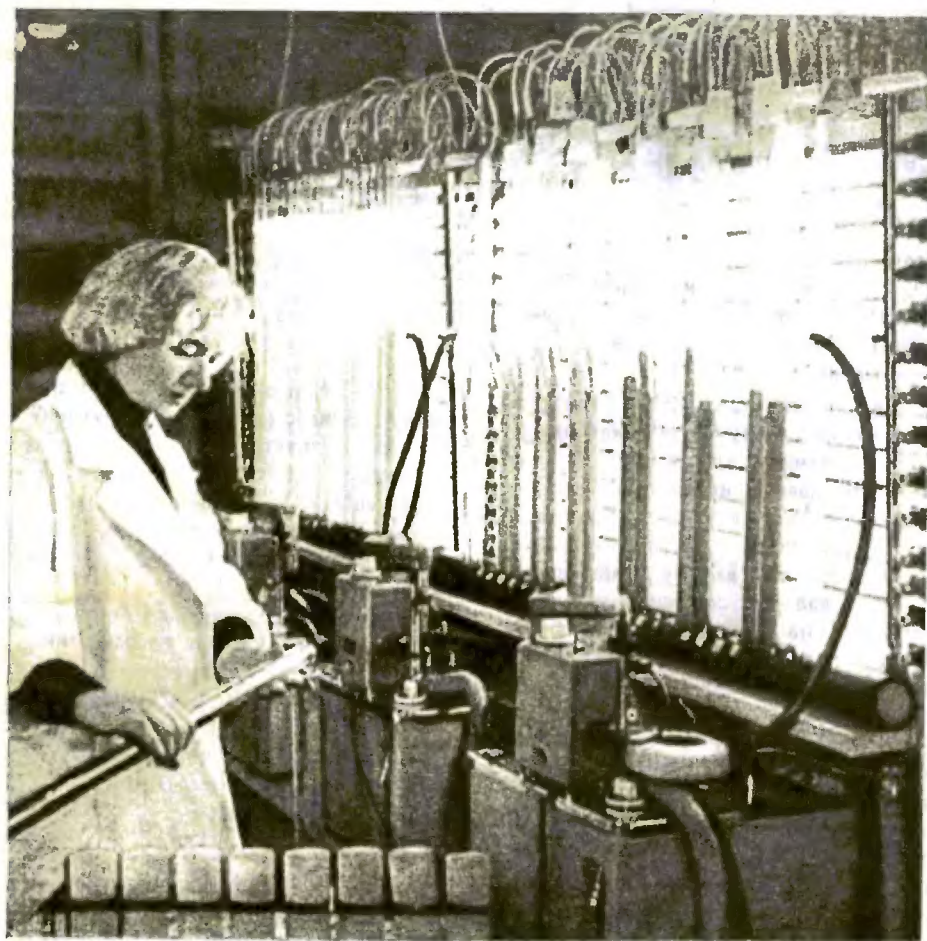
Эти и другие работы говорят о том, что в Латвии — сильная школа химиков, причем сильная традиционно, поскольку и в довоенный период у нас заметно выделялась именно эта отрасль знания. Но последние десятилетия из-

шать только усилиями химиков. В том же Институте органического синтеза трудятся, например, математики — целенаправленный поиск и отбор физиологически активных веществ с нужными свойствами невозможен без них, без обращения к электронно-вычислительной машине. Есть в институте и свой биологический корпус, виварий, где выводят поколения подопытных животных специальных чистых линий, чтобы получить достоверные данные при определении биологической активности исследуемых препаратов. Физики, микробиологи, математики, медики необходимы в комплексе современного химического института, занимающегося фундаментальными исследованиями, особенно такого, как наш Институт органического синтеза.

Почему я это подчеркиваю? Развитию науки в Латвии обычно сопутствует опытное полупромышленное производство — в этом наша особенность. Если во многих других научно-исследовательских институтах решают какую-то задачу теоретически и лишь потом на этой основе выходят к прикладным вопросам, указывая на перспективы ее дальнейшей разработки для практики, то мы стремимся идти дальше, вплоть до выпуска первых промышленных серий. Такую возможность дают нам экспериментальные заводы, которых, как я уже сказал, в системе нашей Академии наук несколько. Так, мы обеспечиваем проведение всех клинических или полевых испытаний нового препарата и всю нормативно-техническую документацию, позволяющую применять и производить этот препарат. Мы же первое время и производим его — пока не передаем промышленным предприятиям.

Если говорить о влиянии научных исследований на развитие производства, о научно-техническом прогрессе в этой области, можно привести такой факт: 40 процентов своей товарной продукции объединения «Олайнфарм», «Биохимреактив» выпускают на основании разработок, предоставленных им институтом республиканской Академии наук.

Если химия для Латвии — дело, как говорится, привычное, традиционная отрасль науки, то физика в ее настоящем виде появилась у нас практически с 1946 года, с основания академического Института физики. А до этого она, по существу, составляла предмет преподавания и в какой-то мере обучения инженеров. Сегодня, кроме Института физи-

Институт биологии. Установка для выращивания одноклеточной водоросли хлореллы. Исследуются перспективы получения из этой культуры биологически активных веществ и полноценных белков.

создали здесь эффективные препараты для обезбоживания, для лечения глаукомы.

Весьма перспективна наша установка для выращивания одноклеточной водоросли хлореллы. Принцип разработан на базе исследований, проводимых в

мении наши привычные представления о специфике химической науки и о ее возможностях и задачах. Более глубокое проникновение исследователей в глубинную, потаенную суть состава, строения вещества, более широкое понимание особенностей и закономерностей его внутренних связей и взаимодействий требовали объединения различных научных дисциплин. Современные проблемы, о которых я говорил, невозможно ре-

ки, насчитывающего около 800 человек (в их числе 15 докторов и около 90 кандидатов наук), целый ряд других научных институтов республики имеют у себя физические подразделения специальных направлений, в их числе Физико-энергетический институт. Таким образом, физические исследования за сравнительно короткий срок стали у нас значительной отраслью знаний.

Основные направления в деятельности Института физики — магнитогидродинамические явления, радиационная физика твердого тела, исследования по ядерной и теоретической физике. На основе изучения процессов тепло- и массообмена в веществе под действием электромагнитного поля здесь разработана современная теория, объясняющая природу магнитогидродинамических явлений. Ученые института вместе с коллегами из Германской Демократической Республики создали концепцию происхождения магнитного поля Земли и других космических тел. Оказалось, что один и тот же механизм регулирует образование его в космических и земных условиях, например при движении больших потоков жидких металлов.

В этом институте исследована так называемая двумерная турбулентность. Форму неупорядоченных завихрений в природе мы наблюдаем в условиях атмосферы, в океанах, но там турбулентность проявляется обычно в объемном, трехмерном виде. Обнаружилось, что в магнитном поле она теряет одну компоненту, становится плоской. Этот эффект оказался весьма существенным, поскольку дает возможность в лабораторных условиях моделировать природные явления.

Изучение радиационной физики твердого тела тоже принесло ряд интересных результатов, связанных с созданием новых сверхчувствительных материалов на базе ионных кристаллов и пленок.

Как видим, и у физиков та же актуальность научной тематики, тот же принцип перехода от большой теории к большой практике. И это понятно: такой подход — насущная задача сегодняшнего дня.

Во всеобщем масштабе объединяет исследования в своей области науки наш Институт механики полимеров. Трудно даже перечислить все сферы применения этих материалов, в которых путем комбинации их компонентов можно добиваться нужных свойств и характеристик. Здесь огромный спектр — от авиационно-космической техники до предметов бытового потребления. Давно, например, известно, что расплавленное и растянутое в волокна толщиной в 10 микронов обычное стекло в 3 раза прочнее стали. Но факт этот не имел ника-

кого практического применения до тех пор, пока химики не научились синтезировать полимерные клеи, которыми удалось склеить стеклянные нити в кусок материала.

Стеклопластик оказался в три раза легче стали и получил широкое применение в технике. Но сегодня его уже «обогнал» новый класс материалов с более прочными волокнами: бороволокно, углеволокно. Исследовательская мысль пошла еще дальше, нацелившись на синтез волокон, состоящих только из углерода и по своим свойствам занимающих положение между графитом и алмазом. И тот и другой, как известно, — чистый углерод, но благодаря разной структуре у них различные свойства. Если удастся создать технологию для получения алмазного волокна, сформировать такой материал, то полученные из него вещи будут обладать фантастической прочностью. Пока это дерзкие мечты, а углепластики — реальность. Технологи уже получают из них весьма прочные волокна. Соединенные клеящими веществами, они образуют дешевые и удобные материалы, пригодные для изготовления различных деталей машин, предметов быта.

Прочность и жесткость конструкций из традиционных материалов можно проверить по деталям еще до их изготовления. Иное дело композитные конструкции, образованные при создании самого материала с одновременной полимеризацией связующего начала. Как

Так выглядит стенд готовой продукции — лечебных препаратов, средств для химизации сельского хозяйства, разработанных и изготовленных в Институте органического синтеза.

быть здесь? Как определить прочность, износоустойчивость такой конструкции? В нашем Институте механики полимеров разработана теория и методы неразрушающих испытаний взамен традиционных разрушающих способов. Такое научное новшество дает ощутимый экономический эффект. Специальное конструкторское бюро научного приборостроения нашей Академии на основании этих исследований производит аппаратуру для контроля и прогнозирования прочности конструкций и изделий из полимерных и других материалов. Она нашла применение в самых различных отраслях промышленности.

И еще одна немаловажная сторона есть у естественнонаучных достижений — их мировоззренческое значение. Выявляя реальные закономерности окружающего нас мира, наука все дальше уводит людей от ложных представлений о нем, от его иллюзорной картины, рисуемой всеми религиозными учениями. Каждое новое научное открытие ведет, по сути, к подрыву теологического взгляда на мир как на создание некоей сверхъестественной силы, извечно им управляемой. И когда ученые выступают перед широкой аудиторией с популярными лекциями о своей науке (с июня 1947 года Академия наук Лат-

вии — коллективный член Всесоюзного общества «Знание»), то этим утверждается материалистическое мировоззрение, отстаивается истина, отвергаются ложные, ошибочные взгляды. Я тоже выступаю с лекциями и на примере исследований в Академии наук рассказываю о роли и значении науки на современном этапе. Обновлять материал приходится постоянно. Лекция, читанная год назад, требует уточнений, дополнений — наука ведь непрерывно и быстро движется вперед.

Согласно своему уставу, Академия наук Латвии ведет исследования в широком диапазоне естественных, технических и общественных наук. Эти последние представлены у нас Институтом языка и литературы имени Андрея Упита, Институтом истории, Институтом экономики. Они были организованы с начала создания нашей Академии в 1946 году. Назову только некоторые направления их деятельности. Пристальное внимание уделяется, например, прошлому латышского народа и современным особенностям развития республики как общества развитого социализма. Ведутся исследования по истории революционной борьбы трудящихся Латвии, развитию ее рабочего класса, по истории красных латышских стрелков. Многие годы наши ученые детально изучали Латвию периода Отечественной войны, борьбу советского народа за освобождение от фашистского ига. Обобщающий труд по этой теме отмечен Государственной премией Латвийской ССР.

Объектом всестороннего исследования стали проблемы социалистического и коммунистического строительства, социалистического соревнования, изучение роли научных знаний в развитии общей культуры советских людей.

Вышли первые тома монографического исследования по истории города Риги, начиная с ее древнейшего периода. Такого рода работа поистине уникальна. В ней, в частности, на большом археологическом материале доказано, что задолго до прихода немецких завоевателей, которые приписывали себе славу основателей города, на территории современной Риги уже существовало лифское поселение со своими торговыми связями, ремесленным производством.

Борьба с фальсификацией не только прошлого, но и настоящего республики, разоблачение ненаучных или клеветнических утверждений религиозных идеологов, враждебных эмигрантских кру-

гов — такова тематика многих научных публикаций. Актуальную работу проводили сотрудники сектора права, осуществив подробный анализ трех Советских Конституций и принципов социалистической демократии.

В центре работы латышских ученых-обществоведов — проблемы духовной жизни народа, социалистической культуры, а также творческого наследия во всех его областях, в том числе и в области философской мысли. Впервые подготовлен систематический курс по истории философской и общественно-политической мысли в разные периоды.

Тематику исследований ученых, занимающихся в Институте истории проблемами научного атеизма, определяют задачи материалистического, атеистического воспитания трудящихся, особенности исторически сложившихся у нас религиозных вероисповеданий — их в республике восемь. Опыт работы латыш-

Издательство «Зинатне» Академии наук Латвийской ССР, основанное в 1951 г., — главный центр публикации научной, научно-популярной литературы, выходящей в республике. Оно печатает также пять всесоюзных научных журналов. Продукция «Зинатне» широко известна в нашей стране и за рубежом.

ских атеистов находит отражение и в наших республиканских, и в центральных изданиях — они выпустили в последние годы 11 книг и брошюр, в их числе «Атеистическое воспитание. История, теория, практика» — обстоятельное пособие, учитывающее специфику борьбы с религиозным мировоззрением в условиях Латвии.

Президиум Академии наук Латвии, принимая во внимание необходимость дальнейшего улучшения идеологической, политико-воспитательной работы, углубления атеистической пропаганды как неотъемлемой части формирования научного, материалистического мировоззрения, утверждения советского образа жизни, принял постановление о расширении исследований в области научного атеизма, о подготовке и привлечении в эту область знания опытных специалистов. Значительно возросший уровень образования, духовной культуры, социального опыта широких масс требует более разностороннего, философски обоснованного подхода в формировании материалистического миропредставления.

Беседу вела И. ГРИШИНА

Идут испытания в лаборатории биомеханики Института механики полимеров. Здесь проводятся комплексные исследования механических свойств, биохимического состава, строения различных биологических тканей человека — кровеносных сосудов, мышц, костной ткани.

Г. ТАМАРИНА

ДАВРАН и ИЛЬМИРА

● Наш поезд дальнего следования Москва — Ташкент ворчливо постукивал колесами. Стучи не стучи — опаздываем. Здесь притормозим, там ни с того ни с сего остановимся. Иные пассажиры прыгивали на землю. Рвали цветы, а на остановках что-нибудь покупали. Мой сосед засыпал свою спутницу желтоглазыми ромашками, приносил ей то разварную картошку в листьях лопуха, то смородину, то вяленую рыбу. Слышь на ногу, приветливый, он весь светился радостью жизни.

Сначала они мне показались немолодыми молодоженами, возвращающимися из свадебного путешествия. Он что-то вспомнит, она добавит. Она спросит, он живо откликнется. Она поспорит, он — раскритикует. А оказалось, что женаты они 20 лет. И у них трое детей, три дочки.

В записной книжке написано его рукой: Дадабаевы Ильмира и Давран. Наманган, улица Розы Люксембург. Дом. Квартира.

...Больше 20 лет назад тоже шел поезд Москва — Ташкент. Без возвращавшегося со службы солдата, крепко соскучившегося по родному городу. По дружеской юности, ждавшим его с нетерпением. Целых три года. На друзей ему всегда везло.

Много городов прекрасных и Москву повидал Давран, а лучше Намангана нету. Шумят на ветру тополя, журчат под тополями арыки. Много на свете прекрасных девушек, а красивее Ильмиры нет, просто быть не может. Бьет на ветру платье вокруг стройных девичьих ног. Журчит ручеек слов. «Я такой счастливый, Ильмира!» «И я счастливая, Давран!»

Свадьбу решили делать скоро. Готовить нечего. У нее — пусто. У него — голо. Посмеивались. Будем поживать и добра наживать. Ильмира уже окончила техникум и работает на хлопковом заводе. Он решил, работая, учиться в институте. Их программа была одобрена друзьями и мамой Ильмиры. Но у этой прекрасной программы нашлись противники — родители Даврана. Родители впервые на памяти Даврана были единомышленны — они давно уже жили врозь. Они дружно причитали. За что он их хочет опозорить на две махаллы? Или у него нет отца и матери? Или он не мусульманин, чтобы жениться не по

мусульмански, без тоя и муллы? Без подарков и калыма? Или у него нет крыши над головой? А для кого атласные одеяла настеганы, подушки пухом набиты? Сюзана, скатерти, полотенца приготовлены? Костюмы? Это ему все родители приготовили к свадьбе, а еще невеста сколько добра с собой принесет!

— Какое добро? Какая невеста? — пробормотал задумавшийся вопросом Давран. — Да откуда она возьмет?

Оказывается, не об Ильмире вели родители речь. Ему другая невеста приготовлена, узбечка, как и он сам, «из мусульманской семьи». Давран чуть улыбнулся: ведь и мать Ильмиры верит в Аллаха. Нет, они татары, не настоящие мусульманы, и Аллах не допустит, чтобы совершилось зло, кричали родители.

Запоздалая щедрость, запоздалая работа о сыне, который уже давно распорядился собой сам, рассчитывал только на себя: прежде и отец и мать, у которых были новые семьи, не очень то баловали его вниманием. Давран, поблагодарив их, отказался от богатой свадьбы и сундуков. От муллы и обрядов. У него другие взгляды на жизнь, другое представление о счастье. Не надо родителям вмешиваться в их с Ильмирой судьбу.

Он не хотел обижать стариков, по своему любил их и жалел. Не принесет счастья друг другу, не слишком счастливы и в своих новых семьях. Двери его дома будут всегда распахнуты для них, милости просим. Но принять их предложение он не может.

Родители увидели в его отказе непослушание. Еще хуже — колдовство, особенно мать, темный человек, что с нее спросишь. Татарки, хоть и мусульманки, твердила она, колдуньи, всем известно. Ильмира, мол, еще и не так приворожит. И пусть, радостно согласился Давран, если сможет больше, пусть больше приворожит. Колдунья!

— Не будет тебе счастья! — грозил родители. — Аллах накажет!

Зато им счастья нажелали на свадьбе. Много народу пришло их поздравить, не было только его родителей. Ни отца, ни матери. Эту жестокость он заранее им простил. Но понять не мог. И дал себе слово никогда не быть жестоким со своими детьми, которых собирался иметь много.

Ах, как был счастлив Давран! Он и сам не думал, что такая ладная свадьба получится.

— Много вам детей! Много! Много! — скандировала молодежная свадьба. И он соглашался.

Главное богатство земли — дети, утверждал будущий историк, успешно сдававший сессию за сессией. И работал, и гулял с дочками, помогал во всем своей Ильмире. Малышки росли жизнерадостные, почти не плакали. Смеялись. У такого папы отчего ж им не смеяться? — светились радостью глаза Ильмиры.

Конечно, не хватало денег. Ильмирина мать пошла работать, уговорила обоих — пока Давран кончит институт. Она рада им помочь, быть рядом с ними. Будто вторую молодость переживала женщина. Даврану стала она матерью. Она тоже была набожной, но ее Аллах был добрый. Бог даст, справимся, говорила. Бог поможет, разместимся. Бог смягчит сердца сватов, и они явятся к внукам.

Но не смягчились родительские сердца. Это, мол, не настоящие внуки, настоящих они бы озолотили. Сами себя обкрадывают, удивлялся Давран.

Потом пришло к Ильмире и Даврану испытание. Заболел Давран. Молодой и сильный, спортсмен, а заболел. Не на неделю, не на месяц. Даже не на год. Почти на десятилетие. С редкими выписками из больницы, куда он снова возвращался после тяжелейшего приступа астмы.

Врачи искали причину болезни. А вот матери и отцу было ясно все: бог наказал за послушание, за то, что женился на татарке. Все в воле божьей: наслать болезнь и излечить ее. Даврану надо поселиться у отца. Семью, естественно, придется оставить, без благословения она создавалась.

— Нет, — сказал Давран, — не хочу, чтобы у дочек повторилось мое детство.

— Ты умрешь, — сказал жестко отец, — твоя болезнь врачам неподвластна.

И Давран понял, что должен бороться за жизнь. Он заставил врачей сказать ему всю правду, потребовал у них книг о своей болезни. «Мне нельзя умирать. Лечите, ищите. Даю вам слово, я поправлюсь. Вы верите мне?» Врачи ответили, верят, истории медицины известны случаи, когда жажда жизни брала верх.

А Ильмире он сказал, что поправится обязательно. Верит ему Ильмира? Еще был. Тогда у него просьба: не плакать. Ему нужна ее крепкая вера. «Я буду помогать тебе», — сказала Ильмира.

Когда чувствовал себя лучше, отпустили домой. Только не удавалось дома задерживаться долго. Уж, кажется, все. Здоров. Явившись домой, жесточайший приступ — и снова на несколько месяцев в больницу. «Вот подоспел, — неслесло пошутят друзья-медики, — первомайскую стенгазету поможешь оформить». Он и газету рисовал, и истории болезни им писал. «Не даром хлеб ем», — пошучивал.

Много мужества требовалось ему. Без Ильмиры не справился бы. Ни разу не дрогнула, не усомнилась в его выздоровлении. И она, и дочки, и те-

ща. Отец и мать же все твердили, что в болезни его виновата Ильмира, колдунья. А тут еще кто-то из врачей высказал предположение, что причина его астмы — аллерген, возможно, связан с женой, что надо им, хотя бы на время, расстаться. Вот тут он, слушавшийся врачей беспрекословно, категорически отказался. Потому что знал: без нее-то он точно умрет. Он сказал это и врачам и родителям. «Если отцу и матери не веришь, врачам не веришь», — спрашивали они, — во что веришь? Он отвечал: «В любовь, в преданность». Хотя знал, что они его не поймут. Они и бога своего не любят. Боятся, эксплуатируют — да, но не любят. А ему твердят: «Совсем колдовка разума лишила». «Да, — шутил он, — в просторечии — колдовка, а по-научному — аллерген».

Шутил, но к этому времени молодой, 27-летний, Давран был уже совсем слаб. Задыхался. Почти не выпускал изо рта рожок кислородной подушки. По хмурым лицам врачей Ильмира понимала — плохо. Она приходила дважды в день: утром, до работы, и после работы с дочками.

В один из вечеров они столкнулись со свекровью, возвращавшейся из больницы. «Ой-бой, как выросли девочки! Теперь и без отца поднимутся!» Дочки заплакали в голос. А свекровь продолжала: «С часу на час может умереть, сказали доктора, я уж пойду ожидать да молиться. Хорошо, приготовила чай да угощение. Придут соболезновать. И того одарить надо, кто бу-

дет Коран читать. Да, все в воле Аллаха». Она еще продолжала причитать, а Ильмира и девочки уже бежали по больничному коридору. Ильмира забыла, что не должна плакать, что надо быть стойкой. Так, плача в голос, они убежали в палату. Он лежал недвижно. «Пришла», — еле выдохнул он. Жена припала к его изголовью. «Ты же обещал выздороветь! — плача говорила Ильмира. — Ты соберись с силами! Мы поможем тебе!» Она гладила его по голове, но он оставался недвижим. Рожок кислородной подушки закатился за плечо. «Он умер?» — прошептала обезумевшая Ильмира, когда к ним подошел врач. «Он спит», — ответил тот с большим изумлением.

Когда он проснулся, попросил есть. С этого дня на глазах врачей совершалось чудо. Давран быстро сталправляться и вскоре выписался из больницы без намека на астму. «Я знаю, почему тогда я не умер, — говорил мне Давран, — это Ильмира меня не отпустила...»

По лицу Ильмиры текли слезы. Он держал ее руку. «Дочки наши выросли, вот послали отдыхать нас вдвоем в Ригу. Хорошие выросли дочки», — преодолев желание разрыдаться, сказала Ильмира.

...Хоть и с опозданием, поезд наш приближался к цели. Поезд дальнего следования, переполненный человеческими судьбами.

Будьте всегда счастливы, Давран и Ильмира!

г. Ташкент

Дочери Дадабаевых — Дильбар, Надира и Насиба.

ПАСТАЗИНИК

СВЕЧИ зажгли вечером. Собралась вся семья: отец, мать, старший брат Олег, бабушка Вера Степановна. А во главе стола восседал сам Миша, в его честь на торте и были зажжены эти 12 свечей.

Фотокорреспондент агентства печати «Новости» снял этот момент. Главу семьи, формовщика московского завода «Станколит» Владимира Анатольевича Каткова он сфотографировал и во время работы — в цехе. И еще раз дома — с женой Альбиной Ивановной (она — старший энергетик строительного комбината) за шахматной партией. На другом снимке их старший — Олег, рабочий автозавода имени Лихачева и студент вуза. Вот он с девушкой, а здесь — в заводском сборочном цехе.

Очерк о семье Катковых был опубликован в журналах, которые АПН издает во многих странах. И стали приходить письма. Конверты: пестрели французскими, испанскими, венгерскими, мексиканскими, японскими марками. Писали из Индии, Чехословакии, Польши, Эфиопии, Кубы. Писали семье, отдельно Владимиру Анатольевичу, Олегу, Мише, бабушке Вере.

Письмо от Хеинга Каатца и его жены Сузанны из города Мейнинген Катковы перевели сами. Друзья из Германской Демократической Республики вспоминали прошедшее лето, совместное с Катковыми автопутешествие по Тюрингии. А началась эта дружба с тех пор, как текстильщица Сузанна была премирована поездкой в СССР и стала гостьей семьи Катковых.

Я познакомилась с В. А. Катковым. В разговоре он обмолвился об этих журналах, но принес их только после усиленных моих просьб.

Мы беседовали с ним о заводе «Станколит», о его работе на этом заводе...

Свою профессию Владимир Анатольевич выбрал случайно. Война оставила его без отца, и он рано пошел работать. В 15 лет, после окончания ремесленного училища, стал формовщиком-литейщиком и четверть века работает на «Станколите». А если считать и годы труда на ярославском моторном, то уже 36 лет верен он своей профессии.

Бригада, которой руководит Катков, делает несерийное литье, требующее большого мастерства, расчета и знаний. А Владимир Катков пришел в цех с багажом в пять классов. Чтобы по-настоящему овладеть профессией, пришлось ему продолжать учебу, окончить среднюю школу.

Владимир Анатольевич часто выступает с рассказом о заводе перед восьмиклассниками школы № 167, где учится его младший сын. К выступлению готовится тщательно. Всегда надевает свои награды: орден Трудового Красного Знамени, юбилейную Ленинскую медаль, знаки победителя социа-

В семье Катковых празднуют день рождения младшего сына Миши.

листического соревнования, ударника пятилетки, ударника коммунистического труда. Пусть ребята видят, каким почетом пользуются у нас люди труда.

На примерах из своей жизни он показывает детям, как важны знания. Когда Каткова избрали народным заседателем Московского городского суда, он вновь пошел учиться. На этот раз — в двухгодичный народный университет правовых знаний. Его принимают в партию, позже избирают в партком, затем он становится членом районного комитета партии. И снова учеба: он оканчивает университет марксизма-ленинизма при городском комитете партии.

Особенно любит Владимир Анатольевич рассказывать школьникам о том удовлетворении, какое приносит труд: о мучительных поисках единственно правильного решения, венчающего успех, о ни с чем не сравнимой радости осознания личной причастности к усилиям всего коллектива.

...Это было несколько лет назад. В тот день Катков вернулся в бригаду озабоченно-возбужденным. Со своими напарниками Алексеем Николаевичем Сызранцевым и Сергеем Николаевичем Бухаровым они бок о бок трудятся уже более 15 лет. За это время научились понимать друг друга с полуслова. Товарищи, увидев бригадира, поняли: предстоит нечто важное. «Знаете о Триумфальной арке в честь победы над Наполеоном? Той, что когда-то стояла у Белорусского вокзала? — наконец заговорил Катков. — Так вот, есть решение восстановить ее на Поклонной горе, откуда Наполеон смотрел на Москву. И нашей бригаде поручили изготовить формы для отливки ее деталей...»

Да, много бригаде тогда потребовалось выдумки и мастерства. Зато красуется сегодня великолепная арка на одной из красивейших магистралей столицы. А во дворе завода стоит в память о выполненной работе темно-серая чугунная колонна — точная копия тех, что установлены в арке.

Много вопросов задают школьники: обаяние, искренность, доброжелательность Владимира Анатольевича располагают к откровенному разговору. Дети чутко улавливают сокровенные качества человека и сами раскрываются на встречу хорошему. А он, отвечая на их вопросы, как бы поверяет по ответам и свою жизнь, и свой трудовой опыт.

Немало сил отдает Катков и подшефной школе № 241. Там он бывает, не

считаясь со временем. Существует прямая связь между новым поколением рабочей молодежи и воспитательной работой школы. Есть в школе недостатки в формировании нравственных и трудовых навыков учеников — ох, как трудно с такими ребятами на производстве. Вот почему Катков часто задумывается над тем, как лучше наладить воспитание ребят, привить им материалистическую убежденность.

В детстве Каткову не внушали веры в бога. Но теперь он, взрослый, с устойчивыми взглядами, сложившийся человек говорит: «Я был очень послушный. Если бы мать или отец твердили мне о религии, вырос бы верующим». Когда он только пришел на «Станколит», в цехе были две пожилые верующие уборщицы. Одинокие, потерявшие в войну близких, они держались от других особняком. Катков уже тогда понимал причину их замкнутости, изолированности от коллектива, но не было еще у него аргументов для их переубеждения.

Время, наша жизнь изменили сознание людей. А ведь еще 20 лет назад, он помнит, были такие, что, пообедав, крестились. Но в районе еще есть люди, живущие в мире иллюзий, ложных представлений, и это не может оставить его равнодушным. Ведь в трех действующих церквах в округе бывает немало народу. И не так уж редко там крестят детей.

В. А. Катков.

Беспокоится Катков и потому, что рядом со школой — действующая церковь. По свойственному всем детям любопытству могут некоторые ребята и забежать в церковь, заинтересовавшись церковными обрядами. Но, присматриваясь к жизни школьников, убеждается Владимир Анатольевич, что от такого любопытства быстро избавляются. Застывший церковный быт не сравнится с яркой, кипучей жизнью школы, направляемой умелыми действиями воспитателей. Есть в этой воспитательной работе и атеистический аспект.

Часто школьники спрашивают Каткова о его семье, о детях. Да, конечно, пришлось снова учиться, когда дети стали подрастать. И эта наука оказалась куда труднее химии или физики. Потребовался труд души. Можно много знать и не быть настоящим воспитателем. Наверное, нравственный пример родителей играет решающую роль при формировании личности ребенка.

Владимир Анатольевич и Альбина Ивановна не считали зазорным учиться вместе со своими детьми. Росли дети — росли и они. Но их духовный опыт, их умудренная трудовой практикой жизнь подсказывали и многие верные приемы воспитания. Например, отец вместе с младшим сыном учился играть на аккордеоне. А когда приобрели фотоаппарат, — стали родители вместе с сыновьями учиться фотографировать. Сами по себе игра на аккордеоне и искусство фотографии — занятия интересные, но был во всем этом и иной смысл. Общие увлечения, общие уроки цементировали семью, создавали тот нравственный климат, который так важен для взаимопонимания поколений.

Качества воспитателя понадобились Каткову и в шефской работе, которую он выполняет как член партийного комитета завода. Совхоз, овощная база, жэк № 8, Дворец пионеров в Бибирево, женское общежитие. Если хотя бы по одному разу в месяц побывать на местах, — получается солидная нагрузка.

В добавление ко многим своим общественным делам Владимир Анатольевич еще и наставник. Вопрос с кадрами стоит на заводе остро: все время надо думать о новом пополнении — на пенсию здесь уходят рано. Вот недавно цех, где работает Катков, проводил на отдых двух стерженщиц. На их место пришли окончившие ПТУ девушки: теоретическая подготовка есть, а производственным навыкам надо учить. И еще помочь осознать важность своей профессии, развить чувство ответственности и гордости за свой труд, причастности ко всем делам заводского коллектива.

Владимир Анатольевич интересуется не только их трудом, но и тем, как живут девушки вне работы, как проводят свободное время. Катковы, например, вместе с подопечными всей семьей пошли в театр на «Сталеваров». Потом обсуждали, спорили. Поговорили и о том, что видели в последнее время по телевидению, в кино, какие читали книги. Катков уверен: только таким образом происходит формирование духовного облика человека. И можно не сомневаться: эти девушки приживутся в цехе, полюбят свою работу, станут равноправными членами коллектива.

ЛИЧНОЕ СЧАСТЬЕ

Инга БАЛЛОД,
специальный
корреспондент
журнала
«Наука
и религия»

лю, — спохватилась хозяйка, — а животных забыла!» Снова открывается холодильник, и свою порцию рыбы получает сиамский кот, а потом мы все идем в ванную, где живет ежик, выманиваем его на свет и наливаем в блюдечко молока.

Девочки ушли в комнату играть, но вскоре прибежали в слезах: не поделили бумажные куклы, поссорились и разорвали одну куклу. Верочка в две минуты восстанавливает мир, достает клей, и все трое, склонившись над покореженной куклой, ремонтируют ее.

Ни разу за весь вечер в ее обращении с детьми не проскользнуло ни искорки раздражения (что позволяют себе многие современные матери, — как не сорваться, устаем на работе!). Верочка надежно беззлобна. Видно, у нее незаурядные запасы сердечности и терпения. Ее дети живые, веселые, смелые. Послушные. Довольные.

Я никак не соберусь с мыслями: настолько наваянный письмом образ неспособного к жизни человека расходится с реальной Верочкой, охотно и тщательно ведущей хозяйство, щедрой на тепло и ласку.

Снова звонок. «Мои жильцы, — объясняет Верочка. — Чтобы расплатиться за квартиру, сдаю одну комнату». И начинает рассказывать.

— После института было тяжело. Одна с ребенком, на работу устроиться трудно, жилья нет. Сережу временно отдала маме в деревню, жила в общежитии, после своей основной работы дежурила няней в больнице, белье стирала...

В ее словах нет ни хвастовства, ни ожесточения. Она спокойно рассказывает о том, что делала.

— После смерти мамы остался пустой дом, огород, я их не забросила. А летом каждое воскресенье отправляемся с детьми в лес, собираем грибы, ягоды, орехи.

Верочка с привычным педантизмом рассказывает о своем хозяйственном бюджете, раскладывает по полочкам ежемесячные расходы и поступления. Право, у нее можно поучиться, как в образцовом порядке держать дела.

Когда я на следующий день пришла в учреждение, где работает Верочка, начальник сказал о ней так: «Добросовестный, исполнительный, я бы да-

же сказал, способный работник. Нагрузка у нее много».

Я уже готова была посчитать Верочкино письмо в редакцию результатом минутной слабости, неудачного стечения обстоятельств, плохого настроения и т. п. Но тут вдруг начальник Верочки сказал вот что:

— Она, наверное, на меня в обиде. У нас есть вакансия: наш инспектор предприятий уходит на пенсию. Вера Ивановна просила у меня эту должность, а я ей отказал. Теперешний инспектор — человек опытный, авторитетный, с твердым характером и с большим тактом. А у Веры Ивановны, как я заметил, трудности в общении с людьми. Даже не пойму, в чем дело. Человек она общительный, мягкий, но... обидчивая, неустойчивая.

Есть у Верочки на работе и явный недоброжелатель — некая Раиса Федоровна. Личного зла к ней она не питает, но «не деловая» Верочка вызывает ее искреннее возмущение. Ей кажется нелепым, что Верочка всюду прежде всего ищет сердечности, привязанности. Верочка не может забыть своего умершего начальника и часто ходит навещать его могилу. Раисе Федоровне это непонятно. «Кто он тебе — отец, брат? Родителей и то забывают!» Стоит Верочке завести разговор о любви или дружбе, как раздается смех Раисы Федоровны: «Тебе что, пятнадцать лет?» — и Верочка краснеет. Ей приходится иногда отпрашиваться с работы, чтобы сводить ребенка к врачу. Раиса Федоровна обязательно скажет: «А почему тебе должны делать исключение? У всех дети». Верочка возражает: «У всех, наверное, есть бабушки, мужья, а у меня никого». И тут Раиса Федоровна добивает ее: «Ну уж это ты сама виновата! С твоей-то красотой совсем душой надо быть, чтобы одной остаться!»

Верочка с виду терпит поражение, она выглядит смешной, она плачет, жалуется на Раису Федоровну. Ее рецепт жизни не принимает, но и защитить свою точку зрения не умеет, так как не уверена в себе, в своей правоте, в своих силах.

Когда я снова встретила с Верочкой, я заметила то, чего вначале за привлекательностью и «благополучием» ее облика не увидела. Верочка напряжена, угловата, немного манерна. Такими бывают люди, не уверенные в себе. Это впечатление подтвердилось. Когда я стала хвалить ее за жизненную стойкость, она вздохнула и ответила только одно: «Я очень несчастна». Верочка изо всех сил старается держаться как все, выглядеть благополучной. Но жить ей трудно. И совсем не

Письмо Веры Ивановны (не стану называть ее фамилии) было грустным. Она жаловалась на трудности в работе, на неудачную любовь, на вероломство и бездушие окружающих, на свое плохое здоровье и болезни детей — их у нее двое. «Жить очень страшно», — писала она и признавалась, что, стремясь заглушить этот страх, «пошла в церковь и окрестила себя и своих детей; мама не очень верила в бога, я тоже не верю, но мне было тяжело, а морально поддержать было некому». Обращение к религии не успокоило Веру Ивановну, не решило ни одной из ее проблем. И тогда она написала в редакцию: «Очень прошу, помогите!»

Мысленно я приготовилась к встрече с больным и опустошенным человеком и в холле гостиницы, где мы договорились встретиться, несколько раз прошла мимо молодой, красивой, хорошо одетой женщины. Однако именно она и оказалась автором письма.

Вера Ивановна пригласила меня к себе домой. Она довольно быстро нашла в людном вечернем городе такси, по дороге мы забрали из школы первоклассницу Олю и четвероклассника Сережу и все вместе подъехали к многоэтажному кооперативному дому на окраине города. В уютной квартире на видном месте красовалась финская стенка с богатой коллекцией книг.

Едва мы вошли, позвонил в дверь Сережин приятель, позвал его на свой день рождения. Мама отпустила сына, сунув под мышку банку варенья — подарок. Раздался еще один звонок — увидев свет в окне, прибежала Олина подружка. В кухне мы уселись за стол и принялись за ужин с домашними соленьями и пирожками. «Вас-то я корм-

потому, что устает на работе и дома...

Во время наших долгих бесед я пытаюсь понять, что мешает жить этой милой женщине, что подрывает изнутри ее силы, что заставило ее искать морального прибежища в церкви.

Верочка с каким-то удивлением вспоминает о своей матери.

— Не знаю, откуда в ней сила была... С виду мягкая, уступчивая. Голова никогда не повышала. Но она будто от рождения знала все самое главное о жизни, о людях и уверена была в каждом своем поступке. Помню, приехали на практику студенты зоотехникума. Жили в нашей избе. Мама им песни пела — она много знала старинных песен. А ночью — лунные, теплые были ночи — мама ворочается на кровати, вздыхает и шепотом спрашивает нас: «Ребята, вы спите?» — «Нет, что-то не спится!» — «И мне не спится. Может, погуляем?» И она до утра водила нас, меня, сестру и парнишек из техникума, по своим любимым, самым красивым местам. Студенты потом долго ей писали.

— Когда я уже в городе училась, привезла как-то домой погостить подружку. Подруге стало жалко маму: такая красивая, а всю жизнь провела в тяжелом домашнем труде, никуда из деревни не отлучалась, весь век скоротала с мужем, ничем не примечательным человеком. И собой неказист, да еще и выпивает. Подруга не удержалась, спросила: «Неужели вы всю жизнь любили его? Наверное, просто терпели?» «Как это терпела?» — изумилась мама и так искренне, что от превосходства подруги не осталось и следа. В нашем доме всегда были мир, согласие, разум. Отец чувствовал себя нужным и уважаемым в доме. Когда умирал, позволял маму и сказал: «Спасибо тебе за все».

— И я бы хотела, чтобы у меня было все так правильно. А получилось — у меня семьи настоящей нет, дети растут без отца. К маме люди тянулись за мудрым словом, а я сама нуждаюсь в поддержке. Мама в конце жизни говорила: на белом свете больше людей хороших. А во мне зреет обида на людей, я их не понимаю, вижу кругом одно равнодушие, жестокость.

Почему же Верочке не удалось обрести душевный мир, уверенность и радостное мироощущение?

Она уехала из деревни учиться в город. Общежития, переезды, быстрая смена коллективов, калейдоскоп людей. Подруги много говорили о самостоятельности женщин, о свободе чувств и выбора. Они переоценивали «устаревшие» ценности, те, которым естественно и безоговорочно следовала Верочкина

мама. Ее чувства были подчинены правилам, возможно в чем-то и устаревшим, но правила эти, отражавшие вековой опыт человеческих отношений, вошли в кровь и плоть, стали ее убеждением, ее мудростью. А Верочке хотелось не отставать от подруг, быть современной, самой выбирать, как вести себя, чем заниматься, кого любить. Эти настроения приходили в столкновение с неизбежно хранившимся в памяти «маминим образцом». Без меры посмотревшись кино и начитавшись книг «про любовь», она погрузилась в некий искусственный мир «эффектных» сильных страстей. Любовь представлялась ей сказочным чудом, дающим абсолютное, даровое счастье. Едва ли ей приходило в голову, что и это прекрасное чувство требует нелегкого труда души, что личное счастье во многом зависит не только от эмоциональных порывов, но и от трезвого мышления. Влюбившись «с первого взгляда» в демобилизованного моряка, с которым познакомилась в поезде, Верочка наивно и доверчиво решила, что и он к ней относится так же. Поэтому его слова: «Меня не интересует, когда ты там собираешься рожать» — прозвучали как гром с ясного неба.

Будем справедливы: она отдавала отчет в своем поступке, сознавала, что нельзя перекладывать вину целиком на другого человека. Равные права — равная и ответственность. «Он» от ответственности уклонился. Она нет. «Я даже радовалась, — вспоминает Верочка, — что у меня будет ребенок, похожий на любимого. Я еще не знала, что такое быть матерью-одиночкой. Но и сейчас не жалею, что так поступила». Продолжая учиться, она работала ночной няней в Доме ребенка, куда на время своей учебы устроила сына. Вуз Верочка окончила без троек. С дипломом и ребенком вернулась в свой город.

Спустя много лет они встретились. Гуляли по улицам, разговаривали. Он стал инженером, у него семья, дети. К Верочке он, как и прежде, вполне равнодушен. Ничего не спросил о сыне. Сохранившаяся привязанность Верочки удивила, даже напугала его: «Неужели ты меня еще любишь? — с недоверием вглядывался он в нее. — Но ты же меня совсем не знаешь. И я тебя не знаю».

Верочка вспоминает о том, как в юности она радовалась впервые открытой для себя самостоятельности. И с горьким чувством думает о том, что эта самостоятельность обернулась для нее одиночеством. Ни полученная специальность, ни работа не помогают забыть об этом. В глубине души Верочка

мечтает о помощи, о поддержке. Ей совсем не хочется быть хозяйкой жизни. Особенно безвольной и растерянной становится она за пределами своего дома. Плохо разбирается в механике большого мира и потому легко внушаема. С одной стороны, она продолжает мечтать о необыкновенной любви, о сильном взаимном чувстве, которое сразу же преобразит ее жизнь, сделает полной, счастливой. С другой стороны, на нее невольно действуют разговоры окружающих, расхожая мудрость, что надо-де устроиться, выйти замуж, прикрыть «грех». И вот, поддавшись этим внушениям, Верочка выходит замуж. И новая неудача — не смогла полюбить мужа, человека, чуждого ей по характеру, не понявшего ее. В результате и второй ее ребенок растет без отца. И хотя Верочка получила от жизни еще один жестокий урок, это не научило ее лучше разбираться в людях и в себе.

Она по-прежнему запоем читает, ходит в кино и театр, но внимание ее останавливается только на любви, пропускает все остальные — «скучные» — области и темы...

Мне становится обидно за Верочку. Я хочу понять, в чем ее ошибка? Казалось бы, душевная одаренность — залог высокой духовной организации. Может быть, это постоянное ожидание «любви-магии», жуда, подарка делает ее такой беспомощной, во многом ограниченной? Подарка все нет и нет, а жизнь-то идет. И бесконечное ожидание оборачивается инфантильностью, наносит урон ее личности. Она, в сущности, не приобретает жизненного опыта. Незаметно для нее самой растет ее общее жизненное невежество, поразительно уживающееся с чуткостью и проникновенностью.

Главное же, к Верочке так и не пришла зрелость — умение правильно ориентироваться в жизни, трезво судить о себе и окружающих, критически относиться к своим поступкам, извлекать пользу из жизненных уроков. Обостренная чувствительность к малейшим дуновениям внешнего мира перегружает ее нервы всяческими тревогами, страхами, мнительностью, болезненными ощущениями. Эмоции захлестывают ее. И вот, по совету тети, она решает обратиться к религии. Идет в церковь и принимает крещение, а затем крестит своих детей. И в этом поступке все та же «недодуманность», наивность — «авось, поможет». Верочке невдомек, что прибегать к помощи религии, зная, что в бога ты не веришь, в сущности, безнравственно. Но ее влечет та же надежда на «чудо».

Общаясь с Верочкой несколько

дней, я замечаю, что со всеми, кроме собственных детей, она не умеет нащупать правильного тона, почему-то всегда обращается «с протянутой рукой», смотрит на всех снизу вверх, заранее испуганно — опять обидит!

У нее нет подруг. Нет своих друзей.

— Мне очень нравится Нина, что живет со мной в одном подъезде. Восемь лет мы знакомы, вместе бегаем по магазинам, в кино. Но напрасно я жду, что она пригласит меня к себе на праздник. Сколько праздников я провела одна! Однажды попыталась попроситься на Новый год. Думала, хоть на кухне помогу, пироги буду печь. Но Нина ответила: «Сама подумай, что тебе тут делать? Придут семейные пары. А ты одна. Приходи лучше завтра, поболтаем вдвоем...»

Как же помочь Верочке обрести уверенность, ту завидную цельность, которыми счастливо обладала ее мать? Да и насколько может помочь здесь чужой опыт, совет пусть доброжелательного, но стороннего наблюдателя?

Верочка самостоятельно зарабатывает себе на жизнь, одна, без посторонней помощи поднимает двоих детей. Казалось бы, в этих обстоятельствах можно черпать силы и уверенность, то самоуважение, без которого трудно строить взаимоотношения с окружающими... Ей бы осознать свои потребности, чувства и желания, выработать свой собственный нравственный порядок — одним словом, стать самостоятельной не только житейски, но и духовно. Тогда исчезнет раздвоенность, неуверенность, которые мешают жить свободно, «на равных» общаться с людьми, защищать свои понятия о добре, о человеческой привязанности от недалеких и недоброжелательных «оппонентов» наподобие Раисы Федоровны. Но Верочка, в сущности, боится такой самостоятельности. Ей кажется, прими она ее — и конец мечтам о личном счастье. В «современной» Верочке незримо для нее самой живет чувство своей вторичности, соподчиненности, то, что веками приносило женщину. Скажи ей об этом так прямо, она не поверит, засмеется. А между тем, вероятно, так оно и есть.

Если бы Верочка научилась зорче вглядываться в людей! Не приберегала бы все свои душевные силы только для «суженого», не искала бы, к кому можно прислониться, а посмотрела бы вокруг себя, заметила бы тех, кто сам нуждается в ее тепле и помощи. Перестав быть просительницей, ощутив себя самым источником помощи и радости для других, может быть, она сделала бы реальным и достижимым свое собственное личное счастье.

«ЖИВУ Я В МАЛЕНЬКОЙ ДЕРЕВНЕ»

Песни сердца,
Устремляйтесь к людям,
Утоляйте жажду,
Как родник.

Эти слова Е. Русакова считает программными в своем творчестве. Евдоким Евдокимович всю жизнь прожил в деревне Коровкино Боровичского района на Новгородчине. Он — потомственный крестьянин, пастух колхоза «Россия». Ему за 50, сейчас он на пенсии, потому что старая военная контузия подорвала здоровье. Писать стихи начал в школе. Пишет о знакомом и близком ему — о деревне, ее людях, о природе. Пишет ярко, выразительно. Известный советский поэт Михаил Дудин так сказал о творчестве Русакова: «Он знает землю, он знает подлинную цену хлеба, он понимает красоту земли и сладкую усталость человека, умеющего возделывать землю».

Стихи Е. Русакова богаты раздумьями, большим человеческим опытом. Ленинградский «Детгиз» несколько лет назад выпустил прекрасно оформленную книгу Е. Русакова «Мельница-метелица», которая обратила на себя внимание юных и взрослых читателей. Более трех тысяч писем, пришедших деревенскому поэту, содержали слова благодарности и пожелания больше писать. Недавно в Ленинграде издан новый сборник его стихов — «Живу я в маленькой деревне».

Е. Русаков в родной деревне.

Собравшись в колхозной картинной галерее, односельчане слушают своего поэта. Как важно знать, что твою книгу читают!

Ферганскую долину издавна называли жемчужиной Средней Азии. Даже среди самых великолепных оазисов, богатых растительностью и живой влагой, она выделяется своим особенно благоприятным климатом — горы оберегают ее и от холодных ветров с севера, и от зноя южных пустынь. Но в дореволюционное время даже такая щедрость природы не могла избавить людей от нищеты. Богатства присваивались эксплуататорами, а труженики уповали на милость Аллаха, просили у святых заступничества и помощи. Мусульманская религия властвовала над умами и чувствами людей, сковывала их активность, требовала покорности...

Сегодня Фергану по-прежнему называют жемчужиной Средней Азии, но все ее богатства принадлежат народу. Она дает стране самые высокие урожаи хлопка, превратилась в важную шелководческую базу, в здешних горах добывают ценнейшие полезные ископаемые. Щедрость природы Ферганы значительно умножилась благодаря происшедшим в Средней Азии социалистическим преобразованиям.

Одно из главных этих преобразований — духовное обновление жизни края, невиданный рост культуры и образования. Теперь одна наша область ежегодно готовит более 6 тысяч специалистов с высшим и более 7,5 тысячи специалистов со

Р. КАСЫМОВА,
секретарь
Ферганского
обкома
КП Узбекистана

средним образованием. Есть много других характерных цифр, но я ограничусь этой — она очень выразительна, если не забывать, что до Октября в Ферганской долине редко можно было встретить даже просто грамотного человека. Да и вся грамота заключалась в знании Корана, настоящее образование было доступно единицам.

Множеством разнообразных экономических и духовных связей соединена Фергана с другими краями страны. Четыре тысячи видов промышленной продукции поступают из нашей области не только во все концы Советского Союза, но и более чем в сорок зарубежных государств.

В Фергане, как и на всем Советском Востоке, прочно утвердился социалистический образ жизни. Тому есть множество свидетельств. И наша действительность убеждает в том, что установки религии — будь то ислам или христианство, — давая иллюзорное представление о мире, в конечном счете противоречат социалистическому образу жизни. Отмирание религии — процесс закономерный.

РАБОТА ВАЖНАЯ,

Праздник в семье
ветеранов труда
Кендглабуви
и Дехнабая
Ахраровых.

Столетняя
жительница
Маргила
Хосият Турсунова
всегда провожает
в школу
правнуков
и внуков,
когда идут они
в 1-й класс.

Фото
Т. Хамранулова
и Л. Кима.

Праздник весны
в г. Куве.

Однако особенности религиозной идеологии таковы, что в силу ряда причин, исторических, психологических и других, она в наше время продолжает воздействовать на умы и чувства некоторых людей, удерживаться в быту.

У нас в области еще немало людей соблюдают религиозные обряды — особенно по случаю смерти, свадьбы, рождения ребенка. Сохраняется и вера в мусульманских святых. С ними связывают некоторые долины, деревья, горы, камни, могилы. Им поклоняются верующие, особенно женщины. Вместе с ними к святым местам приходят и дети.

О важности атеистического воспитания Центральный Комитет КПСС напомнил нам в постановлении «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». Этими указаниями партии руководствуемся мы в организации атеистической работы. За последние годы у нас в области сделано многое для создания системы атеистического воспитания, необходимой для выполнения положения XXV съезда КПСС о комплексном подходе в воспитании.

При областном комитете партии действует методический совет по атеистической пропаганде. В его составе партийные, советские работники, представители ведомственных, культурно-просветительных организаций и учреждений, ученые, журналисты, опытные пропагандисты. На заседаниях совета регулярно обсуждаются вопросы атеистического вос-

НЕОБХОДИМАЯ

ПРАКТИКА:
ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

питания. Как методический центр, он дает рекомендации советам по атеизму при горкомах и райкомах партии, координирует их деятельность. Во всех крупных первичных парторганизациях у нас есть организаторы атеистической работы. Многие первичные партийные организации области имеют хороший опыт этой работы. Областной методический совет по атеизму рекомендовал для распространения опыт атеистического воспитания колхоза имени Г. Гуляма Узбекстанского района, Янгикишлагского колхоза Кувинского района, Ферганского педагогического института имени Улугбека и ряда других организаций.

В колхозе имени Г. Гуляма организована индивидуальная работа с верующими, проводятся беседы в домах колхозников. Пропагандисты заботятся о расширении кругозора своих слушателей и стремятся наполнить атеистическим содержанием беседы о социалистическом образе жизни, о достижениях науки. Особое внимание уделяется атеистическому воспитанию женщин-колхозниц и домохозяек, их стараются привлечь к участию в различных общественных мероприятиях, организуют для них встречи с женщинами-узбечками — ударницами труда, актрисами, учеными и т. д. Их рассказы о том, как они получали образование, как трудятся, воспитывают детей, всегда вызывают большой интерес сельских женщин.

В Янгикишлаке налажен контроль за соблюдением законодательства о культах. Серьезная разъяснительная работа ведется вокруг святых мест, где нередко деятельность бродячих мулл и самозван-

ных врачей вступает в противоречие с законным порядком.

В Ферганском педагогическом институте действует школа молодого лектора, в которой студенты проходят подготовку к пропагандистской работе, в том числе и к атеистической. Здесь ценно то, что к ней готовят девушек, у нас пока ощущается большой недостаток именно в женских пропагандистских кадрах.

Для изучения и пропаганды лучшего опыта областной совет регулярно проводит выездные заседания. В селении Ляган Ферганского района, например, на таком заседании обсуждали работу партийных и общественных организаций по атеистическому воспитанию, в Рыштанском районе изучали, как входят в быт новые обряды. В заседаниях участвовали секретари райкомов партии, комсомола, представители районной организации общества «Знание», журналисты.

За последние два года совет изучил атеистическую работу во Фрунзенском, Ахунбабаевском и Узбекстанском районах, на Ферганском производственно-аграрном объединении консервной промышленности. Особое внимание уделяем мы районным женсоветам.

Подготовка и повышение квалификации атеистических кадров — одна из важных забот нашей парторганизации. У нас есть областная, две городские и одна районная школы лекторов-атеистов, действуют 8 школ агитаторов-атеистов, 14 народных университетов, атеистические лектории и клубы атеистов. Постоянно действующие формы учебы дополняются семинарами, информационно-инструктивными совещаниями и конференциями идеологического актива. Участники семинаров изучают опыт лучших пропагандистов, знакомятся со всем комплексом атеистического воспитания, слушают лекции по вопросам теории научного атеизма. Обком партии обычно собирает семинары не реже одного раза в год, а горкомы и райкомы — два раза. Областная организация общества «Знание» проводит зональные межрайонные семинары лекторов-атеистов.

В прошлом году в области прошли научно-практические конференции на темы: «Единство интернационального и атеистического воспитания», «Проблемы научно-атеистического воспитания молодежи».

Бывает так, что семинар собирают в трудовых коллективах, школах, культпросветучреждениях, чтобы показать, как здесь организовано атеистическое воспитание. В Ферганском районе, например, такой семинар был посвящен воспитательной работе с паломниками, которые посещают святые места, поклоняются деревьям, скалам, духам и т. д.

Система подготовки кадров атеистов, сложившаяся у нас в области, действует эффективно. За последние годы значительно больше людей стали принимать участие в атеистической работе. Сейчас у нас свыше 500 лекторов, пропагандистов, агитаторов и среди них — что в наших условиях очень важно — около 150 женщин.

Большое место занимает у нас атеистическое воспитание молодежи, она всегда в центре нашего внимания. Кстати сказать, молодежь и в центре религиозной пропаганды мусульманских проповедников, заботящихся о будущем религии.

Наша постоянная забота — формирование твердых атеистических убеждений у студентов. Парtkомы Ферганского и Кокандского пединститутов, Ферганского политехнического института серьезно занимаются атеистической работой. В учебных программах, в общественной практике студентов учитывается эта задача. В институтах несколько лет работают факультеты общественных профессий, где на отделении молодых атеистов-лекторов занимаются в среднем 100 человек.

Есть советы по атеизму и атеистические кружки почти во всех школах. Ими руководят учителя, прошедшие подготовку на специальных курсах, семинарах. В каждом доме пионеров и школьников, а их у нас 18, есть кружок атеистов.

Атеистические мероприятия входят в планы работы всех культурно-просветительных учреждений области. Возьмем, к примеру, Маргилан. В музее, центральной библиотеке, в клубах этого города проводятся вечера вопросов и ответов по атеизму и религии, устраиваются встречи с интересными людьми.

Больше всего забот у атеистов, работающих в районах, где есть так называемые святые места. Паломничество — самая характерная форма проявления религиозности у среднеазиатских мусульман.

В горном кишлаке Шахмардан многие годы собирала тысячи паломников «гробница халифа Али». Мусульмане искренне верили, что здесь похоронен именно халиф Али, двоюродный брат пророка Мухаммеда, погибший еще в VII веке. Шахмардан был среднеазиатской Меккой. Наши пропагандисты много лет вели настойчивую разъяснительную работу. Они рассказывали паломникам, что халиф Али похоронен в иракском городе Неджефе — это исторический факт, зафиксированный в арабских источниках, и его могиле поклоняются мусульмане всего мира. Здешняя же «могила Али» придумана теми, кто захотел привлечь в Шахмардан доверчивых людей, плохо знающих историю ислама. Паломничество из года в год шло на убыль. Затем здесь был сооружен комплекс памятников красноармейцам, погибшим во время гражданской войны, а также мавзолей в память основоположника узбекской советской литературы, убежденного атеиста Хамзы Хакимзаде Ниязи, убитого мусульманскими фанатиками. Теперь Шахмардан называется Хамзабадом. Он привлекает множество туристов. Здесь великолепные места для отдыха, расположен альпинистский лагерь «Дугоба».

Снижению религиозности способствуют и новые советские обряды, связанные с важными событиями в жизни людей. При обкоме партии действует методический совет, занимающийся этой проблемой. От того, насколько прочно новые обряды войдут в быт и сознание людей, во многом зависит судьбы религии; совместное исполнение их объединяет верующих и атеистов, снимает предубежденность у верующих по отношению к атеистической пропаганде.

Красивый, эмоционально насыщенный ритуал дает повод для раздумий о смысле жизни, о предназначении человека на земле, о счастье. Хорошо продуманные ритуалы по случаю радостных или печальных событий привлекают к участию в них тех людей, которые редко бывают в клубах, почти не смотрят кинофильмы, сторонятся атеистических ме-

роприятий. У нас в области вошло в жизнь немало прекрасных ритуалов и праздников. Торжественно и красиво проходят Праздник весны — новруз, Праздник урожая, Праздник цветов и другие.

Вот, например, как устраивают новруз в совхозе «50 лет Узбекистана» Риштанского района. День праздника начинается призывными звуками карнаев и барабанов — они собирают жителей всех кишлаков совхоза. Народ вначале идет к памятнику В. И. Ленину, десятки венков ложатся к постаменту, где несут почетный караул пионеры. После минуты молчания все направляются в совхозный сад. Здесь накрыты столы с традиционным угощением. Кокчай, свежие белые лепешки, самса с начинкой из зелени, фрукты, сумалак — любимое кушанье сельских жителей, его готовят из пророщенной пшеницы. Когда все сядут за столы, появляются 12 нарядных девушек, каждая олицетворяет месяц года, и еще одна — самая красивая, в белом платье, в алых лентах — весна. Эта девушка читает стихи о людях совхоза, о том, как прошел год. Подруги дополняют ее рассказ. За столами не только веселятся, там идут и деловые разговоры — о том, что волнует сельских тружеников. Немало и серьезных вопросов решается в день новруза. Потом, после угощения, будет проложена первая, пока символическая борозда на поле хлопкосеющих бригад, будут торжественные церемонии проводов ветеранов на заслуженный отдых, вручение нагрудных знаков матерям-героиням. А кишлачные Советы вручают призы победителям конкурсов-смотров за лучшее содержание домов.

Новруз не считается настоящим праздником без аскии — состязания острословов — и мушоиры — состязания поэтов. Показывают свои таланты и участники художественной самодеятельности, выступают спортсмены. Обязательна и праздничная ярмарка.

Приход весны отмечают во всей области. В Фергане, Маргилане, Коканде сначала все вместе работают на озеленении и благоустройстве улиц, кварталов и махаллей, а потом и веселятся на славу.

Традиционным стал праздник первой коробочки хлопка в городе Куве. В нем участвуют труженики

города и всего района. В сопровождении народных музыкальных инструментов — карнаев и сурнаев — едет по улицам благоустроенных, зеленых кишлаков района празднично украшенный обоз «белого золота». Он едет к большим воротам хлопкозавода имени XXV съезда КПСС, где на митинг собирается множество народа. Хлопкоробы района рассказывают о своих делах. Представители трудящихся промышленных предприятий поздравляют их с успехами и первым обозом, обещают свою помощь в сборе выращенного урожая. После того как принят первый обоз, праздник перемещается в парк культуры, где общее внимание привлекают песни и танцы ансамбля «Анор», получившего золотые медали на международных фестивалях в Голландии и Бельгии.

Традиционными стали у нас и праздники трудовой славы, чествования передовиков производства, ветеранов труда, посвящение в рабочие, колхозники. О том, как они проходят, сообщают областная и районная печать, радиовещание.

Размах атеистической работы у нас большой. Однако недостатков в ней больше, чем хотелось бы. Есть в ней еще и формализм, не всегда она учитывает особенности религиозного сознания современного верующего. Был бы, что религиозный обряд более привлекателен, чем светский, и людей можно понять: новый обряд порой невыразителен, не учитывает национальных особенностей. Трудно прививаются гражданские траурные обряды. Не везде налажена индивидуальная работа с верующими. Да и вокруг святых мест необходимо нам активнее работать.

Атеистическое воспитание трудящихся было бы намного эффективнее, если бы в него активно включились творческие союзы. У нас мало еще произведений искусства и литературы, кинофильмов, ставящих проблемы, связанные с религией.

Но если мы отдаем себе отчет в недостатках, трезво их оцениваем, значит, можем их исправить. И в этом наша задача. Ее выполнение, несомненно, будет способствовать дальнейшему улучшению идеологической работы, главная цель которой — воспитание нового человека.

г. Фергана

Совет-организация общественная

А. СМЕРНОВ,
консультант
кабинета политического просвещения
Фрунзенского райкома КПСС
г. Москвы

Основа всей деятельности районной партийной организации по идейно-политическому воспитанию трудящихся — политическое просвещение, марксистско-ленинское образование коммунистов и беспартийных. Достаточно сказать, что к изучению марксистско-ленинской теории привлечено около 90 процентов всех работающих в районе. Многие делают райком партии для трудового, нравственного, мировоззренческого воспитания трудящихся, в том числе атеистического.

Сейчас уже можно смело сказать, что в районе сложилась определенная система атеистического воспитания. При районном комитете партии есть научно-атеистический совет, который возглавляет доктор медицинских наук В. Я. Ро-

гальский. В его состав входят партийные и комсомольские работники, организаторы атеистической работы ряда предприятий и учреждений района, лучшие пропагандисты.

Члены районного совета регулярно бывают на предприятиях и в учреждениях района. В коллективах 2-го Московского часового завода, фабрик «Ява» и «Большевик» хорошо знают члена совета П. С. Ярославцева.

Деятельность совета многогранна. Она охватывает буквально все направления атеистической работы. Одно из главных — совершенствование теоретической и практической подготовки кадров. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что глубоко научную пропаганду атеизма могут обеспечить лишь

хорошо подготовленные пропагандисты. Это требование особенно возросло в наши дни, когда заметно повысилась общая культура населения.

Научно-атеистические советы созданы и на ряде крупных предприятий района. Например, успешно действует такой совет при парткоме завода «Знамя труда». В каждом цехе есть ответственные за атеистическую работу. Они активно помогают заводскому совету во всех его начинаниях. Под рубрикой «Человек — хозяин судьбы» в многотиражной газете «Заводская правда» опытные пропагандисты выступают со статьями на различные атеистические темы. Сейчас на заводе стали редки случаи совершения религиозных обрядов и в то же время заметно воз-

рос интерес к вопросам научного атеизма.

На предприятиях района есть немало людей, которые хотели бы пополнить свои знания в области научного атеизма. Помочь в этом призваны теоретические семинары. Несомненный интерес представляет опыт таких теоретических семинаров, как, скажем, существующего уже свыше 10 лет в Госплане СССР. Здесь слушатели изучают историю и современное состояние религии, советское законодательство о религиозных культах, методы атеистической работы среди населения и т. д. Занятия проводят опытные пропагандисты. Для слушателей организуется тематический показ художественных и документальных фильмов. По окончании учебного года слушатели пишут рефераты. Причем следует отметить, что в последнее время они все больше посвящаются практическим вопросам.

Много лет при районном комитете партии успешно действует семинар организаторов научно-атеистической работы, которым бесценно руководит кандидат философских наук Н. С. Семенкин. Слушатели семинара — опытные пропагандисты-атеисты, возглавляющие этот участок у себя на предприятиях и в учреждениях. Программа семинара предусматривает изучение как методики и организации научно-атеистической работы, так и теоретических проблем научного атеизма.

На занятиях подробно анализируются процессы модернизации религиозных верований, попытки западной пропаганды использовать религию в идеологической борьбе. Большое внимание уделяется изучению советского законодательства о религиозных культах. Высокий уровень семинарских занятий обеспечивает участие в них М. П. Новикова, Н. П. Красникова, Б. Н. Конова, В. Г. Пивоварова, М. А. Поповой и других известных специалистов научного атеизма.

Разумеется, этим система подготовки кадров организаторов и пропагандистов атеизма в районе не исчерпывается. Немаловажное значение имеют и курсы «Основ научного атеизма», которые читаются в ряде вузов, в том числе в Московском автомобильно-дорожном институте и школе-студии МХАТ.

Особенности различных групп трудящихся и населения района учитываются и при организации лекционной пропаганды. Так, на Центральном телеграфе, где трудятся много женщин, в рамках постоянно действующего клуба «Атеист» читается цикл лекций «Мораль и религия». В больницах района практикуется цикл «Медицина и религия». Для жителей микрорайонов на базе клубов жэк проводятся занятия кинолекториев.

Партийные организации района, осуществляя комплексный подход к решению задач коммунистического воспитания, стремятся активно применять различные формы и методы атеистической работы. Например, в последние годы происходит переход от разовых лекций к циклам. Это позволяет более аргументированно и всесторонне раскрывать различные аспекты религии, показывать мировоззренческую и нравственную ценность атеизма.

Ангрен. Дом культуры

Это объявление привлекло внимание многих: оно извещало о том, что очередные занятия народного университета научного атеизма при Доме культуры состоятся на агитплощадке в квартале 5-1А, где слушатели встретятся с бывшей верующей Г. М. Булегчановой. К указанному времени во двор, где расположена агитплощадка, выходили семьями, несли с собой стулья, зная, что мест может и не хватить.

Директор Дома культуры и ректор народного университета Акил Эшончаев представил слушателям Булегчанову, сказал о ней несколько слов. Люди внимательно слушали ее искреннее повествование о том, как поняла она, что религия лишала ее многих радостей жизни, не давала заниматься любимым делом. Пугая наказанием на том свете, верующие родные не пускали ее учиться, работать. Сначала у нее просто возник протест против духовного угнетения, позже атеистические убеждения стали твердыми, основательными. Во многом помогли этому занятия в университете научного атеизма, которые она посещала.

Много вопросов задавали рассказчице. Судя по ним, многие из присутствующих после этой встречи сделали для себя определенные выводы. Добрый пример помогает принять решение.

Занятия университета научного атеизма при Доме культуры всегда интересны. Его филиалы организованы при Ангренской швейной фабрике, в горящем поселке, жилищно-эксплуатационных конторах, в махаллинских комитетах, в тресте Узбекшахтострой. Слушатели занимаются два раза в месяц по 138-часовой программе, рассчитанной на два года. Здесь дают знания по основам атеизма и религии, рассказывают, в чем смысл религиозных обрядов и праздников, как они возникли, в чем их вред сегодня, говорят о новых обрядах, которые входят в жизнь. Проводятся и занятия, посвященные моральным проблемам. Их цель — создать у слушателей представление о том, почему религиозная мораль противоречит советскому образу жизни.

Слушателям показывают научно-популярные и художественные фильмы, организуют для них встречи с бывшими верующими и священнослужителями. Нередко здесь выступают ветераны войны и труда, знатные производственники, уважаемые люди города. Некоторые занятия проводятся в краеведческом музее.

Много времени отдают чтению лекций в этом университете преподаватели областного пединститута Х. Эматов, С. Норматов, заведующий кафедрой философии Н. Маматов, сотрудник городского краеведческого музея Т. Гувели, директор школы О. Эшончаев, заместитель председателя горисполкома

И. Сайфутдинов, учительница Е. Матушкина и другие специалисты.

Швея-мотористка Ангренской швейной фабрики Карима Атабаева говорит:

— Мне университет научного атеизма дает очень много: я стала шире видеть мир, а полученные знания помогают правильно оценивать старые традиции, многие из которых связаны с верой в Аллаха.

Среди слушателей — немало агитаторов, которые ведут работу на своих предприятиях. Так, хорошую подготовку в университете получили работники швейной фабрики — экономист Э. Усеинова, контролер ОТК М. Мухамедова, швея-мотористка К. Бердикулова.

Университет научного атеизма в Ангрене — участник Всесоюзного общественного смотра народных университетов, он занесен во Всесоюзную Книгу Почета, отмечен специальным дипломом, его ректор А. Э. Эшончаев награжден Почетной грамотой Всесоюзного общества «Знание».

Опыт народного университета в Ангрене свидетельствует о том, что такая форма атеистического воспитания трудящихся — весьма эффективна. Многие слушатели не только пополняют свои знания, но и нередко после окончания курса сами становятся активными пропагандистами научного мировоззрения.

Следует отметить, что не только народный университет, но и весь комплекс воспитательной работы, проводимой Домом культуры, несет немалый атеистический заряд. Этому способствуют и пропаганда общественно-политических знаний, и вечера, посвященные достижениям нашей страны, новостям искусства. Большое внимание уделяется тут художественному и эстетическому воспитанию трудящихся, организации их досуга и отдыха. Особое место занимает работа с женщинами, которые не заняты в общественном производстве, и их детьми. Недаром в Доме культуры всегда многолюдно. Людей привлекают сюда не только разнообразные интересные мероприятия, но и приветливая, дружеская атмосфера, когда хозяева рады гостям.

В. УЛЬМАСБАЕВ,
сотрудник Ангренского
краеведческого музея

г. Ангрен
Узбекской ССР

ПО ВЕЛЕНИЮ СЕРДЦА

Еще до войны, работая в сельской школе, прочитал молодой историк Санджи Дмитриевич Лавгинов книгу Ем. Ярославского «Библия для верующих и неверующих». Впоследствии и сам стал пропагандистом атеизма. А началась эта работа со случая у вербы, почитавшейся святой в том месте, где он жил.

Росла она на краю большого оврага и потому казалось, что родниковая, прозрачная вода струится как бы из ее корней. Однажды Лавгинов увидел, как несколько женщин с детьми благоговейно

обязывали ветки красными лентами, ставили свечи, бросали в воду серебряные монеты. Лавгинов подошел, стал рассказывать про источник. Люди внимательно слушали и, было видно, соглашались с ним. С этого случая учитель истории С. Д. Лавгинов и стал пропагандистом атеизма.

Не забывает он об этом и в своей учительской практике. Как правило, учитель истории, если на уроке заходит разговор о религии и церкви, строит свои доводы на исторических фактах. Лавгинов же широко использует и современный материал. Его ученики ведут к тому же самостоятельную работу: пишут доклады, аннотации к книгам, подбирают художественные произведения.

Очень распространены среди учащихся дискуссии по самым различным вопросам религии и атеизма. Санджи Дмитриевич умело, не назойливо направляет их ход, учит ребят излагать свои мысли, убеждения. Он и рядом и впереди. Лавгинов считает, что юноши и девушки должны получать верные, убедительные ответы на волнующие их вопросы, иначе не исключено, что найдутся люди, которые ответят им, объяснят жизнь с позиций веры.

Санджи Дмитриевич Лавгинов ведет большую общественную работу. Он — председатель научно-методического совета по пропаганде научного атеизма республиканской организации общества «Знание». В республике чрезвычайно пестра религиозная картина — православие, ислам, ламаизм, много протестантских общин. Это связано с тем фактом, что здесь проживают представители более 50 национальностей. Естественно, такой участок работы требует больших знаний, такта, организаторских способностей. Но Санджи Дмитриевичу Лавгинову работа нравится, ведь он выбрал ее, как говорят, по влечению сердца.

И. СВИСТУНОВ

г. Элиста
Калмыцкой АССР

Радость творчества

В Пермском педагогическом институте большое внимание уделяется мировоззренческой подготовке будущих учителей. Надо сказать, что в последние годы у наших студентов повысился интерес к атеистической проблематике, который мы, естественно, всячески поддерживаем.

Среди различных видов общественной деятельности студентов на первое место можно поставить их участие в лекционной пропаганде. Ежегодно они читают свыше тысячи лекций по естественнонаучной и научно-атеистической тематике. По решению кафедры философии каждый студент за время изучения курса «Основы научного атеизма» должен выступить как минимум с одной лекцией в массовой аудитории. Но некоторые читают по десять и более атеистических лекций.

Тематика их разнообразна: «Марксизм-ленинизм об атеизме, религии и церкви», «НТР и религия», «Кибернетика и атеизм», «Труд и религия», «Конституция СССР о свободе совести» и т. д. Причем студентка факультета иностранных языков Л. Ожгибесова читала в старших классах пермской спецшколы № 109 лекцию «Атеизм и религия» на французском языке. Читаются лекции для школьников на немецком и английском языках.

Однако студенты не ограничиваются чтением лекций, они организуют тематические вечера, вечера вопросов и ответов, устные журналы, дни атеизма и т. д. Так было, например, в школах Чусового, Березников, Перми, Кунгурского района и других, где студенты проходили практику. В ряде школ они помогали учителям составлять планы атеистической работы.

Большое распространение получили сегодня в области Ленинские чтения. И здесь наши студенты принимают активное участие. В частности, они выступают по темам: «Путь В. И. Ульянова (Ленина) к научному атеизму», «В. И. Ленин и проблемы атеизма», «В. И. Ленин об отношении рабочей партии к религии», «В. И. Ленин о свободе совести» и т. д.

Важное значение в развитии общественной активности студентов имеет организация атеистических студенческих конференций. У нас они проводятся ежегодно. Вот, например, по какому плану прошла конференция «К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин об атеизме, религии и церкви» в одной из групп математического факультета. Сначала был прослушан доклад «Работа К. Маркса «Критике гегелевской философии права. Введение». Затем — выступления по работам Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», В. И. Ленина «Социализм и религия», «О значении воинствующего материализма». После этого состоялось обсуждение доклада. Так будущие учителя углубленно познакомились с основными положениями классиков марксизма-ленинизма по узловым вопросам теории научного атеизма.

Чтобы помочь студентам лучше разобраться в атеизме, мы проводим на факультетах «Атеистический час вопросов и ответов». Главное внимание здесь уделяется таким вопросам, как взаимоотношения науки и религии, педагогические и нравственные проблемы. Даже эти несколько тем позволяют студентам ответить на многие вопросы, поставленные товарищами. А вопросы самые разнообразные: почему в настоящее время служители культа и богословы изменили свое отношение к науке? Почему неверно утверждение, будто библейская мораль удерживает человека от дурных поступков? Как рассматривается категория зла и добра в религиозной и коммунистической этике?

Большой энергии и знаний требует подготовка научных студенческих работ. Прежде всего привлекает разнообразие тем. Вот только некоторые из них: «Социологическое исследование атеистической зрелости студентов», «Религия и идеологическая борьба в современную эпоху», «Критика идеи «тепловой смерти Вселенной» на основе современных научных теорий», «Причины религиозности подростков и пути ее преодоления» и другие.

Есть у нас на факультете общественно-научных профессий и атеистическое отделение.

Руководит отделением заведующий кафедрой марксистско-ленинской философии, профессор М. Ф. Калашников. Те студенты, которые занимаются конкретными исследованиями, связаны с проблемной социологической лабораторией института. Там они знакомятся с методикой, изучают социально-демографические карты различных коллективов, составляют планы социального развития, в которые включены и мероприятия по атеистическому воспитанию трудящихся. Некоторые студенты ведут индивидуальную работу с верующими и их детьми.

Не отказываясь от апробированных форм атеистической работы, мы осваиваем и такие, как, скажем, КВАТ, клуб читателей журнала «Наука и религия». Все это дает возможность студентам познать радость творчества, воспитывает эрудированных пропагандистов. А главное — является одной из составных частей нашей работы по подготовке высококвалифицированных педагогов.

А. СКАЧКОВ,
кандидат философских наук

г. Пермь

Это интересно

Социологические исследования, проводившиеся в Омском сельскохозяйственном институте, убедительно показали эффективность преподавания курса основ научного атеизма и его влияние на формирование материалистического мировоззрения студентов. И здесь очень важно изучение проблем религии и атеизма, умение вскрывать несостоятельность богословских теорий, отстаивать материалистические позиции, вести пропаганду научного атеизма.

Когда мы стали анализировать с этой точки зрения различные мероприятия, проводившиеся в институте, увидели, что необходимо заняться разработкой новых форм атеистической работы со студентами. Такой формой стали олимпиады. Проводятся они два раза в год. В них принимают участие студенты от всех без исключения групп, изучающих курс научного атеизма. При этом мы учли стремление молодежи к соревновательности. Олимпиады одновременно стали и одним из элементов смотра-конкурса на лучшую студенческую группу.

Участники собираются в специально подготовленной аудитории и в течение трех часов письменно отвечают на вопросы единого для всех задания, которое включает теоретические вопросы курса — о специфике, корнях, функциях религии, ее реакционной роли и т. д., а также упражнений, в которых требуется умение аргументировать свою позицию.

Накопленный опыт говорит о том, что нам удалось найти новую и достаточно эффективную форму воспитания активных атеистов. Не случайно вот уже третий год проводится и областная межвузовская олимпиада по атеизму, в которой принимают участие также Омский университет, политехнический, автомобильно-дорожный институты, институт физической культуры.

В. СЕРГЕЕВА,
старший преподаватель
кафедры философии Омского
сельскохозяйственного института

КАК УСТОЯА

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Река времен в своем стремлении
Уносит все дела людей...*

С каждым днем, каждым годом уносит она «дела людей» все дальше и дальше, в бесконечные дали минувшего. Но время от времени поток этой аллегорической реки, воспетой державинскими стихами, как бы поворачивает вспять, и уносимые ею события прошлого начинают наплывать на нас. Случается это всякий раз с приближением к примечательным юбилейным датам; события и люди надвигаются на нас из глубин прошлого, вырастают в наших глазах, мы видим их яснее и четче.

Вот так, задолго до 600-летия Куликовской битвы, стала наплывать на нас из глубокой старины эпопея героической освободительной борьбы Руси с Золотой Ордой, эпопея их решительного ратного столкновения на обширном поле, раскинувшемся на берегах Верхнего Дона, при впадении в него речки Непрядвы.

О Куликовской победе и героях ее стали много писать и говорить еще на дальних подступах к ее 600-летию. Картина в высшей степени отрадная и примечательная для духовной жизни нашего общества... Книжки и брошюры, краеведческие очерки и туристские путеводители, публицистические статьи и искусствоведческие исследования... Героическая, суровая эпоха народной борьбы за свободу родной земли проступает сквозь дымку веков...

Но в этом полифоническом звучании, как это ни покажется странным, время от времени можно услышать музыкальные фразы из чуждой ему партитуры — православноцерковной; можно встретить утверждения, ничего общего не имеющие с истиной, с научным пониманием исторического процесса, преувеличивающие роль

церкви и ее отдельных иерархов в исторических судьбах русского народа.

Наверное, самым распространенным из подобных утверждений, почти неизменным атрибутом рассказов о Куликовской битве, пусть даже самых кратких, стала версия, которую можно условно назвать легендой о Сергиевом благословении — легендой о том, как Сергей Радонежский, игумен Троицкого монастыря (ныне — Троице-Сергиева лавра в подмосковном городе Загорске), «ободрил» и «вдохновил» московского князя Дмитрия Ивановича, преодолел колебания и нерешительность, которые будто бы вдруг овладели его душой и чуть ли не парализовали его волю. Эту версию можно проследить на страницах различных изданий на протяжении многих лет. Из публикации в публикации, из издания в издание кочует почти иконописная картинка: оробевший Дмитрий Иванович — на коленях перед игуменом Сергием Радонежским, простирающим благословляющие руки над смятенной и смиренно склоненной великокняжеской головой.

Можно подумать, что поработенный монголо-татарами русский народ тихо-смирно пребывал под чужеземным игом почти полтора столетия и не был готов к борьбе против золотоордынского ига. Можно подумать, что летом 1380 года Дмитрий Иванович располагал возможностью выбора при решении вопроса — идти на Мамай или не идти, — что он мог выступить против Мамая, а мог — без всякого риска — и повременить, не будучи до конца уверенным в победе над Ордой. Можно подумать, наконец, что Сергей Радонежский занимал в ту пору какое-то совершенно исключительное положение и в церковной, и в политической жизни Руси и что Дмитрий

Донской, в сущности, жил его умом, его волей.

Игумен Сергей предстает перед нами со страниц некоторых произведений фигурой провиденциальной, судьбоносной — его волей, поступками, пророческой прозорливостью предопределяются судьбы народа.

Писатель Д. Жуков в рецензии на книгу Е. Осетрова «Познание России», например, так прямо и заявил: «Это (речь идет о возвышении Москвы после Куликовской битвы. — А. Ш.) было предопределено неустанными трудами замечательного философа и политического деятеля... Сергея Радонежского... «Иди, князь!» — с этих слов началась эпоха расцвета, а затем и величия» («Молодая гвардия», 1969, № 6, стр. 302).

Дело доходит до утверждений просто удивительных. Пишут, к примеру, о том, что Сергей ухитрился сыграть на религиозных чувствах московского князя и его советников. О том, что великий князь отправился в паломничество в Троицкий монастырь вместе со всем своим войском, и многотысячную русскую рать заставляют, таким образом, в критически-опасные дни тащиться через леса целых семьдесят верст в сторону, диаметрально противоположную той, откуда уже грозно и злобеще надвигались Мамаевы полчища. Пишут о том, что Сергей Радонежский у стен обители своей громогласным предсказанием победы перед войском «заставил» Дмитрия Ивановича идти на бой.

Видимо, есть необходимость четко обозначить главный вопрос. Дело — не в личности игумена Сергея Радонежского, несомненно, крупного и влиятельного церковно-политического деятеля второй половины XIV века, активного сторонника объединения Руси вокруг Москвы и под ес

Русь

Александр ШАМАРО

главенством. Дело даже и не в благоговении им московского князя в стенах своей обители, перед выступлением в поход, — оно могло и быть (хотя этот эпизод никак нельзя назвать бесспорно достоверным) и, несомненно, оказало бы сильное психологическое воздействие на верующего князя. Но не это решало в то время судьбы Руси и не со слов Сергия Радонежского началась эпоха ее расцвета и величия. Двери в эту эпоху были распахнуты трудом и борьбой народа.

...В театральной режиссуре нередко применяется такой прием: узкий луч прожектора высвечивает на погруженной в темноту сцене лишь одного или двух действующих лиц, лишь одну мизансцену. Так и здесь. Ободряющий, вдохновляющий, предвещающий победу Сергей Радонежский и охваченный сомнениями, нерешительностью, «шатаниями духа» московский князь Дмитрий Иванович. Высвечен, в сущности, только один эпизод (историческая достоверность которого, повторяю, весьма сомнительна) — и он начинает казаться событием исключительной, первостепенной важности. Все остальное отходит на второй план.

Эффект театрального прожектора... Прием, уместный в театре, но не в истории. Увидеть то или иное событие, того или иного деятеля прошлого в истинном свете можно только в том случае, если это — яркий свет, заливающий всю историческую арену.

Итак, постараемся окинуть взглядом всю огромную сцену событий XIII—XIV веков, чтобы увидеть историческую правду о Куликовской битве, понять, как устояла Русь и кто был истинным героем борьбы за ее освобождение от золотоордынского ига.

I. ЗЛОГОРЬКОЕ ВРЕМЯ

Огромное пространство открывается нашему взору. Пространство и в прямом смысле слова — от Белозерска и Новгорода до Крыма и Нижней Волги. Пространство и в переносном смысле — почти полтора века русской истории, разделившие разорение Рязани Батыевой ордой в декабре 1237 года и битву на поле Куликовом в сентябре 1380-го. Целая эпоха, предшествовавшая Куликовской битве и, если можно так сказать, «работавшая» на славную русскую победу. Эпоха, без верного и ясного представления о которой невозможно понять эту битву, эту победу.

Космической катастрофой назвал Батыев погром академик Д. С. Лихачев. Об ураганном нашествии татар писал дореволюционный военный историк Д. Масловский, и тот же грозный метеорологический образ возник в воображении крупнейшего церковного историка Е. Е. Голубинского.

По выражению академика М. Н. Тихомирова, «невероятным ужасом дышат страницы» летописей, запечатлевших вторжение Батыя в русские пределы (30, 1)¹. Ужасом, который, по словам современников, заставил бы прослезиться и самого антихриста.

На прошло и полутора десятилетий после Батыя, как завоеватели возобновили набеги на Русь. 1252, 1273, 1275, 1278, 1281, 1282, 1283, 1284, 1285, 1286, 1288, 1293, 1297 — это годы ордынских набегов, совершенных ордынскими отрядами («ратями», говоря языком летописей) в течение одной только второй половины XIII века.

Набег следовал за набегом; в среднем, одно вторжение каждые три года. С 1281 по 1286 год включительно ордынские «ратии» разбойничали на Руси ежегодно. По крайней мере, четыре на-

бега (1252, 1281, 1282 и 1293) по своим последствиям приближались к Батыеву погрому. В течение второй половины XIII века ордынские «ратии» разоряли Переяславль-Залесский 4 раза, Муром, Суздаль и Рязань — 3 раза, Владимир-на-Клязьме — 2 раза (см. об этом: 15, 47). Продолжались они и в начале следующего столетия.

«Татаро-монголы установили режим систематического террора, причем разорения и массовые убийства стали его постоянными институтами», — писал Карл Маркс в работе «Секретная дипломатия XVIII века». — Будучи непропорционально малочисленными по отношению к размаху своих завоеваний, они хотели создать вокруг себя ореол величия и, путем массовых кровопролитий, обессилить ту часть населения, которая могла бы поднять восстание у них в тылу. Они проходили, оставляя за собой пустыни...» (цит. по: 19, 16).

Но ордынские «ратии» были кроваво-огненным насилием над основным бедствием — самым иноземным игом, постоянным кровососным режимом, установленным Золотой Ордой, режимом, который Карл Маркс назвал кровавой грязью монгольского ига. «Это иго, — писал Маркс, — не только давило, оно оскорбляло самую душу народа, славшего его жертвой» (цит. по: 7, 46).

Ордынские чиновники-«численники» разезжали по русским городам и землям и деловито — словно не людей, а скот на отгонных пастбищах — пересчитывали русское население, дабы никто не уклонился от уплаты грабительской дани, дабы предельно богатым стал ежегодный «выход» в Орду.

¹ Здесь и далее цифры в скобках обозначают ссылки на источники, список которых помещен в конце публикации. Первая цифра — порядковый номер в списке, вторая цифра — страница.

За первое столетие монголо-татарского ига в Золотой Орде было замучено и умерщвлено свыше 10 русских князей, вызванных туда ханами для изыскания покорности. Александр Невский, как известно, заболел (вполне возможно, был отравлен в ханской ставке) и безвременно скончался на обратном пути из Орды.

Нужно иметь в виду и водоворот кровавых междоусобиц. Застарелое зло княжеских распри не выжиг даже огонь Батыева погрома, русские князья продолжали грызть друг друга и «под Ордой».

Ради спасения Руси кому-то необходимо было встать над всеми, не считаясь ни с чем, не останавливаясь ни перед чем, даже перед использованием в этих целях ордынских карательных отрядов. Московские князья добились этого с настойчивостью, выдержкой, целеустремленностью, изворотливостью, хитростью, которыми нельзя не изумляться.

Главным соперником и самым сильным и упорным внутренним врагом Москвы была Тверь, выступавшая в тесном союзе с Литвой. Лишь в 1375 году вторжение в пределы Тверского княжества и месячная осада стольного града, предпринятые Дмитрием Ивановичем в союзе с другими русскими князьями (а походе участвовало около двадцати князей), заставили и тверского князя Михаила Александровича склонить голову перед московским могуществом и признать московское главенство.

С княжеством Суздальско-Нижегородским обошлось быстрее и легче. Не убоившись золотоордынских послов, уполномоченных осуществлять ханскую волю, Москва силой вырвала ярлык на великое княжение владимирское из рук тамосного князя Дмитрия Константиновича.

2. МАТЕРИК

МАТЕРИК — твердая земля, подпочва, край, природный, ненасыпной, ненаносный, «Толковый словарь» Владимира Даля

Передо мной тоненькая книжица карманного формата в потрешенной и выцветшей обложке — брошюра П. Кучина «Куликовская битва», выпущенная Военным издательством в 1939 году. На горге войны с гитлеровским фашизмом молодым, недавно призванным в Красную Армию бойцам, будущим героям сражений под Москвой и в Сталинграде, на Курской дуге и днепровских берегах, напомнили о борьбе их далеких предков с ордынским игом. Переносясь мысленно в ту предгрозовую пору, с каким-то особым чувством читаешь пожелтевшие, ломкие страницы...

«Русский народ, изнывая под игом татар, не погиб как самостоятельный народ, как единое национальное целое... Уходили в могилу отцы и деды, рождались новые поколения; от одних к другим переходило заветное продолжение начатое, увеличивать силы для свержения татарской неволи. Так прошло много лет. На жизненную дорогу вышли правнуки героев-страдальцев борьбы с Батыем. Они помнили завет своих отцов, дедов и прадедов. Из песен, былин, слагавшихся в глухих де-

рях ростовско-суздальских лесов и передававшихся из уст в уста от поколения к поколению, они узнавали о великом горе русского народа, о необходимости рано или поздно покончить с тяжелой татарской неволей» (стр. 13—14).

Батыево нашествие и ордынские набеги, которые за ним последовали, заставляли значительные массы русского населения отойти под надежную защиту первобытных, непролазных лесов, обживать обширные «медвежьи углы». Поднимались, росли и крепились «молодые города»: Тверь, Кострома, Галич и — Москва, которой и суждено было стать центром объединения Руси, возглавить ее борьбу с золотоордынским владычеством.

У ордынских карателей и разорителей, к великому несчастью, были союзники. Три союзника, таких же бесощадно жестоких и коварных, — чумные эпидемии, катастрофические неурожай и опустошительные городские пожары. И сказывало все эти бедствия пробивалась человеческая жизнь, живая цепочка из шести или семи поколений «всевыносливого народа русского», говоря словами статьи о Куликовской битве, напечатанной в одном из журналов столетней давности (9, 23).

«И невольно удивляешься, — прочел я в старой книжке, — как из этой разженной печи вавилонской, из этого горнила бедствий и ужасных испытаний Русь выходила живою и целою» (4, 21).

Чтобы с оружием в руках прийти на берега Верхнего Дона и разгромить там армию Мамая, русскому народу необходимо было прежде всего выжить. «Золотоордынское иго стало тяжелейшим испытанием для русского народа, — подчеркивает советский историк В. Д. Назаров, — под вопрос была поставлена сама возможность самостоятельного национального развития, нравственная сила народа и его способность к сопротивлению были подвергнуты решающей проверке» (23, 100).

Русь устояла, не только восстановив вековой уклад жизни, разрушенный Батыевым погромом и подрываемый частыми ордынскими набегами, но и подняв его на новую ступень. Русь устояла, отстраивая старые города и строя новые, засевая старые угодья и распахивая новые. Русь устояла в труде и борьбе. «Можно только преклоняться перед героическими усилиями русского и других народов нашей страны, — писал советский историк В. В. Каргалов, — которые в многовековой борьбе с монголо-татарскими завоевателями не только выстояли, не только восполнили колоссальный урон, нанесенный нашею производительным силам страны, но и создали условия для поступательного исторического развития» (13, 58). Труд крестьян и ремесленников порождал потребность в торговле, создавал предпосылки для ее развития. А торговые пути скрепляли воедино разобщенные княжества и города. Не случайно Москва поднялась, окрепла, разбогатела на оживленном перекрестке важнейших речных и сухопутных путей.

Можно сказать, что Русь победила Орду задолго до битвы на берегах Дона, выжив и устояв на протяжении полутора веков, отделявших Батыев погром от Мамаева побоища. А раз выжила, раз устояла — то решительное военное

столкновение, которым стала битва на поле Куликовом, уже было неизбежно, неотвратимо.

Из полотен, рисунков, скульптурных изображений, посвященных Куликовской эпопее, можно было бы, наверное, составить целую картинную галерею, в залах которой мы увидели бы творения выдающихся мастеров и дореволюционного времени, и советских лет. В последние годы воображаемую экспозицию эту заметно расширили картины советских художников. Если бы мы поставили под каждой картиной, каждым рисунком дату запечатленного на них события и развесили их в хронологическом порядке, то увидели бы, что, по существу, все художественное богатство досталось нескольким неделям на стыке лета и осени 1380 года, а подавляющее большинство картин и рисунков приурочено к одному его дню — 8 сентября. Иными словами, произведения изобразительного искусства, посвященные борьбе русского народа с золотоордынским игом, запечатлели почти исключительно лишь высший взлет ее — Куликовскую битву.

Все это, разумеется, естественно и закономерно. Жаль только, что до сих пор внимание художников не привлекали еще не затронутые живописью тематические горизонты. Ведь не всегда же русские люди того времени носили шлемы и кольчуги — они надели доспехи и опоясались мечами лишь перед выступлением в поход. А как они жили, чем занимались, как выглядели в повседневной жизни? Они выращивали хлеб, ловили рыбу в реках и озерах, возводили крепости, хоромы и церкви, рубили избы. А как и чем трудились они на нивах, как обтесывали камни и укладывали их в стены и своды? Как жили в своих избах? Как коротали досуг и скрашивали бесконечные будни?

«...Подробно рассказывая о подвигах князей, — отмечал В. В. Каргалов, — летописцы почти ничего не писали о подлинном героизме борьбы за независимость Руси — народе, о тех безымянных храбрецах, которые вынесли на своих плечах многочисленные войны с внешними врагами. Это вполне объяснимо: летописи создавались при дворах князей и в монастырях, и летописцы выполняли политические заказы своих хозяев-феодалов... Не случайно из многотысячного русского войска, бившегося на Куликовом поле, по именам названы только два воина — Федор Зов и Федор Холопов, которые нашли раненого великого князя» (12, 21).

3. НЕБЕСНЫЙ КНУТ, ИЛИ «ЗЛО, ПОПУЩЕННОЕ НА ВРАЗУМЛЕНИЕ»

В чем существо церковного взгляда на монголо-татарское нашествие и золотоордынское иго?

На эти чудоещные бедствия православие смотрит так же, как и на все остальные бедствия человеческого бытия: это — кнут в деснице господя, снисходительное терпение которого истощилось и который решил наказать грешников. По церковному учению, все (подчеркиваю, все без исключения) бедствия и несчастья и в жизни отдельного человека, и в жизни народа — божья

кара за греховные дела. «Бог наш — бог милости и любви бывает за грехи наши богом отмщения, — поучал архиепископ Филарет (Гумилевский). — Мор и голод, тряс (землетрясение). — А. Ш.] и потоп льются из фиала гнева божия на нечестивых. Кто уцелеть может под тяжестью десницы всемогущей?» (32, 71).

Все это в полной мере относится и к Батыеву погрому, и к золотоордынскому игу.

«Вы все еще не переменились! Каких только наказаний не приняли мы от бога! — с пылом провозглашал с амвона владимирский епископ Серапион на исходе XIII века. — Не пленена ли земля наша? Не взяты ли города наши? Не усеяли ли наши отцы и братья трупами землю? Не уведены ли жены и дети наши в плен? А кто остался в живых — не порабощены ли они на горькую работу от иноплемеников?» (цит. по: 34, 615).

Так писали и говорили церковные писатели во времена давние, так писали и говорили они во времена сравнительно недавние, так пишут и говорят и в наши дни...

В 1842 году на страницах журнала «Маяк» появилась статья под весьма красноречивым заглавием: «Пути промысла божия о России в порабощении ее татарами». Анонимный автор писал об эпохе золотоордынского ига, возложившего на Россию «перстом грозного, но вместе и всеблагосудии небесного»: «Отцы наши, коим судил некогда господь жить и бедствовать под игом татарским, имели самый точный и правильный взгляд на свое бедствие... Они искренно верили, что толпы варваров, нахлынувшие на Россию из глубины Азии, подвиглись оттуда не собственной силою, а даннута десницею всевышнего, прогневанного беззаконием россияна» (№ 12, стр. 27).

Итак, что заслужили — то и получили. Или, говоря словами немного измененной русской пословицы, — подолом грешнику и мука. Господь-то бог не ошибается ни в чем, в том числе — и в мере наказания за людские прегрешения. Даже если это — высшая мера наказания. Безразлично — кому. И людям взрослым, среди которых кто-нибудь и на самом деле имел грех отступить в чем-то от христианских заповедей и запретов (а соблазны их полностью просто физически невозможно). И малым детям, вплоть до грудных младенцев, «греховность» которых объяснить немислимо.

До чего можно договориться, следуя логике религиозных взглядов на смысл и предназначение бедствий и страданий человеческих, нетрудно представить, ознакомившись, к примеру, с рассуждениями уже цитированного архиепископа Филарета. В «Истории русской церкви» он писал о том, что по плану неизреченно мудрого господа бога иго монголов было мерою любви, врачующей нравственные болезни русского народа... Ничего не скажешь, благотворное «врачевание»! Много ли от него было пользы десяткам, если не сотням тысяч зарубленных саблями, затоптанных копытами степных коней, пронзенных стрелами, сгоревших в огне испепеленных городов? Но церковный писатель идет дальше и выражает сожаление по поводу того, что не по всем русским землям пронесся ураган Баты-

ева погрома, что не все русские города сожжены и вырезаны были завоевателями, — и поэтому не во всей Руси «исцелены» были таким образом православные, страдавшие «нравственными болезнями».

Если по муке, по наказанию или каре можно судить о вине и прегрешениях, то какими же безмерно пороковыми должны считать мы наших далеких предков — крестьян, ремесленников, ратников, которым всевышний определил столь жестокое наказание!..

Где же, в чем искать избавление от бедствий и страданий? В покаянии, четко отвечает церковь. В смиренном покаянии, в посте и молитвах, в очищении души от «скверных грехов».

Откроем статью церковного литератора А. Прохвирова («Журнал Московской патриархии», 1969, № 9). «Обращаясь к земным причинам столь бедственного положения Руси, — пишет он, — историки справедливо указывают на политические факторы, способствовавшие установлению татарского ига, говорят о социально-экономической закономерности феодальной раздробленности. Но важно взглянуть на все это со стороны духовной. Церковь смотрит именно так на все, что происходит с людьми. Несчастья ниспосылаются за грехи, но орудием гнева божия служат носители зла, в данном случае попущенного на развращение. Следовательно, начало пути освобождения — в покаянии, в осознании греха, в очищении от него, в обращении к богу» (стр. 76).

Вот в таких-то «подвигах», как утверждает церковь, преподобный Сергий и стал для других примером. Примером покаяния, осознания грехов, очищения от них. «Духовный подвиг преподобного Сергия Радонежского, — заявляет в той же статье А. Прохвирин, — поворотный момент в истории русского народа. Его деятельность была творчеством, направленным на возрождение той духовной основы нашего Отечества, без которой немислимо было бы обретение им внешней свободы от татарского ига».

Если в этом видеть способ избавления от бедствий, то подобные проповеди, призывы, настроения в годину смертельной опасности для твоего Отечества нельзя расценивать иначе как гибельные. Проповедь благочестивого, униженно-покаянного фатализма недопустима не только в годину войны, но и в годину порабощения, в результате этой войны установленного... Недопустима, если смотреть со стороны завоеванных и порабощенных. И, напротив, в высшей степени желательна, если смотреть со стороны завоевателей и поработителей.

Властители Золотой Орды, по всей вероятности, это прекрасно понимали и отблагодарили православную церковь своими милостями. После Батыева погрома, не разбивавшего, где мирянин, где клирик, политика завоевателей и поработителей Руси по отношению к русской церкви резко изменилась, породив версию о непостижимой их «веротерпимости». Но ничего загадочного и непостижимого в такой политике не было. Правители Орды быстро поняли, сколь выгодно им христианское истолкование их вторжения на Русь.

Когда два десятилетия спустя после Батыева погрома — в 1257—1259 годах

— ордынские чиновники-«численники» проводили перепись русского населения, чтобы определить размер дани, служителей церкви перепись эта не коснулась. Особыми ханскими грамотами-«ярлыками» вся церковная организация, включая и монастыри, была освобождена не только от дани ордынцам, но даже от пошлины своим князьям. Один из таких «ярлыков» гласил: «Из давних, из добрых времен и доселе, что молятся богомольцы и весь поповский чин, и те никакие не ведают пошлин, самому богу молятся за племя наше в род и род и молитву воздают» (цит. по: 2, 42).

О ханском благоволении красноречиво свидетельствует, в частности, такой факт. К полутора десяткам епархий, составлявших русскую митрополию к середине XIII века, в 1261 году прибавилась еще одна — Сарайская, с кафедрой в городе Сарая, столице Золотой Орды. Епископ Сарайский с клириками стал составной частью ханского двора, вместе с ним кочевал в летнюю пору по степям Приволжья и Придонья, выполняя дипломатические поручения хана. Очевидно, соображения политические — забота об укреплении чувств покорности в русском народе — взяли верх над воинственным духом ислама. Игра стоила свеч, «веротерпимость» стоила приносимой ею политической пользы. Дело дошло до того, что в конце XIII века постановлением церковного собора уклонение от уплаты дани Орде было объявлено таким же тяжким преступлением, как убийство (см. об этом: 14, 53).

«Монголо-татарские завоеватели, — подчеркивает «Советская историческая энциклопедия», — отводили православной церкви большое значение в своей системе владычества на Руси, поэтому они освободили ее от уплаты дани, наделили привилегиями и установили неприкосновенность церковных владений» (т. 11, стлб. 505).

Разумеется, в ту отдаленную эпоху русская православная церковь объединяла уже под своей эгидой широкие народные массы. Но хотя большинство церковных иерархов стремились мирно ужиться с завоевателями, были и в их среде, и помимо архиерейско-монашеской верхушки, немало приходских священников, не склонивших головы перед иноземным владычеством, участников антиордынских выступлений. Но в целом в тот период церковь стремилась приспособиться к завоевателям, жить с ними мирно и — что, пожалуй, еще хуже — оправдывать, объяснять такую позицию не тактическими соображениями, а «словом Божиим».

Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними. Словами этого популярного латинского изречения русская православная церковь могла бы сказать об изменении своих политических позиций по прошествии столетия после Батыева погрома. Да, времена менялись — менялись коренным образом и наоборот. Могучий народный организм переборол тяжелейший недуг и восстановил прежние силы. Богатырь распрямился во весь исполинский рост, расправил саженные плечи, готовясь к борьбе с ненавистным игом — борьбе долгой, жестокой, полной побед и поражений, борьбе не на живот, а на смерть. И в новых условиях право-

славные иерархи изменили политический курс, перейдя в большинстве своем на позиции поддержки национально-освободительной борьбы, оплотом и руководителем которой стала Москва. А поучения о «кнути» в «карающей деснице господней» сошли целосообразным задвинуть в дальний угол. Иначе церкви грозила бы утрата влияния на народные массы.

4. ПРЕДУЛИКОВСКАЯ ЭПОХА

Эпоха монголо-татарского ига — формулировка традиционная, общезвестная, общепринятая. Иго... Слово это навевает мысль о покорности тех, кто под этим игом оказался. Но так ли это было?

«И вечный бой! Покой нам только снится...» Кому не известна эта законная блоховская цитата? Она прозвучала в стихах, посвященных Куликовской битве, и, наверное, наилучшим образом выражает главную суть всей той исторической эпохи.

Эпоха, пролежавшая между Батыевым погромом и Куликовской битвой, предстает перед нами а дикими и борьба, в походах и битвах. Сложнейшее переплетение войн, запутанный клубок конфликтов. Но стержнем было русско-ордынское противостояние, начавшееся разрозненным, хотя и повсеместным, сопротивлением иноземному владычеству и со временем переросшее в открытую войну между Московской Русью и Золотой Ордой. И поэтому эпоху монголо-татарского ига, эпоху золотоордынского владычества с таким же, если не с большим, основанием следует называть эпохой борьбы с этим игом, этим владычеством, — борьбы, высшим залетом которой и стала Куликовская битва.

Тайфуну Батыева нашествия Русь противостояла с мужеством, и ныне, почти семь с половиной веков спустя, попрясающим воображение.

«Не было ни одного русского города, — писал академик Б. А. Рыбаков, — который сдался бы монголо-татарам без боя; оборонялись до последнего укрепленья, до последнего задания, которое можно было использовать как крепость...»

В сражениях монголо-татарская армия теряла одного за другим крупных полководцев... С каждым шагом вперед темп движения монголо-татарских войск замедлялся, победы достигались все труднее и труднее: Рязань была взята за шесть дней, Владимир — в восемь, а под Торжком монголо-татары, применившие всю свою осадную технику, простояли две недели... Под маленьким городком Козельском Батый простоял семь недель и смог взять его лишь, когда подошел второй отряд Киданя» (28, 349).

Перед этим мужеством должны склонить головы не только мы — потомки и исторические наследники героев народной обороны в годину монголо-татарского нашествия, но и народы Западной Европы, тем великим мужеством и теми великими жертвами от Батыева нашествия спасенные. «Монголо-татары, — подчеркнул Б. А. Рыбаков, — были обескровлены и на полтора года должны были приостановить завоевания» (28, 349).

Молодой Чернышевский в 1846 году

с гордостью напоминал о том, что русские «выступают в истории политической... спасителями и от ига монголов, которое сдержали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы, была стеной ей, правда, подвергавшейся всем выстрелам, стеною, которую впоследствии было разбили враги...» (33, 48).

«Не так давно журнал «Смена» (1978, № 23, стр. 23) напечатал стихотворение Н. Шумакова «Сергий Радонежский». Вот как представляется поэту Сергий и основанная им иноческая обитель:

Сюда шел смерд, и странник
Слабомошный,
И русский воин,
И бродяга-нищий.
И с каждым был он рядом,

денно,

ночно,

Призыва к борьбе людей, наверно, тыщи.
Мирил князей,
Справлял по лавшим тризну
Мужик-мудрец,
По-нижнему — философ,
Объединял и укреплял отчизну...

И, наконец, заключительные строки — главная мысль автора:

А Сергий Радонежский зерна саял,
Что проросли на поле Куликовом.

Зерна, проросшие на поле Куликовом, за полтора столетия до Мамаева побоища посеяны были на заснеженных полях, где в роковую зиму 1237—1238 годов разгорелись битвы с «туманами»³ Батыя. И в первую очередь — на берегах речки Сить, протекающей по западным районам современной Ярославской области. 4 марта 1238 года на Сити разыгралось решающее сражение русских дружин с Батыевыми полчищами, — сражение, в котором русские потерпели поражение.

Зерна, проросшие на поле Куликовом, посеяны были со стен героических русских городов, осажденных монголо-татарами.

На борьбу с монголо-татарским игом, с золотоордынским владычеством русский народ поднимало и вдохновляло само иго, само владычество с первых лет, первых десятилетий того златорого времени. Поднимала и вдохновляла жгучая память о разорении и истреблении родной страны Батыевыми полчищами, о десятках тысяч кровных предков, зарубленных, затоптанных копытами, удушенных дымом и сожженных заживо в стенах самых чтимых соборов и церквей. Горькая, скорбная память, передаваемая из поколения в поколение былинами и песнями. Поднимала и вдохновляла ненависть к ордынским грабителям и убийцам, которые терзали, разоряли, истребляли Русь...

1252, 1254, 1257, 1259, 1262, 1263, 1264, 1276, 1285, 1289, 1293, 1295, 1301, 1310, 1317, 1320, 1327, 1358, 1365, 1367, 1371, 1372, 1374.

Это — хронология народного сопротивления золотоордынскому игу, хронология народных восстаний против ордынских чиновников-баскаков, их многочисленной охраны, их пособников из русской среды. Вереницей пылающих факелов светят эти годы из глубины истории...

1262 год не случайно выделен в нашем перечне: в этом году по Северо-Восточной Руси прокатилась волна городских восстаний, подготовленных и взаимосвязанных. На сей раз народный гнев обрушился на «бесерменов» — откупщиков, получавших — за определенный взнос в ханскую казну — право собирать дань в русских городах и зем-

лях. Центром подготовки городских (или «вечевых») восстаний стал Ростов. Баскаки и откупщики были перебиты, некоторым удалось спастись бегством. Особую ненависть вызывали, естественно, изменники и, пожалуй, самым ненавистным из них был ярославский монах Зосима, пролезший в «бесермены» и даже принявший мусульманство.

«Кто не мог уплатить того забирали в неволю и гнали на чужбину, — отметил Карл Маркс в «Хронологических выписках». — Вследствие этого (1262) во Владимире, Суздале и Ростове ударили в вечевые колокола, некоторых вымогателей убили, остальных прогнали» (1, 146).

Восстали Ростов и Владимир, Суздаль и Ярославль, Устюг и Костром. Два года спустя на Кострому двинулся многотысячный карательный отряд. На берегу небольшого пригородного озера костромское войско с помощью русских пленников, в решительный час сечи воставших за спиной ордынской рати, разгромило незадачливых карателей наголову.

Народное сопротивление иноземному игу выливалось не только в городские восстания и битвы с крупными ордынскими силами. Освободительная борьба была повсеместной. Участников ее, наверное, можно считать предшественниками и русских казаков, и русских партизан. Крестьяне объединялись в ватаги, избирали вожаков и не давали ни покоя, ни пощады рыскавшим повсюду небольшим ордынским отрядам, нападали на их пастухов, угоняли коней, угоняли скот. Червленый Яр — обширное и в ту пору дикое лесостепное пространство между Рязанским княжеством и Золотой Ордой (примерно на территории современной Тамбовской области) стал древнерусской волиницей. «Сюда и тянуло привычных к опасностям, к вечной угрозе «татарского прихода», к вечной борьбе с татарами рязанцев, — писал советский историк В. В. Мавродин. — Здесь шла постоянная «малая» война с татарами, и каждый клочок земли был полит кровью и потом русских людей. Здесь были живы традиции Евпатия Коловрата» (18, 48).

«Малая война» — быть может, не самое верное и справедливое определение. Об этой стихийной, подлинно народной войне нам — увы! — так мало известно. И кто знает, какой урон был нанесен ею золотоордынскому могуществу? Поэтому так ценны и интересны любые свидетельства о глубинном народном сопротивлении золотоордынскому игу. Об одном из них 11 июня 1970 года рассказала газета «Лесная промышленность» в корреспонденции «Память о героях легенды».

«Один из лесных массивов Даниловского района Ярославской области носит несколько странное, на первый взгляд, название — «Кукла». В народе

³ Преподобный Сергий, в мире носивший имя Варфоломей, принадлежал по своему происхождению, выражаясь нынешним языком, к сословию дворянского и даже к тому высшему классу в сословии, которому усвоится название аристократии, — такую справку дает дореволюционный историк Е. Е. Голубинский, профессор Московской духовной академии (8, 9—10).

⁴ Тумэн — самое крупное подразделение в армии монголо-татар численностью до 10 тысяч всадников.

живет легенда, объясняющая это название. История такова...

Во время нашествия татар отряд вражеской орды остановился в этих местах на ночлег. Предав все огню и мечу, завоеватели были уверены, что никто не посмеет поднять на них руку. Но прощались...

Когда наступила ночь, небольшой отряд русских храбрецов под началом воина Куклы, скрывавшийся днем в лесу, ринулся на врага. Неожиданность нападения, отвага и сила наших воинов стоили врагам многих жизней. Но силы были неравные. Кукла и его отряд погибли. Лишь немногие укрылись в лесу.

Уже в наше время археологи сделали раскопки на этом месте. Было найдено много свидетельств короткой битвы, которые полностью подтвердили достоверность народного предания.

Сколько таких лесов и полей на просторах нашего Отечества!

«Одним из отличительных признаков великого народа, — заметил В. О. Ключевский, говоря об этой эпохе, — служит его способность подниматься на ноги после падения» (16, 202).

Но для того, чтобы подняться на ноги, расправить богатые плечи и наконец стряхнуть с них проклятое иго, Руси необходимо было объединить свои земли и свои силы вокруг какого-то одного княжества, одного города, который стал бы оплотом освободительной борьбы и центром возрождающейся национальной государственности.

Экономическое и социально-политическое развитие Северо-Восточной Руси протекало таким образом, что этим оплотом стало Московское княжество, а этим центром — Москва. «Феодалному разброду, измельчанию отдельных княжеских уделов, над которым смеялись соседи («в Ростовской земле у семи князей один воин»), — писал Б. А. Рыбаков, — Дмитрий Донской сумел противопоставить государственное начало, сумел глазами патриота взглянуть на свои задачи и благодаря этому разбить Мамаю, пытавшегося повторить нашествие Батыя...» «Куликовская битва, — читаем мы в той же статье, — стала завершением большого этапа в стратегии Дмитрия Донского. Только ему впервые в истории удалось настолько объединить русские земли, что он отважился обнажить меч против ненавистного монголо-татарского ига» (28, 388).

Исторические предпосылки Куликовской битвы следует усматривать не только в обстановке на Руси, но и во внутреннем положении Золотой Орды.

«Дело в том, — верно заметил свыше века назад автор брошюры, посвященной Мамаеву побоищу, — что, по мере того как в московском княжестве силы прибывало оттого, что прибывало порядка, в Орде же убывало оттого, что там рос беспорядок» (20, 7). Во второй половине XIV века экономическое и социально-политическое развитие обоих противостоящих друг другу лагерей — Руси и Орды — протекало в диаметрально противоположных направлениях. Золотая Орда начинала входить в ту эпоху экономического и социально-политического развития, из которой Русь уже начинала выходить, — эпоху феодальной раздробленности. «Это искусственное образование, — так характеризуют Золотую Орду того времени «Очерки истории СССР», — не

имело единой экономической базы и было подвержено распаду как в силу феодальных распри, так и под ударами покоренных народов, которые не хотели терпеть ненавистную им власть» (24, 415).

Золотоордынские междоусобицы отличались зверской ожесточенностью. После умерщвления в 1357 году хана Джанибека в Орде, по словам русской летописи, «возвстааша вражда и заматня велика». «Заматня», действительно, была велика и продолжительна. Достаточно сказать, что за два десятилетия, с 1360 по 1380 год, на золотоордынском престоле сменилось 25 ханов; случалось так, что одновременно царствовали по два, а то и по четыре хана.

С одной стороны, ордынская «заматня» вела к новым бедствиям для Руси. Соперничавшие ханы и их сатрапы совершали набеги на Русь, каждый на свой страх и риск: в свирепой схватке за ордынский престол ханы-соперники остро нуждались в деньгах и в грабеже русских княжеств видели наиболее верный и скорый способ их получения. Междоусобица ордынская подливала масла в огонь еще далеко не преодоленной междоусобицы русской: один хан поддерживал и жаловал ярлыком на великое княжение этого князя, другой хан — того. Все это, вместе взятое, делало Золотую Орду особенно опасной, ее владычество — особенно тяжким, непереносимым, а желание народа сбросить с себя ордынское иго — особенно сильным и повсеместным.

С другой стороны, шансы на успех в освободительной борьбе возросли как никогда и было бы непростительной ошибкой упустить столь благоприятное время.

Московская Русь и не упустила его. В середине 70-х годов XIV столетия вековое народное сопротивление Северо-Восточной Руси завоевателям и поработителям, противоборство Руси и Орды достигли апогея и переросли уже в открытую войну между Русью во главе с великим князем Дмитрием Ивановичем и Золотой Ордой во главе с честолюбивым, жестоким и энергичным темником Мамаем, утвердившим — через ханов-марионеток — свою власть над большей частью государства потомков Чингисхана. И высшей точкой (но не окончанием) этой войны стала Куликовская битва.

Итак, подчеркнем чрезвычайно важное обстоятельство: битва на Дону произошла в разгар ожесточенной и непримиримой войны между Московской Русью и Золотой Ордой, для которой я предложил бы условное название — Шестилетняя война: с 1376 по 1382 год. Центральным сражением ее, как уже было сказано, стало Мамаев побоище, а завершением — Тохтамышев погром. Эта война, хотя в итоге и была проиграна Русью, открыла прямой путь к освобождению от золотоордынского ига.

Отказом выплачивать дань великий князь Дмитрий Иванович в 1374 году бросил вызов Мамаю. Русь вступила — еще раз подчеркнем это — в открытую войну с Золотой Ордой.

Характер этого противоборства с поразительным единогласием (даже в словах и оборотах речи) отмечали практически все историки — как дореволюционного времени, так и советских лет.

С. М. Соловьев. Сопротивление татарам и даже наступательное движение

на них обнаруживалось повсюду... Борьба была открыта... (29; 281, 284).

Д. И. Иловайский. Началась открытая освободительная борьба Москвы с Золотой Ордой (10, 106).

Н. С. Гелицын (дореволюционный военный историк). Таким образом между русскими и татарами уже была открытая война, и беспрестанные вторжения последних в нижегородские и рязанские пределы, соединенные с варварским опустошением их, стали уже невыносимыми для пограничных князей и особенно для великого князя Дмитрия московского (5, 183).

С. Ф. Платонов. При Дмитрии Русь впервые отважилась на открытую борьбу с татарами... Сопротивление Руси озлобляло татар и заставляло их, в свою очередь, собирать против Руси все большие и большие силы... Борьба становилась открытой и ожесточенной (25; 148, 149).

Да, открытой и ожесточенной, в полную меру сил, с переменным успехом. Каждая сторона отвечала ударом на удар...

1376 год. Русь наносит сильный удар по золотоордынским владениям. Московско-нижегородское войско под командованием одного из лучших воевод Дмитрия Ивановича — Дмитрия Михайловича Ибрак-Волынского, будущего героя Куликовской битвы, и двух молодых нижегородских князей выходит на берега Средней Волги и захватывает город Булгары. Тамосские князья вынуждены «бить челом» великому князю Московскому, выплачивать ему контрибуцию в размере 5 тысяч рублей и покорно соглашаться с тем, что Дмитрий Иванович посылает в Булгары наместника и таможенника. На некоторое время была перерезана важнейшая транспортная артерия Золотой Орды.

1377 год. Орда наносит ответный удар. Умело воспользовавшись тем, что русские князья и воеводы были дезориентированы неверными сведениями о местонахождении противника (он оказался значительно ближе, чем предполагали), ордынский «царевич» Арабшах (в русских летописях — Арапша) 2 августа неожиданно напал на русские полки, не готовые к битве, и погнал их к реке Пьяне. Многие были зарублены, многие утонули.

1378 год. Мамай стремится закрепить успех. Его отряды сжигают Нижний Новгород и Переяславль-Рязанский (нынешнюю Рязань). Кажется, еще один удар — и будет повержен главный враг Орды. И Мамай не медлит с этим ударом: многотысячный конный отряд под командованием одного из самых опытных его военачальников — мурзы Бегиша устремляется к Москве. Но на этот раз военное счастье — вновь на стороне русских. Стремительный и крайне опасный набег остановлен русским войском во главе с Дмитрием Ивановичем на реке Воже (севернее современной Рязани). 11 августа при попытке форсировать реку татарская конница разгромлена наголову и обращена в паническое бегство. Только густой туман, павший утром следующего дня, спас остатки ордынского отряда. На Воже погиб мурза Бегиш. «Это первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими», — заметил К. Маркс (1, 151).

После битвы на Воже Московская Русь и Мамаева Орда смотрели друг на друга с одной и той же мыслью:

«Или мы, или вы!» Историческое противостояние Руси и Орды вступило в решающую стадию.

Впереди — и уже совсем недалеко — была Куликовская битва.

Так, от одной военной победы к другой, как по крутым ступеням, поднималась Московская Русь к величайшему сражению и величайшей своей победе.

5. 1380 ГОД. АВГУСТ — СЕНТЯБРЬ

Решительное столкновение с армией Мамай, как видим, было неотвратимо. И в этом столь важном для нашего исследования вопросе истории и писатели — и дореволюционные, и советские — проявили полное единогласие.

Д. Масловский (дореволюционный военный историк) писал в том, что перед русскими войсками, перед Дмитрием Ивановичем и его военачальниками летом 1380 года встала задача «спасти Россию от смертельного разгрома» (21—8, 225).

Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский (исследователи истории Золотой Орды). Мамай не мог — ради поддержания ордынского авторитета — оставить без внимания Вожское поражение. Два года он потратил на подготовку к новому походу... И на этот раз Мамай инициативу столкновения взял в свои руки (8; 290, 291).

Б. А. Рыбаков. Генеральное сражение между Золотой Ордой и сильным Московским княжеством... было неизбежно (28, 386).

Н. Я. Мерперт, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин (авторы статьи о Чингисхане и его наследии). Его (Мамай.— А. Ш.) цель различные историки определяют по-разному: стремлением добиться увеличения суммы дани с русских земель, желанием отомстить за поражение на реке Воже, попыткой повторить погром, учиненный на Руси во время Батыева. Во всяком случае это был не обычный грабительский набег. Это было подготовленное в крупных масштабах военное нападение, которое в случае успеха должно было внести перелом в русско-ордынские отношения, заставить Русь подчиниться силе Орды (22, 115).

Мамаево нашествие, возможно, грозило Руси худшими последствиями, чем даже Батыево нашествие. Как бы ни был страшен, жесток и опустошителен Батыев погром, — монголо-татары не установили непосредственной, прямой власти над Русью, возвратившись из своих походов в степи и основав на просторах их свое государство — Золотую Орду. Что же касается намерений Мамай, то они, если верить «Сказанию о Мамаевом побоище», простирались дальше намерений Батыева. «Я не хочу так же сделать, как Батый, — с такой речью золотоордынский властитель обратился к своим вельможам и воеводам. — Но когда войду в Русь и убью их князя, то какие грады прекрасные подойдут нам, там сядем и будем Русью владеть, тихо и безмятежно проживем» (26, 244).

Итак, летом 1380 года Северо-Восточная Русь встала перед выбором: либо сражаться, либо вновь быть звергнутой в пучину чудовищных бедствий. Подставлять повинную голову под меч было не в характере и не в традициях народа, и поэтому оставался лишь один путь — битва не на жизнь, а на смерть.

И вот теперь некоторые авторы хотят уверить нас в том, что в кульминационный момент длительной и упорной войны между Московской Русью и Золотой Ордой главнокомандующий русскими силами великий князь Дмитрий Иванович, мужественный, энергичный, решительный военачальник, с отроческих лет закаленный походами и битвами, вдруг пал духом, заколебался, засомневался, выступать ли ему, или не выступать против уже идущего на Русь истребительным походом Мамай?

«Вспомним истати или неистати исторический эпизод, — предлагает своему читателю Владимир Солоухин в очерке «Время собирать камни», опубликованном на страницах февральского номера журнала «Москва» за этот год. — Дмитрий Донской решил идти на татар (Куликовская битва), и в Троице-Сергиевской лавре служили последний молебен. Служил сам Сергей. Он заметил, что душа князя Дмитрия в смутении, что князь не уверен в себе, колеблется, сомневается, нет в нем железной твердости духа. Тогда Сергей ушел в алтарь, пробыл там в уединении довольно долго, а выйдя, воздел руки и громкогласно возгласил:

— Дмитрий! Се зрел твою победу над врагом...» (стр. 195).

Сергиево благословение выдается автором за «исторический эпизод», хотя достоверность его, как уже было сказано, весьма сомнительна. Академик М. Н. Тихомиров считал версию о папском благословении князя в Троицком монастыре вымыслом, результатом церковной обработки летописных рассказов о Мамаевом побоище. Но и это еще не все. В 1380 году в лесах к северу от Москвы не было лавры, а был Троицкий монастырь, который только после смерти его основателя игумена Сергия в 1392 году стали называть Троице-Сергиевым. Лаврой же эта оби-

Русские полки выходят из Московского Кремля.

Рисунок В. Криворучко.

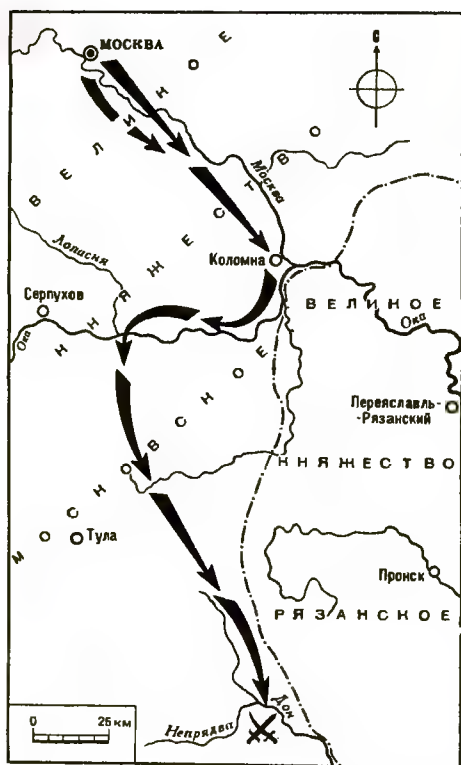
тель стала лишь в 1744 году, и притом — Троице-Сергиевой, а не Троице-Сергиевской.

Как полагают, в 20-х числах июля 1380 года Дмитрию Ивановичу стало известно о том, что Мамаева орда подошла к русским пределам. Месяц спустя объединенное русское войско уже сосредоточилось в Коломне, готовое выступить навстречу Мамаю.

И многочисленность этого войска (возможно до 100 тысяч ратников), и его состав — крупные отряды ополченцев, и, наконец, быстрота мобилизации русских сил и сосредоточения их в Москве и в Коломне — все это самым красноречивым образом свидетельствует и о решимости народа, и о решимости князя, исторической судьбой поставленного во главе народной борьбы.

Успех мобилизации в значительной мере был предопределен мужественным и решительным характером Дмитрия Ивановича, его незамедлительными, целеустремленными и энергичными действиями. «А сам князь великий, — повествует «Сказание о Мамаевом побоище», — разослал по всей Русской земле скорых гонцов со своими грамотами по всем городам: «Чтобы все были готовы идти на мою службу, на войну с безбожными татарами. Соединитесь на Коломне на успенский пост» (то есть в течение первой половины августа.— А. Ш.) (26, 250).

В документальных источниках и основательных исторических трудах при всем желании невозможно уловить и намека на какой-то душевный кризис, пережитый Дмитрием Ивановичем перед Куликовской битвой, на растерянность, неуверенность и т. п.

Маршрут движения русского войска к полю битвы.

«Узнавши об этом (о приближении Мамаевой орды к русским пределам и о выступлении в союзе с ней литовского князя Ягайло.— А. Ш.), Дмитрий московский стал немедленно собирать войска» (С. М. Соловьев. 29, 284).

Выписка из фундаментального исторического образа «Русская военная сила», изданного в Москве в конце прошлого века под редакцией генерал-майора А. Н. Петрова: «При первых же известиях об угрожающей опасности, Дмитрий Иоаннович стал энергично готовиться к борьбе, собирая в Москву ратных людей и приглашая на помощь соседних князей... Посоветовавшись со своими приближенными, Дмитрий Иоаннович принял решение действовать наступательно... Во исполнение принятого решения, Дмитрий немедленно отправил гонцов ко всем еще не успевшим прибыть князьям и воеводам, чтобы они шли не на Москву, а спешили бы к Коломне, назначенной общим сборным пунктом. Вместе с тем, тотчас же, был отправлен сильный разведывательный отряд...» Когда же разведка доложила Дмитрию Ивановичу, что Мамай намерен в Семенов день (1 сентября) соединиться на берегах Оки с силами Ягайло и Олега Рязанского, он «приказал ускорить движение войск к Коломне...» (27, 101).

Однако, как бы ни была сильна московская великокняжеская власть, как бы ни был высок авторитет Дмитрия Ивановича и как бы ни был тверд и решителен он, — собрать так быстро такую значительную военную силу было бы немисливо без могучего общенародного подъема. Ведь под московский стяг встали дружины не только «подручных» князей, но и отряды из городов и земель, на которые еще не распространялась реальная власть Москвы. Да и «подручных»-то невозможно было бы за месяц собрать принуждением.

Ничего нельзя было сделать, если бы эти князья и воеводы и — главное — стоящие за ними и мощно подпирющие их народные массы, рядовые воины не были бы проникнуты сознанием долга перед Отчиной, решимостью разгромить Мамаеву орду, сбросить проклятое иго. Важнейшее обстоятельство это подчеркивают историки и дореволюционного времени, и советских лет.

«Повеление его (Дмитрия Ивановича.— А. Ш.) было исполнено с редким усердием: целые города вооружились в несколько дней, ратники тысячами стремились отовсюду к столице» (Н. М. Карамзин. 11, 62).

«Желание разделаться с поработителями настолько уже созрело и овладело народными чувствами русского народа, что московскому князю не предстояло необходимости ждать ратных и понуждать к скорейшему прибытию... Ополчение, готовое выступить против Мамаея, было, вероятно, очень велико, как можно судить по всеобщему сочувствию русских к этому делу» (Н. И. Костомаров. 17, 216).

Подъем Руси был исподволь подготовлен всем ходом ее исторического развития за предшествующие полтора века, неугасимой народной борьбой против ордынского владычества. Это был взрыв гигантского заряда ненависти к иноземным поработителям — зоряда, накопленного за долгий, тяжкий и скорбный срок в народном сознании, в народной душе. Нелепо объяснять этот подъем «вдохновляющим словом», «духовным авторитетом» какой-то одной личности!

Знакомясь с Куликовской эпопеей, вникая в особенности этой военной кампании, ловишь себя на том, что невольно восхищаешься совершенством стратегического плана, принятого Дмитрием Ивановичем и другими русскими военачальниками, его проницательностью, глубиной и безупречностью осуществления.

Суть стратегического замысла — сокрушить Мамаея раньше, чем соединятся с ним его союзники — литовский князь Ягайло и рязанский князь Олег, — и с этой целью нанести незамедлительный и быстрый упреждающий удар. «Дмитрий отверг мысль отсидеться в горах или стать «на брезе» (берегу Оки. — А. Ш.), — он решил помешать возможному соединению союзников и как можно быстрее встретиться с Мамаем» (Б. А. Рыбаков. 28, 387).

Потому-то так и спешил Дмитрий Иванович собрать войско и выступить в поход. Потому-то и вышло русское войско из Кремля тремя колоннами по трем дорогам (Котловской, Болвановской и Брашевской), чтобы скорее дойти до Коломны.

Между двумя слагаемыми этой военной кампании — сбором войска и его походом — нельзя провести разграничительную черту: сперва собрались, а уж потом все вместе двинулись на Мамаея. Гениальность стратегического замысла русских военачальников во главе с князем Дмитрием Ивановичем заключалась в том, что они смело совместили два этих последовательных этапа, слив воедино сбор войска с его походом навстречу врагу.

Маршрут похода к полю битвы не отличался сложностью: на юг, на запад и

снова на юг. Из Москвы — в Коломну. Из Коломны — по левому берегу Оки до переправы через нее при впадении речки Лопасни. (Этот маневр Дмитрий Иванович, как считают, предпринял с целью обойти с запада владения враждебного ему рязанского князя, дабы, во-первых, избежать столкновений перед решающей битвой и, во-вторых, не дать князю-двурюшнику повода оправдать в глазах подданных свое выступление на стороне Мамаея ответными действиями за «нападение» на его княжество.) И, наконец, — через Дикое поле, к верховьям Дона.

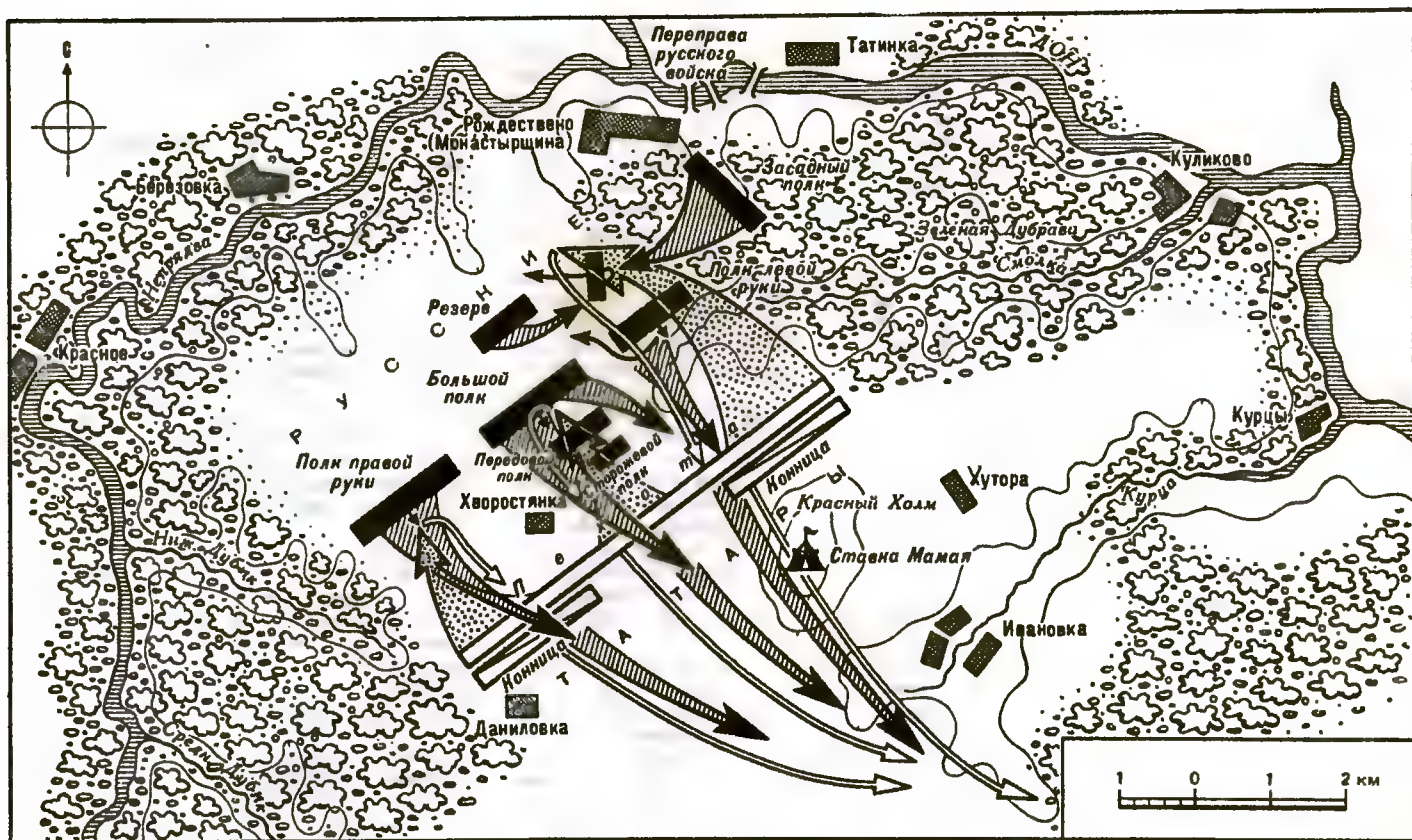
Четыре основные вехи видим мы на этом зигзаге протяженностью примерно 350 километров: Москва, Коломна, переправа через Оку и, наконец, верховья Дона. И все эти четыре пункта были пунктами сбора сил. Можно сказать, что русское войско собиралось в движении на Мамаея.

Все это говорит о том, что русское войско рвалось в битву с ненавистной Ордой: моральный фактор обеспечивал и дисциплину, и мобильность, давая возможность командованию легко и точно осуществлять свой стратегический замысел. О том, что главнокомандующий — московский князь Дмитрий Иванович был охвачен, был движим теми же чувствами, что и его воины, и поставил перед собой цель — нанести по Мамаеву войску сокрушительный упреждающий удар. О том, что он продумал весь план подготовки к сражению, с первого же дня четко и ясно представлял себе маршрут похода и поэтому смог через своих гонцов назвать другим князьям и воеводам наиболее удобные для них пункты соединения с ядром русского войска.

Не одну страницу можно заполнить высказываниями авторитетных историков, чрезвычайно высоко ставивших и личность и заслуги Дмитрия Донского, еще в его времена прозванного первоначальником русской славы и поставленного в один ряд с Владимиром Мономахом и Александром Невским, государственным мужем и военачальником, который, по словам М. Н. Тихомирова, «отличился великими воинскими доблестями» (31, 48), — «полководца, мудрости и решительности которого, по словам Д. Масловского, Россия обязана первым шагом к избавлению от татарского варварства» (21—9, 27).

Столь же блестящую и, разумеется, совершенно заслуженную характеристику прославленному князю-патриоту дал и Б. А. Рыбаков, писавший о «стратегических талантах Дмитрия Донского», благодаря которым Москва — в эпоху крупных, серьезных войн — встала «в центре объединения русских земель» (28, 378).

«Историческую роль организатора борьбы с татарами, — прочтем в «Очерках истории СССР» — выполнил Дмитрий Донской. Его заслуга заключается в том, что он, в противоположность другим князьям, сумел понять значение борьбы русского народа с татаро-монгольским игом за независимость Родины и сумел ее возглавить... Действия русских военных сил отличались быстротой и оперативностью. Прекрасно была организована разведка... Большая историческая заслуга в организации битвы с полчищами Мамаея принадлежит Дмитрию Донскому, великому русскому полководцу» (24; 219, 223, 226).

Куликовская битва 8 сентября 1380 года.

Рисунок В. Криворучко.

Проводя в жизнь единую стратегическую идею, Дмитрий Донской постоянно и твердо держал инициативу в своих руках, навязывая противнику такие условия, такое время и место сражения, какие были на пользу русскому войску. Стремительным (по тем временам, конечно) походом Дмитрий Иванович заставил Мамая вступить в битву раньше, чем тот предполагал, без литовских и, возможно, рязанских дружин. А чрезвычайно смелой и обдуманно,

обоснованно рискованной переправой за Дон, на Куликово поле, предпринятой в «канунную» ночь с 7 на 8 сентября 1380 года, заставил Мамая принять бой на местности, крайне неудобной для ордынской армии и очень удобной и выгодной для русских.

Взгляните на схематический план Куликова поля и Куликовской битвы. Преимуществами Мамаева воинства были, во-первых, значительное численное превосходство и, во-вторых, огромные

массы конницы (преимущество еще более опасное, нежели простой численный перевес).

Как можно реализовать такое военное преимущество? Обходом противника с флангов, прорывом в его тыл и окружением его. Какое поле битвы более всего удобно для осуществления таких маневров? Широкое, ровное пространство.

А Куликово поле самой природой было огорожено водными преградами и с

запада, и с севера, и с востока. По глубоким, заросшим густым, непролазным лесом долинам и оврагам текли полноводные реки и речки — Нижний Дубик, Непрядва, Дон, Смолка. Они-то и стали фланговыми и тыловыми прикрытиями русских сил. Особенно надежной, практически непреодолимой для конницы Мамаевых степняков была западная преграда — Нижний Дубик. Преграда восточная — Смолка была менее надежна, и поэтому за ней, в дубовом лесу, был укрыт засадный полк, который и решил исход сражения.

Таким образом, Дмитрий Иванович и его военачальники, «пожертвовав» Доном в качестве естественного оборонительного рубежа и оставив его за своей спиной (погибельная преграда — в случае отступления!), выиграли несравненно больше. Их полки встали на сравнительно небольшом пространстве, которое реки и овраги превратили в своего рода мешок, открытый в сторону Мамая. И его полчищам ничего не оставалось, как поочередно, частями влезать в этот мешок и попадать в мясорубку ожесточеннейшей сечи. Проницательностью и мудростью, мужеством и смелостью русских военачальников поле битвы было обращено в их могущественного союзника. Можно сказать, что Куликово поле «вовсало» на стороне русских.

Куликовская битва разразилась 8 сентября 1380 года... Не более четырех часов продолжалась ужасная сеча. С обеих сторон пали десятки тысяч воинов. Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», на русской стороне осталось в живых 40 тысяч человек — возможно, половина пришедших сюда под московским стягом.

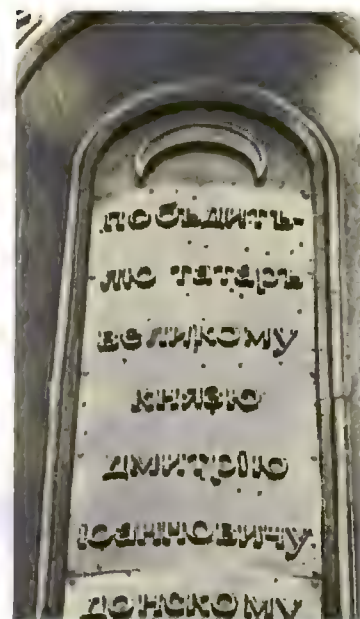
На дате Куликовской битвы есть необходимость остановиться особо... Кто-нибудь, по привычке, может спросить: 8 сентября какого стиля — нового или старого? В XIV веке «нового стиля», то есть григорианского календаря, вообще не было. Календарь этот, получивший название свое по имени папы Григория XIII, при котором специальная комиссия разработала проект календарной реформы, введен был в 1582 году, дабы устранить расхождение между прежним, юлианским календарем и астрономическим годом. Юлианский календарный счет отставал уже на целых 10 дней, и поэтому 5 октября 1582 года предписано было считать 15 октября.

Итак, григорианский календарь появился через два века после Куликовской битвы... Разница между календарями юлианским и григорианским постепенно нарастала: в XVII веке, как и в предыдущем, — 10 дней, в XVIII — 11, в XIX — 12 и, наконец, в нынешнем, XX — 13 дней, которые — по Декрету Совнаркома — и были приплюсованы к 1 февраля 1918 года. После 31 января наступил сразу 14-й день февраля, и Советская Россия, перешла с юлианского календаря на григорианский.

«Не умея объяснить этого обстоятельство», — писал Л. В. Черепнин в книге «Русская хронология» (М., 1944, стр. 15), — многие впадают в грубую ошибку, когда, желая выразить «по новому стилю» некоторые даты прошлых столетий... не долго думая, увеличивают их на 13 суток».

Так оно и случилось... «В ночь на 8 сентября (21 сентября по новому стилю), — сообщает Т. Н. Михельсон, автор пояснительного текста и сборнику «Рассказы русских летописей XII—XIV веков», выпущенному издательством «Детская литература» (М., 1973), — войска переправились через Дон и вышли на Куликово поле» (стр. 211).

В неприкосновенном виде ошибка эта перекочевала в новый сборник («Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести»), вышедший в том же издательстве (М., 1979), с пояснительным текстом Т. Н. Михельсон: «Куликовская

Первым памятником на поле Куликовом стала чугунная колонна, отлитая в Петербурге по проекту архитектора А. Брюллова и установленная на Красном холме в 1850 г.

Фотохроника ТАСС.

В последние предреволюционные годы неподалеку от чугунной колонны по проекту известного зодчего А. Щусева был построен мемориальный храм в честь Сергея Радонежского. В этом храме размещен музей Куликовской битвы.

битва произошла 8 сентября по старому стилю (21-го по новому стилю) 1380 года» (стр. 595).

В последнее время явная несуразица эта стала встречаться и на страницах периодической печати. Не будем блуждать в трех соснах. Куликовская битва была 8 сентября 1380 года, и ее 600-летие мы будем праздновать 8 сентября 1980 года. Разумеется, по «новому стилю», а не по православному церковному календарю, который до сих пор придерживается «старого стиля».

Значение Куликовской победы в исторических судьбах Руси — огромно. Да, она — увы! — не привела к свержению золотоордынского ига, к полному освобождению от иноземного владычества. Но победа на берегах Дона развеяла миф о неодолимости ордынской силы. Да, и после Куликовской победы Руси вновь пришлось пережить и жестокие поражения: не прошло и двух лет, как на нее обрушился набег хана Тохтамыша... Можно было еще не раз разгромить русскую рать, можно было еще не раз штурмом или хитростью захватить и уничтожить тот или иной город. Но невозможно было уже разгромить уверенность русского народа в его окончательной победе над Золотой Ордой.

Великая победа — и военная, и моральная — вдохнула новые силы в необратимый процесс сложения русской государственности, — и об этом прекрасно сказал маститый летописец Московского Кремля С. П. Бартеев: «На Куликовом поле произошло крещение кровью новорожденного Московского государства» (3, 59).

Окончание следует

«Путаница со «старым» и «новым» стилями — увы, отнюдь не единственная ошибка в этих комментариях. «Обелск, поставленный в 1880 году, обозначает место великой битвы», — читаем мы, к примеру, в пояснительном тексте к «Сказанию о Мамаевом побоище» (стр. 597). Во-первых, чугунная колонна, о которой идет речь, поставлена была в 1850, а не в 1880 году и, во-вторых, она украсила, строго говоря, не место битвы, а Красный холм, где находилась ставка Мамаева и где битвы не было, ибо — при первых признаках поражения — Мамаев со свитой с этого холма как ветром сдуло. — Прим. авт.

Дмитрий Донской. Фрагмент картины А. П. Бубнова «Утро на Куликовом поле».

Прозрачная березовая роща растет теперь там, где когда-то простиралась Зеленая Дубрава.

ИСТОЧНИКИ

1. Архив Маркса и Энгельса, т. VIII. М., 1946.
2. К. В. Базилевич. Восточная Европа, Средняя Азия и Закавказье под властью монгольских завоевателей. М., 1940.
3. С. П. Бартеев. Московский Кремль в старину и теперь, кн. II. М., 1916.
4. А. Воскресенский. Город Елец в его настоящем и прошлом. Елец, 1911.
5. Н. С. Голицын. Русская военная история, ч. 1. СПб., 1877.
6. Е. Е. Голубинский. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909.
7. Б. Д. Гренев. Татарское нашествие. «Исторический журнал», 1937, № 6.
8. Б. Д. Гренев, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М. — Л., 1950.
9. «Древняя и новая Россия», 1880, № 9.
10. Д. И. Иловайский. История России, т. II. М., 1896.
11. Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. V. СПб., 1817.
12. В. В. Каргалов. Малоизвестные герои Древней Руси. «Преподавание истории в школе», 1971, № 4.
13. В. В. Каргалов. Последствия монголо-татарского нашествия XIII в. для сельских местностей Северо-Восточной Руси. «Вопросы истории», 1965, № 3.
14. В. В. Каргалов. Православная церковь и монгольское иго. «Наука и религия», 1965, № 2.
15. В. В. Каргалов. Свержение монголо-татарского ига. М., 1973.
16. В. О. Ключевский. Очерки и речи. М., 1913.
17. Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, т. 1. СПб., 1907.
18. В. В. Мауродин. Народные движения против иноземных захватчиков в Древней Руси. М., 1945.
19. В. В. Мауродин. Образование Русского национального государства. М., 1941.
20. А. Майков. О святых московских митрополитах Петре и Алексее и славном мамаевом побоище. СПб., 1869.
21. Д. Масловский. Из истории военного искусства в России. Опыт критического разбора похода Дмитрия Донского, 1380 года, до Куликовской битвы включительно. «Военный сборник», 1881, № 8 и 9.
22. И. Я. Мерперт, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Чингис-хан и его наследие. «История СССР», 1962, № 5.
23. В. Д. Назаров. Русь накануне Куликовской битвы (К 600-летию сражения на р. Воже). «Вопросы истории», 1978, № 8.
24. «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. II, М., 1953.
25. С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории. Пг., 1917.
26. «Повести о Куликовской битве». М., 1959.
27. «Русская военная сила», т. 1. М., 1897.
28. В. А. Рыбаков. Военное искусство. В кн.: «Очерки русской культуры XIII—XV веков», ч. 1. М., 1969.
29. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II. М., 1960.
30. М. Н. Тихомиров. Борьба русского народа с монголо-татарскими завоевателями. М., 1944.
31. М. Н. Тихомиров. Средневековая Россия на международных путях (XIV—XV вв.). М., 1966.
32. Филарет, архиепископ. Жития святых, чтимых православной церковью, том «Июль». СПб., 1892.
33. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV, М., 1949.
34. С. Н. Шамбинаго. Русское общество и татарское иго (журнальная вырезка, хранящаяся в фондах Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР в Москве).

■ В последние годы в различных течениях христианства, в том числе и в баптизме, усилилась эсхатологическая направленность религиозной проповеди. Особенно настойчиво идеи близкого конца света утверждаются у последователей совета церквей евангельских христиан-баптистов (СЦЕХБ) — так называемых баптистов-«инициативников». Тут они используются в качестве главного средства устрашения верующих и служат одним из наиболее сильных мотивов побуждения их к совершению действий, порой носящих экстремистский характер.

Как составной компонент христианского вероучения эсхатология обладает известной динамичностью. В период каких-либо потрясений (войн, значительных стихийных бедствий и т. п.) она всегда занимала центральное место в религиозной проповеди. Это в полной мере может быть отнесено и к баптизму. Ее усиление в данной конфессии наблюдалось, например, в первые послереволюционные годы и в период коллективизации сельского хозяйства, когда рушилась социальная основа сектантства — частнособственнические отношения. А сегодня актуализация эсхатологического начала в этом вероучении обусловлена современным кризисом религии вообще и евангельского христианства-баптизма в частности.

Прогрессирующий упадок религии представляется приверженцам баптизма как надвигающаяся гибель мира, конец всего сущего. Здесь следует учитывать и сложность современной международной ситуации, когда активное противодействие разрядке со стороны наиболее агрессивных сил империализма, развязанная ими гонка вооружений, конфликтные ситуации, возникающие в различных районах мира, создают атмосферу угрозы миру, при которой построения верующих оказываются нередко созвучными проповеди близкого конца света. Эти построения в определенной мере подогреваются и некоторыми буржуазными идеологами.

Эсхатологическая проповедь всегда была действенным средством возбуждения религиозной активности. Понимая это и признавая, что «утеря чувства кон-

РЕЛИГИЯ,
ЦЕРКОВЬ,
ВЕРУЮЩИЙ

Нередко в редакцию приходят письма, авторы которых пытаются доказать, что в наше время в мире совершаются события, предсказанные Библией. За последнее время такие письма мы получили от М. Майоровой из Пензы, В. Орлова из Челябинска, Д. Гайворонского из Ростовской области. Публикуем статью, в которой идет речь о том, чем вызваны и насколько правомерны такие суждения.

ССЫЛАЯСЬ НА БИБЛИЮ

Б. ГАЛЬПЕРИН,
кандидат философских наук

ца и ожидания грядущего» более всего ведет к «духовному сну», то есть к угасанию религиозности, СЦЕХБ требует еще большего усиления эсхатологической направленности проповеди. При этом экстремистски настроенное руководство последователей совета церквей ставит перед собой вполне определенную цель: направить усиливающуюся религиозную активность верующих в русло антиобщественной деятельности.

Напоминания о приближении «дня господнего», «великого и страшного», содержатся в большинстве изданий и проповедей баптистов-«инициативников». А во время посещения богослужений в их общинах в различных районах Киргизской ССР нам неизменно приходилось слышать безапелляционные утверждения проповедников и рядовых верующих, что мировая катастрофа близка и каждый должен быть готов «предстать пред судилище Христа» в любой день и в любой час.

Среди баптистов Киргизии усиленно распространялись слухи о неизбежности конца света в 1967, а затем — в 1971 году. Проповедники молчаливо поощряли ожидание светопреставления. Лишь в конце 1971 года, когда провал очередного «пророчества» стал очевидным, духовные руководители сочли необходимым выступить с осуждением попыток определения конкретных сроков кончины мира. При этом, однако, настоятельно подчеркивалась близость эсхатологической развязки.

Непрестанно напоминая верующим, что человечество проходит конечный этап своей истории, ру-

ководство баптистов-«инициативников» требует: «Не делай ничего, за чем ты не хотел бы быть застигнутым расплох Христом. Не ходи никуда, где ты не хотел бы, чтобы тебя застал там Христос. Поступай так, как будто Христос придет сейчас. Как будто до его прихода остался один день или один час!.. Близок великий день господа, близок и очень поспешает...»

Возбуждая в верующих чувство страха, связанное с ожиданием близкой кончины мира, пастыри «инициативников» стремятся сделать их глухими к голосу трезвого рассудка, превратить в слепых исполнителей своей воли. Выдавая собственные авантюристические устремления за осуществление божьей воли, они требуют от своих последователей, чтобы те были готовы немедленно приступить «к выполнению ставящихся задач и поручений». А ведь нередко выполнение таких «задач и поручений» сопряжено с нарушением законодательства о религиозных культах. На это, по сути, и ориентируют верующих их экстремистски настроенные духовные пастыри, утверждая, что «исполнение законодательства и служение богу — вещи несовместимые».

Запуганные близкой кончиной мира и неотвратимостью расплаты не только за «богопротивные действия», но и за «богопротивные мысли», рядовые верующие воспринимают любые доводы против существования бога как происки дьявола, направленные на то, чтобы лишить их загробного блаженства. И чем сильнее верит тот или иной человек в неизбежность второго пришествия Христа, тем пассивнее его отно-

шение ко всему, что не связано с его представлениями о спасении.

Основу христианской и, в частности, баптистской эсхатологии составляют раннехристианские представления о близкой кончине мира, которые нашли отражение на страницах Апокалипсиса и евангелий (от Матфея — гл. 24; от Марка — гл. 13; от Луки — гл. 21). В числе ее предвестников называются: войны и восстания; голод, эпидемии и землетрясения в различных районах мира; появление ложных учителей — «лжехристов» и «лжепророков», стремящихся привлечь на свою сторону даже тех, кто избран богом к спасению; проповедь Евангелия по всей земле «во свидетельство всем народам»; ослабление любви и возрастание ненависти во взаимоотношениях между людьми «по причине умножения беззакония» и т. д.

Вот что пишет анонимный автор в статье, помещенной в нелегальном журнале баптистов-«инициативников» «Евангельский призыв»: «Предсказанное начинается сбываться, грозно предупреждая о близком пришествии господнем и о суде, ожидающем нечестивых человеков... Признаков близкого пришествия Христа очень много... Военной грозой наполнен весь мир. Войны на нашем веку уже следовали одна за другой... Революции и восстания непрестанно сменяют друг друга во всем мире. Все это ясно предупреждает нас, что день Христов близок. Земля уже созрела для суда. Ужасные вулканические извержения и землетрясения последних лет дополняют число евангельских знамений времени... И иные признаки указывают на близящееся пришествие».

Анонимному автору вторит один из «теоретиков» СЦЕХБ: «Мы живем в особую историческую эпоху, предсказанную пророками, когда на земле «оскудеет вера», «обнищает надежда» и «охладеет любовь». Эти три главных христианских добродетели должны будут подвергнуться «огненному испытанию». Церковь Христова, ожидающая второго пришествия Христа, уже начинает проходить через это горнило... Приближается завершение истории человечества и открывается бесконечная вечность».

Многие баптисты (в том числе

не только последователи СЦЕХБ, но и сторонники Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов — ВСЕХБ), с которыми нам приходилось беседовать, находятся под воздействием таких проповедей. Они убеждены в том, что новозаветные пророчества о признаках второго пришествия Христа сбываются именно в наши дни. Они не задумываются над тем, что новозаветные признаки второго пришествия Христа предельно абстрактны, такие события всегда имели место в человеческой истории.

Еще в 20-х годах отдельные теологи, анализируя пророчества, относящиеся к «конечным судьбам мира», признавали, что «знамения эти были такого характера, что церковь могла видеть повторение их в каждом поколении». Пытаясь найти выход из затруднительного положения, такие теологи утверждали, что бог устроил это «намеренно, чтобы не дать церкви ни даты, ни признака, которые могли бы определенно указать на время ее восхождения, и чтобы она таким образом не переставала бодрствовать»¹. Но что же это за признаки, которые не могут считаться признаками ввиду их постоянного проявления? Признаки, которые бог дает, чтобы их не дать!..

Наша действительность, если к ней подходить не предвзято, знаменательна не мнимыми проявлениями грядущего светопредставления, а постепенным избавлением человечества от тех бедствий, которые рисуются в Евангелии как знамения конца света. Главное — в мире произошли радикальные социально-политические перемены, освободившие трудящихся ряда стран от тяжкого гнета эксплуатации, открывшие им путь к самому счастливому обществу в истории — коммунизму. В результате достижений науки покончено со многими эпидемическими заболеваниями, которые еще недавно сопровождалась гибелью миллионов людей. Ученые определили районы возможных землетрясений, создали специальные антисейсмические конструкции зданий, ограничивающие разрушительное действие стихийных сил природы. Наука близка и к прогнозированию этого грозного явления, столь пугавшего прежде людей своей таинственной силой. Мы приближа-

емся к тому периоду человеческой истории, когда люди навсегда покончат с войнами.

Анализируя сами евангельские пророчества о втором пришествии Христа, нетрудно убедиться в том, что они содержат описание событий, которые имели место в Римской империи в тот период, когда создавались сочинения, включенные позднее в новозаветный канон. Это представляется особенно важным ввиду того, что зачастую никакие доводы не могут поколебать фанатичной веры баптистов в истинность Библии. Суждения, противоречащие библейским постулатам, воспринимаются верующими как дьявольские проiski, как подтверждение библейских предупреждений о том, что перед концом света «явятся наглые ругатели» (второе послание Петра, гл. 3, ст. 3), стремящиеся «прельстить, если возможно, избранных» (Евангелие от Матфея, гл. 24, ст. 24).

Базирующиеся на Библии баптистские эсхатологические построения убедительно опровергаются той же самой Библией. Так, евангельский Христос ввиду скорой кончины мира советует своим ученикам сносить поношения и, испытывая гонения, бежать из одного города в другой. При этом он обещает прийти для свершения страшного суда так скоро, что ученики не успеют «обойти городов Израилевых» (Евангелие от Матфея, гл. 10, ст. 23). В другом месте того же евангелия Христу приписывают не менее примечательные слова: «Приидет сын человеческий во славе отца своего с ангелами своими и тогда воздаст каждому по делам его. Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят сына человеческого, грядущего в царствии своем» (гл. 16, ст. 27—28). Он заверяет своих учеников: «Не преидет род сей, как все сие будет» (Евангелие от Матфея, гл. 24, ст. 34; от Марка, гл. 13, ст. 30; от Луки, гл. 21, ст. 32). Как видим, евангелисты устами Христа провозглашали кончину мира, по существу, еще при жизни своих современников.

Баптистские проповедники пытаются истолковать термин «род

¹ В. Е. Влэкстон. Господь грядет. Рига, 1927, стр. 205.

сей» как «род человеческий» или как «род израильский». Но такое истолкование произвольно. Во-первых, в Библии имеется немало мест, где понятия «род» и «поколение» отождествляются (см. книгу Иова, гл. 42, ст. 16). Во-вторых, содержащееся в русском переводе евангелий слово «род» в греческом оригинале фигурирует как «генеа», что означает «поколение», а не «человечество».

Достаточно вспомнить историю Древнего Рима периода раннего христианства, чтобы убедиться: указанные в евангельских пророчествах события, знаменующие собой приближение светопрествавления, происходили в ту самую пору, когда писались и распространялись новозаветные сочинения. Войны и восстания в Римском рабовладельческом государстве в период зарождения и распространения христианства почти не прекращались. Среди крупных по тому времени войн можно назвать Иудейскую войну (66—73 гг.), Гражданскую войну в Риме (68—69 гг.), Римско-парфянскую войну (101—117 гг.), Вторую Иудейскую войну (132—135 гг.) и др. На территории огромной империи ежегодно случались неурожаи, вызванные как засухами в одних местах, так и чрезмерными осадками — в других. Они влекли за собой голод и эпидемии. Не были редкими и землетрясения, и извержения вулканов. Вспомним, что одно из извержений Везувия повлекло известную всем гибель Помпеи, Стабии, Геркуланума.

Слова евангелий о гонениях на христиан также отражали события того времени. Христиан преследовали за веру в самом Риме, но многие ненавидели их как вероотступников в Иудее и презирали в других местах Римской империи за скрытые собрания, которые казались подозрительными. Об этом пишут и авторы христианских священных книг, и христианские апологеты, и историки — такие, как Тацит, Светоний.

Авторам евангелий не приходилось предвидеть и появление «лжепророков». Они знали их при своей жизни, вели с ними активную борьбу, старались уберечь от их влияния общины единоверцев. Знали «лжепророков» еще иудео-христиане. Об этом можно судить по самой ранней

книге христианского канона — Апокалипсису (гл. 2 и 3)². О том, что «лжепророки» не придут в каком-то близком и отдаленном будущем, а уже пришли, говорят и авторы ветхозаветных книг (см., например: книгу Иеремии, гл. 23, ст. 16; гл. 27, ст. 9—10; книгу Иезекииля, гл. 13, ст. 3—4 и др.), и Нового завета (Евангелие от Матфея, гл. 7, ст. 15; первое послание Иоанна, гл. 4, ст. 1 и 3; Откровение Иоанна, гл. 2, ст. 2 и др.). На этом основании автор первого послания Иоанна заключил: «Дети! последнее время. И как вы слышали, что придет антихрист, и теперь появилось много антихристов, то мы и познаем из того, что последнее время» (гл. 2, ст. 18).

Несостоятельными оказываются и попытки деятелей современного баптизма обосновать приближение кончины мира тем, что будто бы только теперь исполняется пророчество о повсеместной проповеди Евангелия «во свидетельство всем народам», которое рассматривается в Новом завете как предварительное условие второго пришествия Христа (Евангелие от Марка, гл. 13, ст. 10).

В новозаветной литературе содержится немало утверждений о том, что и это условие ожидаемого светопрествавления уже выполнено, что проповедь Евангелия завершена. В Деяниях апостолов рассказывается о том, что на проповеди апостолов в день пятидесятницы присутствовали «люди набожные, из всякого народа под небом» (гл. 2, ст. 5). О том, что апостолы «пошли и проповедывали везде», сообщается в Евангелии от Марка (гл. 16, ст. 20). «По всей земле прошел голос их, и до пределов вселенной слова их», — утверждает в послании Павла к римлянам (гл. 10, ст. 18). Наконец, в послании Павла к колоссянам говорится, что благовествование уже «возвещено всей твари поднебесной» (гл. 1, ст. 23).

О том, что время светопрествавления не только приближается, но «настало уже», сообщается в Евангелии от Иоанна (гл. 5, ст. 25). О близости этого события многократно повторяется и в апостольских посланиях. «Еще немного, очень немного, и грядущий придет и не умедлит», — писал Павел в послании к евреям (гл. 10,

ст. 37). Период наступления царства Христа казался апостолу настолько близким, что он потребовал от коринфян прекратить продолжение человеческого рода. «Время уже коротко, — читаем мы в первом послании к коринфянам, — так что имеющие жен должны быть, как не имеющие» (гл. 7, ст. 29).

В некоторых посланиях, приписываемых апостолу Павлу, содержатся высказывания, которые позволяют со всей определенностью утверждать: их автор не сомневался в том, что и он сам, и его единоверцы повстречаются с Христом до наступления смертного часа. Апостол сообщал коринфянам тайну: «...Не все мы умрем, но все изменимся... при последней трубе... мертвые воскреснут... а мы (снова мы. — Б. Г.) изменимся» (первое послание к коринфянам, гл. 15, ст. 51—52). В первом послании к фессалоникийцам апостол именем Христа отнес и себя и тех, кому он адресовал свое послание, к числу «живущих, оставшихся до пришествия господня» (гл. 4, ст. 15).

Итак, анализ книг Нового завета позволяет сделать вывод о полной несостоятельности приращения евангельских «знамений» конца света к современности. Именно раннему христианству был присущ период актуальной эсхатологии. Верующие ждали конца света со дня на день. Дореволюционный историк религии А. Ельчанинов верно подметил, что первых христиан отличала «живая уверенность, что совершились все пророчества, что времена исполнились, что история подошла к своему концу».

Но шли годы, а «спаситель» не приходил. В таких условиях апостолы оказались вынужденными в какой-то мере оттянуть сроки второго пришествия и даже осудить тех верующих, которые выражали недовольство и разочарование по поводу несбывшихся пророчеств. Во втором послании к фессалоникийцам Павел обратился к своим единоверцам с призывом «не спешить колебаться умом и смущаться... будто уже наступает день Христов» (гл. 2, ст. 2). Именно это высказывание

² На обновлении анализа Апокалипсиса — книги Откровения Ф. Зигельс убедительно доказал, что конец света ожидался еще иудео-христианами в период Гражданской войны в Риме (См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 7—13).

используется современными поведенниками баптизма для убеждения паствы в том, будто кончина мира, в соответствии с новозаветными пророчествами, наступит лишь в наши дни.

Вынужденная «оттяжка» вовсе не означала отодвигания срока второго пришествия на неопределенно длительное время. Она вполне согласовывалась с утверждением о наступлении конца света в течение жизни одного поколения, когда конкретная дата и час светопреставления оставались в неизвестности. Именно в таком духе рассуждают авторы евангелий и апостольских посланий. В таком же плане следует рассматривать приписываемый Христу резкий ответ апостолам: «Не ваше дело знать времена или сроки, которые отец положил в своей власти» (Деяния апостолов, гл. 1, ст. 7).

Со временем надежда на скорую кончину мира постепенно угасла и заменилась «более жизненной установкой на существование в реальном мире и на приспособление к его порядкам»³. Но всякий раз новые поколения христиан, являясь свидетелями войн, голода, эпидемий, землетрясений, всевозможных «ересей», распространяемых «лже-пророками», могли считать, что новозаветные знамения близости второго пришествия Христа сбываются именно при их жизни.

Наглядной иллюстрацией этого могут служить рассуждения о втором пришествии Христа крупного христианского богослова Иоанна Златоуста (347—407 гг.). «То, что теперь совершается на глазах у нас, — писал он, — было... им (Христом. — Б. Г.) предсказано; тогда время приблизится; ныне оно уже настало, как для всех очевидно». «Он (Христос. — Б. Г.) первым из всех признаков поставил появление ложных учителей, этих волков, расхищающих стадо Христово, и предтеч антихриста. Потом указал сопутствующие явления — войны и восстания: восстанет народ на народ и царство на царство. Все эти явления совершаются теперь пред нами... Войны в различных местах, голод, землетрясения, знамения небесные и прочее, что он предсказал, все это в больших размерах совершается пред нами... Тогда, говорит господь, соблазняются мнози и друг друга предадут

(Матф. 24, ст. 10). А где теперь нет предательства? Не восстанут ли почти все друг против друга и не ненавидят ли друг друга? Очевидно, это исполнилось. Не все ли восстанут друг против друга: народ на народ, царство на царство, начальники на начальников, епископы на епископов, пресвитеры на пресвитеров, диаконы на диаконов, чтецы враждуют между собою, миряне между собою? И за умножение беззакония изсякнет любви многих (Матф. 24, ст. 12)... Предсказанные спасителем явления совершились...»⁴

Даже беглого взгляда достаточно, чтобы обнаружить поразительное сходство в рассуждениях Иоанна Златоуста и современных пастырей баптистов, хотя их разделяет более полутора тысяч лет. Как в те далекие годы, так и теперь в качестве знамений близкой кончины мира называются одни и те же евангельские «признаки»: войны и восстания, стихийные бедствия, «охлаждение любви» и «оскудение веры».

Анализ эсхатологических построений в современном евангельском христианстве-баптизме свидетельствует о том, что в своей основе они представляют собой всего лишь повторение подобных богословских рассуждений, многократно встречавшихся.

Раскрытие этих построений, аргументированная критика доводов о кажущемся исполнении «пророчеств» о втором пришествии Христа в наши дни позволяют избавить верующих от страха перед близким концом света и таким образом создать психологические предпосылки для трезвой оценки событий современности, что в конечном счете поможет верующим обрести действительные ценности жизни. Такая критика способна во многом облегчить отрыв рядовых верующих евангельско-баптистского вероисповедания от экстремистски построенных последователей СЦЕХБ, спекулирующих на религиозных чувствах людей и умышленно нагнетающих страх эсхатологического возмездия для подстрекательства на совершение антиобщественных поступков.

г. Фрунзе

³ И. А. Крывелев. История религий, т. 1. М., 1975, стр. 134.

⁴ Иоанн Златоуст. Творения, т. 8. СПб., 1902, стр. 708, 709.

ХОТЕЛ СТАТЬ ПСАЛОМЩИКОМ

Я — сельский житель, знаю хорошо взгляды и настроения своих односельчан. У каждого свои причины верить или не верить в бога. Лично я разуверился давно. Лет мне немало, родился в прошлом веке — в 1891 году.

Родители мои, как большинство крестьян в те времена, были верующими до фанатизма. Отец, кроме хлебопашества, еще и портняжил, что и давало возможность прокормить большую семью. Был он грамотный: читал Псалтирь, ни один похороны не обходились без него. Неграмотная мать знала молитвы на всякий случай жизни и меня научила.

Шести лет я без запинки отечанивал и «Отче наш», и «Богородицу», и «Блажен муж...». Когда отдали в церковноприходскую школу, учиться мне было легко. Рос и в мечтах о церковной карьере — хотел стать псаломщиком. Но мировая война многих набожных парней сделала безбожниками либо поколебала их веру. А в гражданскую войну я окончательно прозрел...

И вот, прочитав в вашем журнале в прошлом году заметку «Бабушка», я подумал об этой старушке — какая она молодец, какие мудрые написала слова. Да, мы, старики, в ответе за молодежь! От нас зависит, будут ли висеть крестики на груди наших питомцев, понесут ли они крестить своих детей в божий храм.

Правление нашего колхоза «Россия» постановило построить Дом культуры, да такой отгрохали — настоящий дворец. И вот те верующие бабушки, которые собирались по хатам петь «псалмы царя Давида», организовали свой хор и выступают теперь с народными песнями в этом Дворце культуры. Теперь если у нас справляют свадьбу, так все село сбегается смотреть на наших певуний. Вот такие нынче пошли бабушки. Жить стало им веселей, и молодежь они учат любить красоту русской обрядовой песни.

Извините, если не очень складно написал вам 90-летний старик.

С почтением А. Кулиш

с. Черное
Харьковской области

ИСПОЛНИНЫ?

И. ЖЕРНЕВСКАЯ,

специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

— Непременно зайдите к Дэрумсу, он у нас ведьму нашел.

— Ведьму? Это как же понять?

— Пусть сам Вилис Янович расскажет. Рассказчик он хороший, и дело у него интересное.

В этом меня убеждают уже первые минуты разговора с В. Я. Дэрумсом, доктором медицинских наук, старшим научным сотрудником Научно-исследовательского института экспериментальной и клинической медицины Министерства здравоохранения Латвийской ССР.

— Здесь у меня каменный век, вот здесь — бронзовый, железный, а это уже средневековье, — показывает мне коллекцию хозяин кабинета, специализирующийся в редкой области науки. На полках застекленных шкафов лежат черепа, позвонки и другие кости, извлеченные археологами из древних могильников на территории Прибалтики. В. Я. Дэрумс — палеопатолог, изучает болезни животных и человека в древности. Это отражено и в названии науки: *palaios* — по-гречески — древний, *pathos* — страдание, *logos* — учение.

Задачи современной палеопатологии стали сейчас шире ее названия. Уже не просто установление по костным останкам заболеваний древних людей, но и то, как эти болезни изменялись на протяжении веков, часто ли встречались, чем были обусловлены. Здесь законы причинности приобретают особую роль: ведь костная ткань человека очень чувствительна, различные ее нарушения оказываются связанными не только с чисто физиологическими, но и с социальными факторами. Условия и особенности труда и быта, состояние окружающей среды — все оставляет отметины на костях. Вот почему данные этой науки выходят за пределы «чистой» медицины — они нужны историкам, социологам, этнографам, антропологам, палеогеографам. Полезны они и пропагандистам естественнонаучных знаний, поскольку палеопатология обращена к начальной поре человеческого общества...

■ — В шестой главе библейской книги Бытия сказано так: «В то время были на земле исполины...» Многие читатели журнала в своих письмах обращают внимание на эту строчку. Как же в действительности выглядели наши прапращуры! Что говорит об этом палеопатология!

— Уже скелеты неандертальцев — ближайших предшественников человека современного вида — отличались хорошо развитым костным рельефом. Плечевые кости были толстыми и крепкими, с сильной кривизной изгиба. Хорошо развитые мышечные бугристости, грудная клетка с округленными, сильно изогнутыми ребрами говорят об отменной мускулатуре и физической силе.

Сравнительно часто на древних бедренных костях встречается специфический костный бугор — так называемый третий вертел, и значительная вертельная яма (у

современных людей третий вертел на бедренной кости замечается довольно редко). Крупнейший наш специалист в области палеопатологии профессор А. Рохлин считает: такое распределение костных бугров нижних конечностей свидетельствует о том, что древнейшие люди испытывали значительные физические нагрузки, причем не только по вертикали, но и в других направлениях. Этот вывод по-своему подтверждает и толщина кортикального (поверхностного) слоя на бедренных костях древних, которая превосходит этот показатель у современных людей. Такая особенность говорит и о большей стойкости костного материала к травматическим повреждениям.

Латышский археолог Ф. Загорский в течение ряда лет обследовал 300 погребений в могиль-

нике Звейниекс, относящиеся к V—II тысячелетиям до нашей эры. В моем распоряжении был значительный костный материал. Изучение формы, внутреннего строения костей, тех изменений, которые оставили на них разного рода патологические процессы, объективно свидетельствует о том, что люди тогда были способны выносить большие физические напряжения. Они выдерживали продолжительный бег, хорошо прыгали. И прекрасно слышали. Эту информацию подсказали мне особенности строения височной кости. Ее изменения и позволили составить определенное представление о состоянии слуха у древнего человека. Враждебная ему природа, подстерегавшие его опасности вынуждали нашего далекого предка постоянно быть настороже. Раздражения чувствительных элементов кости и костного мозга способствовали выработке специфических двигательных-оборонительных рефлексов. Однако здесь действовали не высшие силы, якобы защищавшие человека, а выработанная долгой эволюцией природная способность живого организма к изменениям, обеспечивающим ему безопасность.

Какие же изменения удалось обнаружить? С помощью рентгенограмм, антропологических измерений я сопоставил особенности наружных и внутренних слуховых отверстий височной кости на костном материале, относящемся к разным историческим периодам. Явственно проступала одна весьма характерная закономерность: пневматизированные, то есть особым образом измененные, ячейки сосцевидного отростка и его полости на самых древних образцах были больших размеров во II тысячелетии до нашей эры, чем у людей XV—XVI веков. Внутреннее и наружное слуховые отверстия у древних людей были на 0,5—3,9 миллиметра больше, чем у их отдаленных потомков. Величина этих проходов, как считают специалисты, влияет на остроту слуха, от нее зависит порог костной проводимости звука.

Условия суровой жизни древних охотников на мамонтов, а не дар богов сделали наших прапращуров столь выносливыми, чуткими и зоркими существами. А вот исполинами, как рисует их

Библия, они не были. Судя по костным останкам, средний рост древних людей не превышал 170—175 сантиметров.

■ — Обратимся еще к одной библейской строке. Первых жителей Земли, сотворенных богом, а также их потомков священное писание наделяет редкостным долголетием. Адам будто бы умер девятисот тридцать лет, сыновья его жили не меньше, а «всех дней» сына Еноха Мафусанла «было девяносто шестьдесят девять лет». К тому же периоду, когда люди начали умножаться на земле и когда ходили по ней исполины, относится и такое решение бога: «...Пусть будут дни их сто двадцать лет». Тоже немало. А что говорят по этому поводу данные палеопатологии?

— Анализ костного материала самых ранних эпох свидетельствует о том, что большинство найденных скелетов принадлежат людям 27—28 лет. Останков людей 55 лет и старше в древних захоронениях Прибалтики почти не обнаружено. Из всех находок по Литве и Латвии, датированных I—IV веками (110 черепов и других костей от 130 скелетов) лишь 10 принадлежало 50—60-летним людям. Зафиксирована и значительная детская смертность: в некоторых могильниках детей насчитывалось до 30 процентов.

На заре человеческой истории не было золотого века, который воспевали далекие мифы, религиозные предания. Уместно здесь вспомнить известные слова В. И. Ленина: «Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой».

■ — О золотом веке писал в своей поэме знаменитый древнегреческий поэт Гесиод, живший в Беотии двадцать семь веков назад. Считалось, что в золотом веке люди не болели так, как в более поздние времена. «Всегда одинаково сильны были их руки и ноги», — восхищался Гесиод. Что же было на самом деле? Что известно о болезнях древности?

— Начнем с рук и ног, о которых упомянул Гесиод. Именно они изнашивались прежде всего — в первую очередь от значительных физических нагрузок. Благополучие племени, успехи в освоении природы в далекой древности прямо зависели от силы мышц, крепости рук и ног. И совсем не случайно наиболее частыми поражениями у древнего человека оказываются такие болезни костной системы, как деформирующие артрозы и спонди-

лезы. Это различные хронические заболевания, характеризующиеся уплотнением (склерозом) подхрящеваяго слоя кости, сращением двух или нескольких позвонков в сочетании с деформацией суставных концов костей.

Я наблюдал эти поражения на костях жителей Латвии и эпохи мезолита, и начала раннего неолита, причем обнаруживал их следы на скелетах сравнительно молодых людей (в наше время это недуги пожилого возраста). Причем встречались все формы спондилеза, вплоть до сцепления позвонков в один неподвижный костный блок.

Следствием перегрузок, испытываемых позвоночником, были остеохондрозы. При этом перерождались элементы межпозвонкового диска, внедряясь в губчатое вещество позвонковых тел. Специалист видит следы реакции организма на такой болезненный процесс в виде характерных краевых разрастаний на позвонках. Остеохондрозы также свойственны различным периодам древности.

Тяжелая болезнь Бехтерева с ее резким ограничением подвижности позвоночника встречалась уже в неолите. Палеопатологи обнаружили в глубокой древности и костный туберкулез; у них есть свидетельства страданий людей от повышенного черепного давления, фиброзных изменений костной ткани, раковых опухолей. Различные болезни зубов сопровождали человека на протяжении тысячелетий. Все эти недуги оставляли на костях свои характерные следы.

А военные или бытовые травматические поражения? На берегу озера Буртниеку археолог Ф. Загорскис обнаружил скелет мужчины, жившего 4500 лет назад. Он хранил следы множественных ранений. Острое орудие пробило грудь, причем кремневое острие вонзилось в третий грудной позвонок, там сломалось. Стрела пробила брюшину, внутренние органы, нижнюю часть поясничного позвонка. Четыре другие стрелы оставили круглые пробоины в гребне правой подвздошной кости. Воображение рисует воина, попавшего в кольцо врагов. Со всех сторон летели в него стрелы, копья. Он не смог вырваться из губительного окружения. Откуда это из-

вестно? Рентгенограмма не показала в области ранений ободков уплотненной костной ткани, обычно сопровождающей процессы заживления. Значит, древний воин пал в бою.

Приведу еще один пример, относящийся к более позднему периоду — к XIII—XIV векам. Этим временем датировали находку — первый поясничный позвонок, обративший на себя внимание плоским широким дефектом на верхней левой его стороне. Мы пришли к выводу, что перед нами след от удара копьем. Под определенным углом оно пробило мягкие ткани, брюшину, вонзилось в межпозвонковое пространство и, задев верхнюю часть первого поясничного позвонка, дошло до дужки 12-го грудного позвонка.

Чтобы утвердиться в этой версии, мы рассмотрели острия оружия той эпохи, пока не нашли среди них такого, что соответствовало характеру дефекта позвонка. Форма этого копья оказалась довольно распространенной именно в XIII—XIV веках. Раненый жил в Икшкиле, у Даугавы, где произошли первые нападения немецких завоевателей на местных жителей. Несмотря на тяжелое ранение, заставляющее предположить, что был задет и спинной мозг, рентгенограмма засвидетельствовала процесс заживления раны. На внутренней стороне желоба позвонка, пробитого копьем, видна белая полоска — рубчик заживления. Очевидно, раненому оказали своевременную и успешную помощь.

■ — И в наши дни религиозные верования сохраняют в своих догмах наивные предположения древности, что болезни людей посылают на них боги. Как отвечает на такой вопрос палеопатология?

— Палеопатология — наука о болезнях не только человека, но и животных. Еще в 1774 году в научной литературе появились рисунок и описание бедренной кости пещерного медведя, жившего приблизительно 400 000 лет назад. Тогда же, в XVIII веке там был поставлен диагноз — налицо явления некроза, омертвения костной ткани. Спустя 80 лет необычную кость исследовали заново и диагноз уточнился: у пещерного медведя был явный перелом кости с

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 103.

последующим частичным некрозом и его компенсацией — образованием избыточной мозоли.

К концу прошлого века один из основоположников патологической анатомии немецкий ученый Р. Вирхов написал работы о болезнях суставных костей и позвонков у пещерных львов и привел пример деформирующего артроза, обнаруженного у неандертальца. Кстати, это заболевание отмечено уже при изучении костей динозавров, живших около 11 миллионов лет назад. Ученый даже назвал этот недуг «пещерной подагрой».

Советские исследователи Г. В. и Д. В. Гаджиевы нашли выраженные явления деформирующего спондилеза на позвоночнике банагадинского волка из четвертичного периода. Кариес зубов обнаружили уже у рыб пермского периода, пародонтоз их был в палеозойскую эру, когда появились рептилии, — многие миллионы лет назад. Человечество получило большинство болезней в наследство от животного мира, а не как наказание свыше за отступление от религиозных норм жизни.

Наши болезни, их распространение носят чисто земной характер. Многие связаны с социальными факторами, что лишний раз говорит о небожественном происхождении недугов рода человеческого. Взять хотя бы костный туберкулез или рахит. В древности эти поражения костей встречались много реже, чем в последующие эпохи. Первый случай костного суставного туберкулеза в Прибалтике нами выявлен на позвоночнике человека, жившего в каменном веке. Следующие два случая по Литве относятся к III—IV векам нашей эры. Зато в период средневековья, в XIII—XVI веках, когда сельские жители Ливонии находились на положении почти рабском, изнурительный труд, частое голодание сказались не только на распространении болезней, в том числе туберкулеза и рахита, но и на костном рельефе людей. Скелет их стал несколько мельче.

Современные врачи бьют тревогу по поводу последствий урбанизации жизни и обездвиженности, этой расплаты за комфорт. Они отрицательно сказываются на здоровье людей, причем не проходят бесследно и для кост-

ной системы. Костная ткань, ее клетки, элементы отвечают на усиленную или же ослабленную работу мышц характерными изменениями. Вот такого рода естественные процессы и закономерности связывают между собой причины и следствия, образ жизни людей и их физический статус, в том числе и здоровье. Не случайно, и уж, конечно, не по воле божьей, в Прибалтике нам чаще всего встречались суставные поражения дистрофического характера — они связаны были с тяжелыми условиями жизни, с недостатком питания.

На острове Долес на Даугаве в костных останках 3000-летней давности я наблюдал частое явление — своеобразное окаменение и увеличение средней носовой раковины. Жители острова из поколения в поколение занимались рыболовством, были постоянно связаны с водой, что и сказалось на характере заболевания.

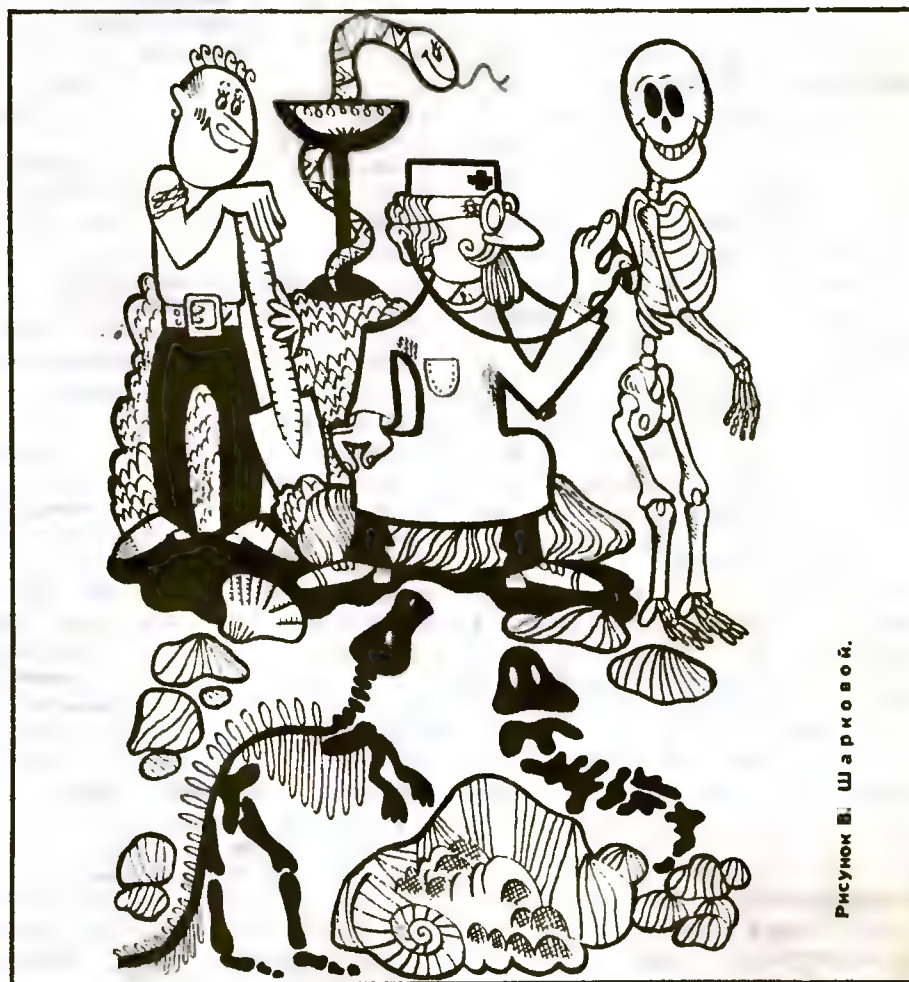
■ — Как давно занимаетесь вы палеопатологией!

— Я начал специализироваться

в этой области науки с 60-х годов. Окончив медицинский факультет Рижского университета, многие годы был клиницистом, рентгенологом, занимался историей медицины, сотрудничая с известным нашим академиком, историком медицины П. Страдынем. Все эти знания пригодились для палеопатологии.

Занимался я и антропологией — еще в 1940 году вышла у меня монография о телосложении латышей. Уже тогда на конкретных данных я отмечал акселерацию, процесс ускорения физического развития людей. Латыши прибавили в весе, у них увеличилась ширина грудной клетки, в среднем они стали выше на 3,5 сантиметра.

Работаю в тесном контакте с моими коллегами из других республик, регулярно обмениваюсь научной информацией с зарубежными палеопатологами. Был научным руководителем Тамары Гаджиевны Гусейновой, когда она готовила работу о зубочелюстных заболеваниях в древнем Азербайджане, участвовал в под-

готовке защиты кандидатской диссертации Павла Мелитоновича Гирипилашвили о костных заболеваниях в древней Грузии. Сейчас он работает над докторской диссертацией, расширяя и углубляя эту тему. В Минске палеопатологией древних жителей Белоруссии занимается Лидия Николаевна Казей, я знаком с материалами, которые составили основу ее докторской диссертации. Сам я завершаю четвертую монографию, обобщающую многолетнее изучение строения, болезней, травм и лечения костной системы у древних жителей Прибалтики.

■ — Расскажите хотя бы о некоторых памятных вам находках. И о «ведьме», конечно...

— Читателям вашего журнала этот случай может показаться интересным. Однажды археолог М. Атгазис вызвал меня осмотреть необычное захоронение. Необычной была поза усопшего (как оказалось впоследствии, женщины лет тридцати): правая нога перекрещена с левой, левая рука закинута вверх. Еще более удивил меня ее череп. В лобной части просматривались впадины, углубления, которые я вначале принял за разрушительные следы времени. Но осмотр их с помощью стереоскопического микроскопа заставил меня изменить первоначальное мнение. Это были треугольные углубления и говорили они о повреждениях механического характера. Выглядели они так, словно на голову наложили железный обруч с остриями, а затем винтом обруч закрутили и его острия прошли до середины внутренней черепной пластинки. Такие обручи были в практике инквизиторских судов.

Я не увидел на черепе признаков регенерации, то есть заживления костной ткани. Вероятно, женщина умирала в страшных муках, возможно, не только от ран на голове, но и от внутренних повреждений. Судорога боли свела ей ноги, выкрутила руку. В таком состоянии несчастную и захоронили.

Кто она была? Воображение и факты позволяют сделать такое предположение. Умершая была сведуща в медицине — помимо всего у нее зафиксирован перелом плечевой кости, который хорошо сросся в результате успешного лечения, правильно осуществленной иммобилизации. Не-

редко в те времена умелые лекари становились жертвой суеверных или прямо религиозных представлений, по которым их искусство объясняли помощью нечистой силы, а самих их объявляли ведьмами или колдунами. Обвиненных в союзе с дьяволом подвергали пыткам, часто вынуждая на самооговоры. Как известно, волны инквизиторских страстей неоднократно прокатывались по европейским странам, особенно к закату средневековья. А предполагаемая наша «ведьма»-лекарь жила именно тогда, в XVI веке...

Другая находка ценна для меня тем, что еще раз подтвердила высокий уровень врачевания древних лекарей. Ко мне попал череп со следами трепанации, произведенной в каменном веке, то есть 4000 лет назад. Трепанационное поле было весьма обширным — 6 на 12 сантиметров и, что главное, свидетельствовало об умении, с каким было осуществлено операционное вмешательство. По-видимому, лекарь имел дело с боевыми ранениями в трех местах черепа. Застывшие осколки давили на мозговые оболочки, причиняя сильную боль. Хирург каменного века удалил раздробленную кость, подравнивал, подшлифовал края раны, и пациент его пошел на поправку, о чем спустя тысячи лет было получено надежное свидетельство. Я увидел на краях большого дефекта тонкий слой образовавшейся компактной костной ткани, бугорки в некоторых местах, говорящие о процессе заживления, о том, что человек этот еще долго жил после ранения.

Должно быть, древний лекарь закрыл дефект, натянув кожу на рану, и, кроме того, очевидно, употреблял целебные травы и снадобья, способствующие выздоровлению. Берусь утверждать, что заживление такой черепной раны прошло лучше, чем оно проходило бы у современного человека, потому что иммунно-биологические, защитные свойства организма наших далеких предков были выше нынешних. И это естественно: как я уже говорил, организму древнего человека предъявлялись суровые требования и он приспособлялся к ним, используя богатые резервы, заложенные природой.

«БОЖЕСТВЕННЫЕ»

КАМНИ:

ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

В. СУПРЫЧЕВ,

кандидат

геолого-минералогических наук

Среди ювелирных камней большой популярностью пользуется опал. Есть две версии появления этого названия — от санскрита, где «упала» — «драгоценный камень», или от латинского «опалус» — «чарующий зрение». Что было первым, пока не установлено. Среди большого разнообразия опалов (их насчитывают более 130 видов) в ювелирном деле особенно ценится благородный опал — голубоватый, иногда почти белый, с красивой игрой желтого, оранжевого, зеленого и голубого цветов, и огненный опал — гиаинтово-красный, янтарный, медово-желтый.

Опалы, среди которых встречаются камни с переливами и игрой цвета, образуются в природе осаждением из горячих и холодных растворов солей, а также в результате процессов химического выветривания кварцесодержащих пород и жизнедеятельности губок, диатомовых водорослей.

Чем же вызвана красивая игра и притягательное мерцание у некоторых образцов опала? Благородный опал насыщен невидимыми для невооруженного глаза пустотами и микротрещинами, которые возникли при обезвоживании еще мягко-

го опалового геля в стадии его окаменения. Существует предположение, что причиной внутренней игры цвета в опале может быть наличие в камне мельчайших полостей-пузырьков, заполненных водой или воздухом. В огненном опале такие пузырьки с жидкостью окрасены гидроокисью железа в красные и желтые тона. Именно им обязан камень своей яркой, огненно вспыхивающей окраской.

Благородному опалу посвящено множество легенд, мифов, сказаний и даже стихотворений. Плиний, восторженно описывая «опалус», приводит рассказ о римском сенаторе Нониусе, который отказался от родины, богатства и предпочел ссылку, но не отдал полководцу Марку Антонию свой перстень с опалом.

Известный алхимик XIII века Альбрехт фон Больштедт (Альберт Магнус), профессор богословия в Париже и Кельне, епископ Регенбургский, которого знают больше как замечательного естествоиспытателя — химика и физика (он впервые получил в 1250 г. свободный металлический мышьяк), оставил такое описание опала: «Камень в короне римских императоров, и нет ему подобных по красоте. Он имеет тончайший винный оттенок, как у ярко-красного вина. Говорят, что он охраняет королевскую честь».

С давних времен опалу приписывали всякие добродетели и полезные свойства: он якобы мог успокоить нервы, излечивать болезни сердца, охранять от меланхолии и инфекционных заболеваний, мог предупредить обморок, возвратить владельцу камня остроту зрения и удерживать его от низменных прихотей и страстей. В Венецианской республике были распространены опаловые амулеты от эпидемий.

Однако наряду с охранительными признаками опал обладал будто бы и вредными качествами и приносил несчастье.

К опалу как символу непостоянства обращается Вильям Шекспир в «Двенадцатой ночи»: «...Да сошьет тебе портной камзол из переливчатой тафты, потому что душа твоя ни дать ни взять — изменчивый опал».

Доброй своей славой опал обязан самому себе — своей красоте, игре света и цвета и т. д. Откуда же пошли недобрые суеверия? И здесь «виноват» сам камень.

Благородный опал после длительного пребывания на солнечном свете начинает частично обезвоживаться и мутнеет, как бы наливается молоком, теряя свою чарующую игру цвета. Ювелирам порой не везло с опалом — при обработке он часто трескался и рассыпался

на мелкие кусочки. Вероятно, гранильщики первыми стали считать его несчастливым камнем.

В подтверждение версии, что опал якобы приносит несчастье, приводилась известная история с камнем Марка Антония; припоминали, что английский король Эдуард VII после коронации приказал все опалы регалий заменить рубинами, а принцесса Стефания Бельгийская, после того как ее муж покончил жизнь самоубийством, избавилась от набора опаловых украшений, которые она получила в дар от города Будапешта при коронации принца Рудольфа II. Французская императрица Евгения, жена Наполеона III, законодательница мод и устроительница пышных празднеств, из-за подогреваемого молвой суеверия не решалась носить опаловые украшения.

Многие самоубийства, разводы, сумасшествия, банкротства и другие беды объясняли влиянием опала. Рассказывали, что знаменитый опал «Горящая Троя», оцененный в 30 тысяч дукатов, содержал в себе столько «внутреннего яда», что камень растворился в воздухе, уничтожив самого себя, и от него остался только серный запах. Этим камнем владела французская императрица Жозефина, но редчайший опал куда-то исчез во время ссылки Наполеона.

Неожиданно подлил масла в огонь опаловых суеверий Вальтер Скотт, который в 1829 году выпустил романтическую новеллу «Анна из Гейерштейна, или Девушка из тьмы». Вот вкратце ее содержание.

К шведскому барону фон Арнхейму обратился за помощью иностранец, перс Данишмед, знаток магии и оккультных наук. В вечер своего приезда перс зажег серебряную лампу, которая тут же испарилась, и вместо нее появилась красивая девушка Герлион с великолепным опалом во лбу. Самоцвет ярко сиял, когда красавица была веселой, и испускал красные отблески, когда она сердилась. Фон Арнхейм влюбился в Герлион и женился на ней. Спустя некоторое время в семье барона родилась дочь, но соседка барона — графиня считала, что неприлично было ему жениться на иностранке и что опал является источником зла, связанным с самим дьяволом. В день крещения ребенка у входа в церковь графиня бросила капли «святой» воды на опал Герлион, который тут же упал на землю и превратился в обыкновенный камень. Леди Герлион потеряла сознание; ее перенесли в спальню, а вскоре на ее ложе обнаружили кучку пепла — красавица исчезла навсегда.

Автор новеллы не считал опал несчастливым камнем, но среди его читателей укоренилось суеверие, будто опал приносит несчастье. Этот предрассудок во второй половине XIX века широко распространился среди модниц, и попу-

лярность камня стала заметно падать. Суеверия зашли так далеко, что ювелиры Вены выбросили опалы в Дунай, так как камень перестали покупать.

Любопытно, что хозяева дублицких шахт (Словакия) сами распространили среди шахтеров новеллу Вальтера Скотта и всячески подогревали суеверие,

Рисунок В. Шарковой.

чтобы пресечь кражу опалов при добыче и подпольную торговлю этим самоцветом.

В середине прошлого века опалы были в моде в России. Королева Англии Виктория для рекламы своих австралийских опаловых приисков подарила этот камень к свадьбе своим дочерям. В конце концов коммерсанты и ювелиры запутались с преданиями и стали утверждать, что все несчастья происходили только с европейскими опалами, имеющими огненно-рубиново-красный блеск или голубовато-синие отблески с золотыми искрами. А вот, мол, австралийские опалы приносят удачу.

В XX веке самоцвет снова стал популярен, привлекая повышенное внимание ювелиров, любителей камня и модниц, которые с удовольствием носят опаловые украшения. Однако и сейчас порой можно услышать, что опал является символом обаяния непостоянной женщины, что опал — источник запретных удовольствий, зла и несчастий. Бытовые суеверия живучи. Из этого краткого обзора видно, как возникают поверья, связанные с драгоценными камнями, и какова их цена.

г. Симферополь

МЕРТВОЯ ВОДА

РОМАН

Найо МАРШ

Угрозы

6

Мисс Эмили обвела взглядом собравшихся.

Для всех в гостиной стульев не хватило. Сидели Маргарет Барримор, священник и мэр. Джени с Патриком примостились на ручках кресла миссис Барримор. Майор, старший инспектор Кумб и доктор Мэйн стояли.

— Итак, ситуация такова, — говорила мисс Эмили. — Я сообщила о своих намерениях. Мне угрожали. Дважды были совершены покушения на мою жизнь. Наконец, вот это. — Она указала на фигурку Зеленой Дамы. — Вот что было подкинута ко мне в комнату кем-то сумевшим достать ключ.

— Моя дорогая мисс Прайд, — сказал майор Барримор, — уверяю вас, я проведу самое доскональное расследование. Кто бы ни совершил этот возмутительнейший... Мисс Эмили подняла руку. Майор пригладил усы и замолк.

— Я попросила вас собраться здесь в первую очередь для того, чтобы сказать, что меня никакие угрозы не отгугнут. Вас, мистер мэр, вас, святой отец, и вас, доктор Мэйн, я пригласила по той причине, что вы в Порт-кароу пользуетесь влиянием, к тому же мое решение в той или иной степени отразится на вас. Но, вероятно, более всего на майоре Барриморе и его семье. Очень сожалею, что мисс Кост не посчитала нужным прийти.

Мистер Нэнкивелл мрачно усмехнулся.

— Вторая причина, по которой я злоупотребляю вашим временем, состоит в следующем: при содействии старшего инспектора Кумба я бы хотела обнаружить лицо, поставившее на мой стол эту безобразную фигурку с оскорбительным ярлыком. Фигурка, мне кажется, была, самое подходящее для этого слово, «подброшена», когда я отлучалась для ленча. Мой номер был заперт. Ключ висел на своем крючке на доске у портье. Его нельзя взять оттуда незаметно. Однако это сделали, и это сделал человек, которому известен номер моей комнаты. — Она с самодовольным видом повернулась к старшему инспектору Кумбу. — Я свое заявление сделала. Дальнейшее расследование целиком в вашей компетенции, мистер Кумб.

— Итак, мисс Прайд, мистер мэр, дамы и господа, — начал Кумб. — Вы все согласитесь, что такое положение дел нас не устраивает. С какого бока ни взгляни, чести это не делает ни деревне, ни острову. Что касается инцидента с камнями и проволочной ловушкой, то по этому делу ведется расследование. По поводу же последнего инцидента

было заявлено в полицию, которая устроит дознание.

— Вот я и пригласила вас для этого дознания, — вмешалась мисс Эмили.

— Прошу прощения, мисс Прайд, но в таких случаях собраний не собирают.

— Определенно меня здесь не совсем поняли. Я пригласила всех с тем, чтобы лица, на чьей совести лежит вторжение в мою комнату, имели возможность чистосердечно во всем признаться.

Это заявление произвело впечатление на всех присутствующих, хотя и разное. Патрик в изумлении поднял брови и посмотрел на Джени, у которой был встревоженный вид. Миссис Барримор подалась вперед в кресле и с явным испугом смотрела на мужа. Его физиономия налилась кровью. Мэр, казалось, был ошеломлен сверх меры. Доктор Мэйн рассматривал мисс Эмили так, будто она была подопытным кроликом. Священник с возгласом «Ну и ну!» провел рукой по волосам.

— Должна сразу же добавить, что с Джени Уильямс снимаются все подозрения, — заявила мисс Эмили. — Она любезно зашла за мной, помогла спуститься вниз и во время ленча не выходила из столовой, а потом подошла к моему столику.

— Черт знает что! — взорвался майор. — Будь я проклят! Черт поберит!

— Не надо, Кейт! Прошу тебя.

— Молчи, Маргарет.

— Я считаю, что лучше было бы замолчать вам, — вмешался Патрик.

— Прошу вашего внимания. — Кумб постучал по краю стола. — Итак, чем скорее мы выслушаем каждого, тем лучше и для вас, и для меня.

— Разумеется, — откликнулся Патрик и встал. — Я опоздал к ленчу из-за того, что мы засиделись в баре с Джоном Пендером. Из бара я пошел прямо в столовую. Я и близко не подходил к конторке портье. А ты, мама?

Миссис Барримор сплела пальцы и повернулась к сыну. Она говорила, обращаясь к нему одному:

— Я... я пошла в вестибюль. Там толпился народ с автобуса. Кто-то спросил насчет... В общем, все как обычно. Одной даме стало нехорошо, и я усадила ее в кресло. Потом пошли в старый корпус и...

— Я видел, как миссис Барримор вошла в старое помещение, — подхватил доктор Мэйн. — Я был как раз там. Хотел поговорить с ней относительно мисс Прайд. Соблюдает ли она мои предписания. Потом пошел в старый бар. Там сидел майор Барримор. Мы обменялись с ним несколькими фразами, и я направился в новый бар перекусить. После этого зашел к пациентке, проживающей в отеле, и в два тридцать навещал мисс Прайд. Она как раз звонила всем нам.

Кончив строчить в блокноте, Кумб поднял голову и сказал:

— Осталось еще послушать нашего уважаемого мэра и...

— Должен признаться и признаюся вам, а также прошу разрешения записать в протоколе, что я расцениваю требование, предъявленное ко мне, как нечто бросающее тень на учреждение, которое я имею честь возглавлять, — перебил Кумба Нэнкивелл. — Далее заявляю, что первую половину интересующего вас времени я находился в мэрии, выполняя свои прямые обязанно-

сти, откуда потом направился в свой кабинет, расположенный в задней части мясной лавки.

Мистер Кумб сделал краткую запись: «В мясной лавке» — и обратился к священнику.

— Постараюсь припомнить, — пообещал он. — Боюсь, память у меня не слишком хорошая, к тому же день был тяжелый. Так вот... Ага, значит, утром я побывал в поселке. Главной целью моих посещений была несчастная миссис Триэри. Печальный случай. Еще я побывал у одного или двух прихожан. Не помню, когда я вернулся домой, но, мне кажется, к ленчу я опоздал. По-моему, это может подтвердить жена.

— Вы заходили в гостиницу, сэр?

— Заходил ли я в гостиницу? Да. В сущности, мисс Прайд, я хотел зайти к вам и спросить, как ваше самочувствие, но в вестибюле было столько народу, да и ленч, как я понял, уже начался, так что... одним словом, я до вас не дошел.

Зазвонил телефон.

Аппарат стоял возле локтя мисс Эмили.

— Тсс, — сказала она и сняла трубку. — Да? Я вас слушаю.

В трубке раздался писклявый голос, слышимый всем присутствующим:

— Вы будете мисс Прайд?

— Я у телефона.

— Вы нас не троньте, мисс Эмили Прайд, не то Дама вами займется. И вы угодите в могилу, мисс Эмили Прайд.

— Кто это?

В трубке щелкнуло, потом раздался короткий гудки.

— Это был детский голос, — сказал Патрик. — Наверное, это...

— Нет, решительно отвергла мисс Эмили. — Не думаю. Я очень чувствительна к произношению. Акцент был ненатуральный. Да и голос отнюдь не детский. Это была мисс Элспет Кост.

Фиаско

1

В субботу, в четыре часа дня, участники праздничной церемонии собра-

Продолжение. Начало см. в № 6.

лись у подножия горы со стороны Рыбачьего залива: девушки в зеленых марлевых платицах со звездами в волосах, несколько взрослых девушек в одинаковых нарядах бирюзового цвета и маленькие мальчики в зеленых ситцевых халатиках. Среди них был Уолли Триэри, тоже облаченный в халат, причёсанный, смущенный. Ждали мэра, советников и других местных сановников.

Мисс Кост в который раз выстраивала свой отряд. На ней был домашний чепец, вязаная накидка ядовито-бирюзового цвета и пышное длинное платье с вельветовым корсажем цвета изумрудной зелени. Она держала фотоаппарат и пачку бумаг, прищипленных к дощечке. Ее лицо выражало крайнее напряжение.

На северо-западе теснились грозные тучи, и все собравшиеся то и дело с опаской поглядывали в ту сторону. Зловещая знойная тишина не нарушалась ни малейшим дуновением аэтра.

Внутри ограждения набилась целая толпа. Те, кто там не поместился, устроились выше, на склоне, лениво развалившись на траве. «Путь Уолли» был тоже запружен зрителями. Места внутри ограждения отвели для больных, а также для лиц официальных и прочих солидных людей. К ним относились Барриморы, Джени, доктор Мэйн и чета Кастерсов. Священник, оберегая свой нейтралитет, отказался принять участие в официальной части церемонии. «Хотя, должен сказать, судя по тому, что мне довелось слышать, по-моему, все это довольно безобидно», — шепнул он на ухо жене.

— Как ты думаешь, мисс Эмили не затеет скандал? — спросил Патрик у Джени.

— Не имею представления. Слышишь? Кажется, гром.

— Ничего удивительного. Гляди, а вот и Кумб. А кто этот долговязый с ним?

— Наверное, кто-нибудь из приятелей мисс Прайд. Она мне говорила, что у нее полно знакомых среди дипломатов.

Из деревни вышли музыканты и направились в сторону насыпи. Оркестр был небольшой, и над ним полностью господствовал барабан. Сзади, опираясь на руку советника, шагал мистер Нэнкивелл при полных регалиях.

Оба сановника взошли на большой катер, у руля которого восседал Триэри, наряженный на манер античного первозачника. Музыканты расселись по маленьким шлюпкам и во время короткого плавания с ожесточением наяривали на своих инструментах.

На берегу оркестр слился с отрядом мисс Кост. Началось восхождение. Дети запели.

На тропинке, ведущей от гостиницы, появилась мисс Эмили. Она опустила жетон, вошла за ограждение и прошла на оставленное для нее место рядом с миссис Барримор. Майор Барримор с перекошенным от злобы лицом встал ее поприветствовать.

Едва ли кто из официально приглашенных гостей слышал торжественное обращение мэра — все взоры были обращены в сторону мисс Эмили. Старуха сидела прямо, стиснув ладонями ручку сложенного зонта, и не спускала глаз с мистера Нэнкивелла.

— ...Итак, дамы и господа, я очень счастлива провозгласить первый... пер-

вый фестиваль родника острова Порт-карроу открытым!

Он сел под звуки аплодисментов, а мисс Кост встала в заученную позу у водопада. Из-за ее спины был виден Уолли. Перед ней стоял микрофон, однако она им постоянно пренебрегала. Когда она говорила в микрофон, громкоговорители яростно наполняли звуком ее голоса сгустившийся перед грозой воздух. Когда отворачивалась, превращалась в безголосую марионетку.

— ...Как-то погожим днем... маленький мальчик... Мудрость древних... бурлящие воды... — Она определенно достигла кульминационного момента, но зрители этого не услышали, и лишь ее последние слова были подхвачены громкоговорителями: «Не стало».

Это одиноко раскатилось по склону. «Не стало... Не стало». Мисс Кост по-

клонилась, вымученно улыбнулась. Она сказала что-то еще мимо микрофона и, лукаво поглядывая на публику, обернулась назад, но Уолли там уже не было. Его обнаружили в последних рядах хора, сидящим на мокрой земле.

Мисс Кост вытащила его за руку. Сзади халат Уолли был залепан грязью.

Поначалу Уолли растерялся и ему пришлось все время подсказывать, что и делала мисс Кост, причем прямо в микрофон. Ко второму куплету не выдержал мэр, и его голос тоже был подхвачен громкоговорителями.

— Подожди сюда, — гремело в воздухе. — Сюда, глупый парнишка. — Мэр быстро понял свою ошибку и поспешно ретировался.

— О, господи! — воскликнула мисс Кост и отшатнулась от микрофона.

— Наконец-то до нее дошло, — гром-

ко прокомментировал майор и захрюкал, давась смехом. Мисс Кост метнула в него взбешенный взгляд.

— Ты не бойся, молвит Дама, — продолжал тем временем Уолли.

Вскоре он замолчал и отошел в сторону.

Обрадованные слушатели разразились длительными овациями.

Мисс Эмили даже не шелохнулась.

Запел хор, поддерживаемый мычанием оркестра. Пойманный Уолли присел на корточки у водопада и сунул руки под струю.

Из-за валуна над родником появилась дородная девица, закутанная в зеленую марлю. Ее голову, обрамленную белокурыми кудряшками, венчала звезда из фольги. С левой руки свисала длинная нить блестящих бус, символизирующих Воду. Она воздела к небу правую руку. Как назло в это время грянул раскат грома. Солнце закрыли тучи.

Уолли посмотрел на появившуюся «фею», пронзительно вскрикнул, указывая на нее пальцем, и безудержно расхохотался.

— Так свершилось заклинание, так ребенок исцелился, — пел хор.

Зеленая Дама сгубала и распрямляла левую руку. Грянул гром, и она от испуга уронила бусы, которые зацепились за выступ скалы и повисли над родником. Участники хора, не переставая петь, окружили кольцом родник и, опустившись на колени, простерли руки к Зеленой Даме. Мисс Кост потащила Уолли наверх. Представление было окончено.

Еще не умолкли аплодисменты, как к микрофону подошла мисс Эмили.

— Мистер мэр, — начала она, — дамы и господа. Я хочу выразить протест...

Майор Барримор, чертыхаясь, вскочил с места. Но в этот самый момент блеснула ослепительная молния, сопровождаемая оглушительным раскатом грома, потоками внезапного ливня и безудержным хохотом доктора Мэйна.

2

Началась паника. Люди толпами устремились вниз. Катер был переполнен, шлюпок не хватало. Те, кто помоложе, пошли вброд. Мисс Кост, окруженная промокшими и перепуганными участниками представления, визжала: «Правосудие свершилось!» Скоро она осталась одна. Ядовито-зеленый вельветовый корсаж полинял на блузу. С рукавов сбегали бурные потоки. Волосы прилипли к лицу, точно водоросли. Листки со стихами валялись в грязи.

Мисс Эмили, раскрыв над головой зонт, в упор смотрела из-под него на спутника мистера Кумба. Миссис Барримор, сказав ей что-то, с легкостью гонимой бросилась бежать по дорожке к гостинице. Майор Барримор и доктор Мэйн, который все никак не мог унять свой смех, устремились за ней. У выхода из ограждения их поджидала мисс Кост.

Это была безобразная сцена. Мисс Кост вплотную приблизила к мужчинам свое мокрое лицо, ее нижняя челюсть дрожала, точно в лихорадке. Она переводила взгляд с одного на другого.

— Вы, оба... животные! — с трудом переводя дух, произнесла она. — Ну, погодите! Вам это дорого обойдется!

— Мисс Кост, — сказал доктор Мэйн, — вам нужно идти домой. Вы возбуждены, и я боюсь, что...

— Вам надо бояться. Всем вам. Помните мои слова.

Мисс Эмили, точно статуя, застыла под своим зонтом. Мисс Кост, скользя по грязи, направилась прямо к ней.

— Мерзавка, мерзавка, — бормотала она. — Ты понесешь кару.

— Бедняжка, вы... — начала было мисс Эмили, но мисс Кост кинулась бежать прочь.

К мисс Эмили подошел спутник Кумба.

— Добрый вечер, — приветствовал он ее. — Что, пошла?

По дороге они обменялись всего несколькими фразами. Дождь яростно барабанил по куполу зонта мисс Эмили, рев моря сливался с шумом сбегавших со склона потоков. Пахло свежей землей и травами.

Портье с любопытством посмотрел на вошедшую пару. Мисс Эмили достала из рюкзака ключ.

— Предпочитаю носить его с собой, — громко заявила она. — Поднимемся ко мне? — спросила она Аллейна.

Она усадила его в гостиную, наказав включить отопление и обогреться, сама пошла в спальню сменить мокрое платье.

Аллейн огляделся. Пластмассовая фигурка Зеленой Дамы с ярлыком на голове стояла на виду в застекленном шкафу.

— Коньяк и содовая в маленьком шкафчике, — крикнула из спальни мисс Эмили. — Налейте себе, прошу вас, и мне тоже. Чистого. — Голос у нее был веселый.

Аллейн налил по двойному бренди.

Появилась мисс Эмили, бодрая и довольная собой. Она села в кресло и как ни в чем не бывало взяла у него стакан.

— Когда вы выехали и как ваша дорогая Трой?

— В семь утра, а моя дорогая Трой рвет и мечет от ярости.

— Не может быть. — Мисс Эмили наклонилась и похлопала его по руке. — Вы зря приехали, мой друг. Я еще в состоянии за себя постоять.

— Что вы собирались сказать этому сборищу людей перед тем, как разразился ливень? А в общем, можете не говорить. Я и так знаю. По-моему, вы, мисс Эмили, не в своем уме.

— Наоборот, смею уже уверить. Зачем вы приехали, Родерик? Как видите, со мной все в порядке.

— Можно мне взять этот предмет? — спросил Аллейн, указывая на фигурку Зеленой Дамы.

— Ради бога.

— Вы не знаете, до нее, кроме вас, кто-нибудь дотрагивался?

— Полагаю, что никто. Разумеется, кроме преступника.

Он осторожно завернул фигурку и положил в карман.

— А теперь послушайте меня. — Он встал и подошел к ней. — Тут не до шуток. Вас могли серьезно ранить камнем. Проволочная ловушка наверняка бы обернулась бедой. Итак, угрозы постепенно осуществляются. Кумб сказал, будто вы подозреваете мисс Кост. Какие у вас на то основания?

— Я узнала ее по голосу. Потом этот разговор в ее магазине.

— Значит, вы думаете, мисс Кост, не смотря на начавшийся у нее приступ астмы, кралась за вами до лестницы, а потом влезла на гору и швыряла в вас камнями?

— Нет, — спокойно ответила мисс Эмили. — Я думаю, камнями кидал этот несчастный ребенок. Я встретила с ним у магазина, а потом уже возле гостиницы. Не сомневаюсь в том, что это сделал он, возможно, по наущению отца, которого в свою очередь настроила против меня эта дура Кост.

— Ясно. А теперь я хочу, чтоб вы торжественно поклялись мне, что ни при каких условиях из своего номера сегодня вечером не выйдете. Обед и завтрак вам подадут сюда. В десять утра я заеду за вами и отвезу вас в Лондон или, если хотите, посажу на поезд. Это единственное разумное решение, мисс Эмили. И вы ему последуете. В противном случае я буду вынужден заключить вас под стражу, и уж тогда, обещаю вам, ваш пил охладится.

— Меня, вашу старую наставницу? — Глаза мисс Эмили наполнились слезами обиды.

— Да, вас. — Он наклонился и впервые в жизни осмелился ее поцеловать. — Мою старую наставницу. Я приставлю к вам здоровенную тетку в полицейской форме, а если и это не поможет, закрою вас, мисс Эмили, на замок.

— Ну что ж, уговорили. Вы где остановились?

— Меня приютил Кумб. Все гостини-

цы переполнены. Ну, мне пора. Уже семь.

— Может, пообедаем со мной?

— Я... пожалуй... Что ж, с удовольствием. Большое спасибо.

3

Он ушел от мисс Эмили в девять.

Она согласилась уехать 11-часовым поездом из Данлоумена. Они условились, что Аллейн закажет ей по телефону билет и ответит на станцию. Он проследил, чтобы она заперла за ним дверь. Пожелал ей спокойной ночи и сбегал вниз по ступенькам, теперь уже дивясь себе, что мог поднять панику из-за какой-то ерунды.

Майор Барримор, от которого за версту разило виски, сидел за конторкой с сигарой в зубах и бегло просматривал номер спортивного приложения «Скачки». Аллейн подошел к нему.

— Майор Барримор? Мисс Прайд велела передать вам, что уезжает в десять утра. Она просила, чтобы к восьми ей в номер подали кофе и тосты.

— Наконец-то, черт побери! — хрипло воскликнул майор, но тут же взял себя в руки. — Виноват. Я вас понял. Передам.

— Боюсь, даме у нас не слишком понравилось, — заплетаясь языком прокомментировал майор.

— Вы думаете?

— Д-да. Но если с ней и обошлись... Его покачивало, и он уперся грудью в стол. — Надеюсь, она не составила о нас дурного впечатления. Я, правда, не знаю, с кем имею честь говорить. Вы, значит, в более выгодном положении.

— Офицер полиции, старший инспектор Аллейн, отдел уголовного розыска. — Батюшки! Так она обратилась в Ярл!

— Нет. Я давнишний друг мисс Прайд. И приехал сюда не по долгу службы.

— Ну и дела! — Майор Барримор изо всех сил пытался сфокусировать взгляд на Аллейне. — Вы, старина, не простой полицейский. Дудки. У меня глаз наметанный, уж будь спокоен.

Из старого корпуса в холл вошли Патрик и Дженни.

— Сперва я, наверно, поднимусь и взгляну, что делает мисс Прайд, — сказала Дженни своему спутнику.

— С ней все спокойно, — громко заявил майор. — Она теперь под крылышком у полиции. Спросите у этого типа. По-авольте представьте вам мисс Дженни Уильямс и моего пасынка. Старший инспектор... Виноват, забыл вашу фамилию, сэр.

— Аллейн.

Молодые люди переглянулись. — Могу подежурить, если вы хотите на боковую, — предложил Патрик.

— Что ты хочешь этим сказать? Я... будь спокоен.

— Мисс Прайд, когда я от нее уходил, собиралась принять ванну и лечь спать, — сказал Аллейн Дженни.

— Она уматывает. Утром, — пояснил майор и расхохотался.

— Уезжает?! — в один голос воскликнули Патрик и Дженни.

— Да, — подтвердил Аллейн. — И по моему, это благоразумный поступок. — Он повернулся к майору Барримору. — Спокойной ночи, сэр.

— Спокойной, — буркнул тот и добавил: — Если это вы ее уговорили, то, черт побери, вы нам здорово услужили... Может, спрыснем это дело?

— Большое спасибо, но мне пора. Спокойной ночи.

Они втроем вышли на улицу. Небо прояснилось, появились звезды. Воздух был чистый и свежий.

У скамейки, разделяющей лестницу на два пролета, Аллейн замедлил шаг и скользнул взглядом вдоль окутанного мраком склона горы.

— Да, — кивнула Дженни. — Она сидела вот здесь.

— Вы прибыли прямо на место происшествия, так ведь? Мисс Эмили говорит, вы оказали ей неоценимую помощь. Опишите мне в точности, что произошло?

Дженни рассказала все по порядку. Как она услышала крик мисс Эмили и этот пронзительный смех...

— Пронзительный смех?

— Ну, даже скорей не смех, а будто вскрикнула чайка.

— Похожий на крик Уолли Триэрна?

— А вы откуда знаете?

— Сегодня днем, когда появилась эта пошлая зеленая девица, он издал какой-то странный крик.

Уже в шлюпке Дженни высказала предположение, что Аллейн, должно быть, очень волнуется за мисс Прайд.

— Еще бы. Мало приятного, когда твою любимую старую приятельницу превращают в мишень.

— Но ведь она сама превратила себя, как вы выразились, в мишень, — невольно вырвалось у Патрика. — Сидела под зонтиком на своем троне и предупреждала паломников. Говорила им: «Вы, конечно, хотите выздороветь, но не обманывайте себя несбыточными надеждами».

Шлюпка скользнула в черную тень и мягко ударилась о сваи мола.

— Очень признателен вам обоим, — сказал Аллейн. — Спокойной ночи.

Идя по молу, он слышал плеск весел и приглушенные голоса Патрика и Дженни.

4

Аллейн проснулся в семь. За окном лило, как из ведра. Он принял ванну и пошел на кухню, откуда доносился восхитительный аромат жареного бекона.

К концу завтрака дождь перестал. Аллейн позвонил жене и предупредил, что придет к обеду. Заснул в машину своей чемодан и, поскольку ехать за мисс Эмили было еще рано, решил воспользоваться отливом и пройти на остров. Ему хотелось еще раз побывать возле родника. Кумб собирался порыбачить с мола. Аллейн подвез его и оставил возле него машину. С мисс Эмили им уже придется плыть по воде.

Ступив на остров, он услышал колокольный звон, сзывающий к девятичасовой службе.

Весь «путь Уолли» был закидан обертками от мороженого, коробками от сигарет, пустыми бутылками. «Интересно, кому все это убирать?» — подумал Аллейн.

На выступе над родником валялся раскритый черный зонт.

Он ощутил толчок одновременно в сердце и в голову. Тут же в заводи вздувалось и колебалось что-то черное, подхваченное потоком воды.

Колокольный звон прекратился, высоко в поднебесье завел свою громкую песню жаворонок.

Автомат был накрыт провололочной клетью, замок уже был открыт. У Ал-

лейна не оказалось ни единого жетона.

Первой мыслью было обрушиться на автомат с булыжником или же всем телом навалиться на решетчатые крылья шлагбаума. Он обратил внимание на листок, прикрепленный к сетке. «Уведомление», — было написано сверху, а внизу стояла подпись: «Эмили Прайд». Автомат щелкнул, и он бросился к роднику.

Она лежала в заводи лицом вниз, почти под самым водопадом. Ее растрепанные волосы шевелились в струях бегущей воды. Глубокая рана на затылке уже перестала кровоточить.

Еще не переворачивая тело на спину, Аллейн знал, чье лицо он увидит.

Лицо Элспет Кост.

Занятия отпусканика

1

Убедившись в том, что ничего сделать уже невозможно, Аллейн выбежал на открытое место. Кумб в одной рубашке и с трубкой в зубах ловил с мола рыбу. Аллейн, энергично жестикулируя, пояснил, что ждет его возле отеля. Увидев, как Аллейн припустил по дорожке, Кумб одним махом одолел насыпь и, тяжело дыша, взбежал по ступенькам. Аллейн рассказал ему, в чем дело, и Кумб чертыхнулся.

— Возьму в отеле эти проклятые жетоны, — сказал Аллейн. — И заодно предупреджу мисс Прайд. Кто ваш врач?

— Мэйн.

— Хорошо.

У конторки никого не оказалось. Он пошарил в ящиках и набрал с полдюжины жетонов, потом, изучив распределительный щиток, соединился с комнатой мисс Эмили.

— Мисс Эмили? Родерик. Мне ужасно жаль, но новые обстоятельства требуют моего присутствия здесь. Да, дело серьезное. Вас не слишком огорчит, если мы отложим ваш отъезд? Поднимусь к вам позже и все объясню.

Он только успел выйти из-за стола, как появился портье, на ходу вытирая рот.

— Не могли бы вы срочно соединить меня с доктором Мэйном? — спросил Аллейн. — Случилось несчастье.

Портье, справившись в списке, стал набирать номер.

Ожидая, пока снимут трубку, Аллейн увидел на стеллаже для писем такой же точно листок, какой был прикреплен к провололочной сетке. «Уведомление» и подпись: «Эмили Прайд», он начал читать его, но в это время ответили на другом конце провода.

— Доктор Мэйн? Это из полиции. По поручению старшего инспектора Кумба старший инспектор Аллейн. У родника случилось серьезное происшествие. Не смогли бы вы срочно туда подъехать? — Сейчас буду.

Он повесил трубку. Портье сгорал от любопытства. Аллейн положил на стол десятилинговый банкнот.

— Вы можете хранить тайну? — спросил он. — Я не хочу, чтобы собралась толпа.

Он пододвинул банкнот и вышел.

Кумб у турникета ждал его.

Аллейн вытирал тело из воды и постарался замаскировать верхнюю часть раскрытым зонтом.

— Черт побери, когда я увидел этот зонтик, я решил, что мог ошибиться и это другая старушка, — сказал Кумб.

— Знаю.

— Давно, как вы думаете?

— Наверное, около часа тому назад. Посмотрим, что скажет доктор. Он уже в дороге.

— Вы только подумайте. Ее ударили по голове, она упала в заводу и захлебнулась. Так было дело?

— Похоже, что да, — кивнул Аллейн.

— Обратите внимание вот на это.

Аллейн отвернул складку мокрой юбки, обнажая правую руку мисс Кост, побелевшую и морщинистую. В ней была крепко зажата нитка блестящих бус.

— Я помню, вчерашняя девушка уронила бусы сверху. Они повисли вот на этом выступе, у самой воды. В суматохе про них никто не вспомнил.

— И она пришла специально за ними?

— Не исключено, а? Ее сумочка лежит на выступе.

Кумб открыл сумку.

— Молитвенник и кошелек.

— В котором часу начинается первая служба?

— Должно быть, в семь.

— Есть еще в девять. Она либо собиралась в церковь, либо шла оттуда. Если она спешила к первой, это случилось еще до семи. А, может, и после восьми, если она уже побывала на службе или же торопилась на девятичасовую. Дождь перестал примерно в восемь тридцать. Давайте обследуем зонт.

На его мокрой поверхности зияла рваная дыра.

— В заводу я обнаружил камень, — сказал Аллейн. — Вон он, на выступе. Похоже, камень пролежал в воде недолго. Думаю, он и есть орудие преступления. — Аллейн принес его и положил рядом с телом. — Остальные следы смыты дождем.

Послышались шаги и звяканье металла. Они обернулись и увидели проходящего через турникет доктора Мэйна. Кумб пошел ему навстречу.

— Что тут стряслось? — спросил Мэйн. — Доброе утро, Кумб.

— Сами увидите, доктор. Кстати, обнаружил тело мистера Аллейна. Вы с ним знакомы?

— Да, да, — с озабоченным видом кивнул доктор Мэйн.

— Я здесь просто в гостях, — пояснил Аллейн. — Дело ведет Кумб.

— Вы будто из-под шляпы появились, — сострил доктор Мэйн и посмотрел в сторону родника. — Боже мой! Все-таки это случилось!

Кумб с Аллейном молча переглянулись. Кумб быстро наклонился и убрал зонт. Доктор Мэйн застыл, точно громом пораженный. — Кост! Старушка Кост! Не может быть!!

— Может быть, доктор.

Доктор Мэйн переворнул нагнувшееся тело на спину и посмотрел на Аллейна.

— Где она лежала?

— Лицом вниз, в воде. Я вытащил ее, надеясь, что еще есть шанс, но все уже было кончено.

— Орудие нашли?

— Мне кажется, да, — ответил Аллейн и подал камень. Это был острый обломок скалы неправильной формы величиной с небольшой ананас.

— Подходит, — согласился доктор Мэйн.

— И каково заключение? — поинтересовался Кумб.

— Разумеется, состоится вскрытие. Пока поверхностное заключение: захлебнулась в бессознательном состоянии.

— И когда по вашему мнению это произошло? — допытывался Кумб.

— Опять-таки с окончательным ответом вам придется подождать. По-моему, не меньше часа тому назад. А может, и гораздо раньше.

Он встал и вытер руки носовым платком.

— А вы знаете, ведь я ее видел. Я видел ее примерно около семи. Возле церкви с миссис Кастерс. Она пришла к ранней службе. Я принимал на островах роды и как раз проходил по берегу. Господи, да ведь я же ее видел!

— Значит, сюда она могла попасть самое раннее в восемь, не так ли? — предположил Кумб.

— Скорей всего, да. Если не позже.

— А мистер Аллейн обнаружил труп в девять. Доктор, вы никого не заметили? У коттеджей или на берегу?

— Ни души. Дождь лил как из ведра. Постойте-ка. — Он повернулся к Аллейну. — У меня есть катер и свой причал. Как раз напротив него другой причал, тот, что возле коттеджей. Я к нему и причалил. Приняв роды, я вернулся тем же путем, так вот, когда я заводил мотор, заметил этого чудо-мальчугана, Уолли Триэрна. Он бежал какими-то странными кругами по дороге в сторону родника.

— В котором часу это было, доктор?

— Ребенок родился в семь тридцать. Буквально через несколько минут.

— Понятно. Благодарю вас. Имеете какие-нибудь соображения относительно того, как произошло убийство?

— Поскольку орудием явился этот кусок скалы, мне кажется он был брошен сверху, — предложил Мэйн. — Минуточку.

Он стал карабкаться выше уступа. Кумб последовал за ним.

Аллейн с трудом себя сдерживал. Дело вел Кумб, уговаривал он себя, он же оказался здесь лишь волей случая. Он молча глядел на двух мужчин, которые сквозь заросли папоротника пробирались к вершинке.

— Здесь полно камней, — заметил доктор Мэйн. — И... Но это уже из вашей области, Кумб.

Кумб подошел к нему.

— Вот откуда этот камень, — сказал Мэйн. — Его оттолкнули от валуна.

— Есть какие-нибудь следы? — спросил снизу Аллейн.

— Да тут так намесили... Когда пошел дождь, сюда хлынули целые толпы. Жаль.

— Да, жаль, — согласился Аллейн.

Мужчины спустились вниз.

— Итак, санитарная машина прибудет с минуты на минуту, — сказала Мэйн. — Труп придется переносить на руках. Как уровень воды? — Он вышел за ограду и посмотрел в сторону моря.

— Полагаю, вам потребуются мои показания, не так ли? — сказал Аллейн Кумбу.

Кумб почесал подбородок.

— Какая глупость, а? Да, вероятно потребуются. — Он отвел глаза в сторону. — Послушайте, во всем этом деле пока ясно лишь одно: на месте преступления первым оказался человек из Ярда с блестящей репутацией и, можно сказать, начал расследование. С какого боку тут ни верти, я был бы последним иди-

отом, если бы просто поблагодарил вас и прибрал все к своим рукам.

— Вздор. И не думайте об этом. Дорогой мой, я ведь нахожусь, смешно сказать, в отпуске. Ради бога, запишите мои показания и отпустите меня с богом. Я перевезу мисс Прайд и освобожу для вас поле деятельности. Вы со всем прекрасно справитесь.

— Вы хотите увезти мисс Прайд? А если она, скажем, и есть центральная фигура? Представьте себе, я прячусь за этим валуном и вижу, что внизу кто-то есть. Мне виден лишь краешек раскрытого зонтика да пара дамских ботинок, одним словом, то, что я и ожидал увидеть. И кто, думаю я, под этим зонтом? Только не мисс Элспет Кост, — воскликнул Кумб с выражением мрачного торжества. — Ага, вот тебя-то я как раз и жду! Так получай же! Но только попал-то я не в ту птичку. Я попал...

— Понял, понял, — перебил его Аллейн. — И вы говорите: досадная ошибка.

2

Вместе с санитарями приехал Пандер, и мисс Кост во второй раз в течение суток приняла участие в процессии, державшей путь по маршруту Уолли.

Аллейн с Кумбом остались, чтобы еще раз обследовать местность. У Кумба в кармане была рулетка, и они, произведя приблизительные измерения, решили в случае дождя накрыть весь участок брезентом.

Когда они вышли за ворота, Аллейн обратил внимание Кумба на объявление, надежно прикрепленное к провололочной сетке.

— Видели?

Оно было отпечатано лондонской фирмой.

УВЕДОМЛЕНИЕ

Доводим до вашего сведения, что владельцы этих мест не имеют никакого отношения ко всяческим заявлениям, касающимся целебных свойств родника. Далее она уведомляет, что ограждение будет снято, а также прекращено рекламирование вышеуказанных свойств. Владениям будет по возможности возвращен их прежний вид, а также будут приняты меры для поддержания дальнейшего порядка.

Эмили Прайд.

— Черт возьми, а это когда успели повесить? — воскликнул Кумб. — Вчера его еще не было. Сплошные сюрпризы.

— Может, сегодня утром? Бумажка насквозь промокла и даже в грязи. Будто ее валяли в луже. Взгляните. Следы перчаток. И ни одного отпечатка пальцев.

— Может, она ее уронила?

— Может быть, — согласился Аллейн. — Другую я видел в отеле на стеллаже для писем. Она тоже появилась там уже сегодня утром.

— Так вот значит как было дело! — воскликнул Кумб. — Мисс Прайд шла по дорожке. Кто-то заметил ее, забрался по тропке Уолли наверх и притаился за валуном. Она повесила свое уведомление и вернулась в отель. Мисс Кост приходит туда другой дорогой, проходит через турникет, берет свои бусы и отправляется на тот свет вместо нашей старушки.

— Вы думаете? — пробормотал Аллейн, скорей обращаясь к самому себе. — Она пообещала мне никуда не выходить из гостиной. Придется мне побе-

содовать с мисс Эмили. — Он посмотрел на Кумба. — Уж слишком все получается мудро. Если ваша теория верна, а на первый взгляд она выглядит вполне надежной, то тогда придется признать, что швырял камни, ставил ловушку, писал письма, угрожал по телефону и подсунил Зеленую Даму в номер мисс Эмили один и тот же человек. Он же и есть убийца мисс Кост.

— Похоже, что так. Я понимаю, теория — вещь ненадежная. Но если мы не найдем никаких опровержений...

— А они у вас будут, — не дал досказать ему Аллейн. — Как вы помните, мисс Прайд убеждена, что по телефону ей угрожала мисс Кост.

Подумав, Кумб ответил, что мисс Прайд могла и обмануться.

— Она в этом деле знаток, — возразил Аллейн. — Потребуется мне эксперт по фонетике, я бы охотно взял ее в консультанты.

— Итак, мисс Прайд считает, будто все угрозы исходили от мисс Кост? И куда нас это ведет?

— Лично меня это ведет прямехонько к Уолли Триэрну и его папаше.

— Что ж, в этом есть смысл. Если Уолли наускивали на мисс Прайд, то как раз он скорей всего мог перепутать и бросить камень в раскрытый зонт мисс Кост.

— А Уолли мог поставить ловушку? Ведь вы сказали, что она сделана искусно.

— Это мог сделать его папаша.

— Резонно. А кто придумал этуловочную клятву с висящим замком?

— Это все она. Воевала с любовными парочками. Осыпала нас жалобами и требовала, чтобы мы приняли меры. Замок мы повесили, чтобы хоть немного ее успокоить.

— И его никогда не запирали?

— Предполагалось, что кто-нибудь из гостиницы будет запирать его в восемь вечера и отпирать в восемь утра. Однако летними вечерами здесь любят прогуливаться приезжие. Так что замок запирали отнюдь не всегда.

— А теперь мы его запрем, — сказал Аллейн, беря в руки замок. Он висел на короткой цепи, и просунуть руку в щель и опустить жетон было невозможно.

На обратном пути они составили план действий на целый день. Было решено, что Кумб позвонит из участка в Ярд, а Аллейн тем временем начнет расследование в гостинице. Уже было половина одиннадцатого.

Они обогнули первый отрог и поравнялись со скалой, нависающей над тропинкой, когда Аллейн вдруг остановился, подошел к краю тропинки и что-то поднял с земли.

— Подите сюда, — подозвал он Кумба. — Здесь как бы образовался навес. Взгляните.

Следы подошв прекрасно отпечатались на рыхлой сухой земле.

— Хорошие, добротные ботинки, — отметил Аллейн. — Мне кажется, их владелец был здесь не так уж и давно. Стоял и ждал. А вот, Кумб, и подарок для прилежного сыщика — пепел от его сигары и еще кое-что. — Он разжал кулак. На ладони лежало ярко-красное бумажное колечко от сигары. — Такие курит майор. И, вероятно, торгует ими. Пошли.

Переступив порог гостиницы, Аллейн моментально понял, что о происшествии

уже известно всем. В вестибюле толпились ашволнованные люди. Портье, увидев Аллейна, поспешил к нему навстречу.

— Мне очень жаль, сэр, но я тут ни при чем. Я держал рот на замке. Но кто-то видел санитарную машину и как выносили носилки, а при них был сержант Пендер, сэр, так что...

Аллейн кивнул.

— А где майор?

— Где-то в старом крыле, сэр. Здесь еще не показывался.

Аллейн постучал в дверь бывшего бара-гостиной.

— А, это вы, сэр. Доброе утро, — приветствовал его с порога Патрик. — Случилось что-то неприятное, да?

— Да. Очень неприятное. Могу я видеть вашего отчима?

— Ммм... разумеется. Проходите, пожалуйста.

Все были в сборе: миссис Барримор, Джени Уильямс и майор, который выглядел хуже некуда, но старался напустить на себя бравый вид. Он спросил у Аллейна, чем может быть полезен.

Аллейн в нескольких словах рассказал о случившемся. Маргарет Барримор стала бледней стеной. Джени и Патрик одновременно воскликнули: «Мисс Кост! Не может быть!»

Майор недоверчиво переспросил:

— Говорите, ранена в затылок и в результате этого захлебнулась? А чем ранена?

— Мы полагаем, обломком скалы. Сверху.

— Вы хотите сказать, что произошел несчастный случай? Что обломок смыло потоком дождя?

— Не похоже.

— Мистер Аллейн считает, что ее убили, Кейт, — сказала его жена. Она впервые за все время подала голос.

— Черт знает что! Убили! Старуху Кост! Чего ради?

— По заведенному порядку я обязан потребовать у вас отчета относительно того, где вы были между половиной седьмого и девятью утра. — Аллейн оглядел присутствующих. — Вы, конечно, понимаете, что это...

— Всего-навсего обычная процедура, — подхватил Патрик. — Конечно же, мы понимаем.

Как выяснилось, миссис Барримор, Джени и Патрик, встав около восьми, по очереди приняли ванну. Миссис Барримор завтракала одна в старой кухне. Джени завтракала в общей столовой примерно в девять часов. Патрик несколькими минутами позже. После завтрака они занялись разгадыванием кроссворда. Майор Барримор, по его словам, спал до половины девятого. Потом выпил две чашки кофе и пока еще не завтракал.

Конечно, все это требовало проверки, но в настоящий момент были дела поважней. Аллейн попросил майора вывесить объявление, что родник временно закрыт.

Тот сразу же заартачился. Неужели Аллейн не понимает, бушевал он, что сюда съехались люди со всей страны, даже из-за границы, причем ради одной целебной воды?

Аллейн сказал, что по всей вероятности через два дня родник уже будет открыт.

— Два дня, мой дорогой, два дня! Да вы не отдадите отчета своим словам! К тому же у меня нет доказательств, что

вы обладаете соответствующими полномочиями, а просто приказам я подчиняться отказываюсь. Притом категорически.

— Меня уполномочил Скотленд-Ярд, так что вам, к сожалению, придется подчиниться. Одно из двух: либо вы пишете это объявление и немедленно его вывешиваете, либо я вынужден буду вывесить извещение от имени полиции.

— Кейт, прошу тебя, — вмешалась миссис Барримор.

— Когда мне потребуются твои советы, Маргарет, я сам об этом попрошу.

Патрик с отвращением посмотрел на отчима.

— Я предлагаю, сэр, чтобы мама и Джени вышли из этой комнаты, — обратился он к Аллейну.

Миссис Барримор немедленно встала.

— Минутку, постояте, — возразил майор. — Ну, ладно, ладно. Пусть будет по-вашему. — Он повернулся к жене. — У тебя, Маргарет, вроде бы мозги в таких делах хорошо варят. Повесть объявление, только вежливое. Скажи, что ввиду непредвиденных обстоятельств. В общем, не знаю. Пиши, что хочешь.

Миссис Барримор и Джени вышли.

Патрик был бледней стеной.

— Мне кажется, мы должны оказать мистру Аллейну посильную помощь. Ведь рано или поздно все так или иначе всплывет наружу. И всякие отсрочки принесут нам только вред, — сказал он.

— Превосходно! — с ехидной усмешкой воскликнул майор Барримор. — Выходит, мне дают предписания, как себя вести, не так ли? — Он вдруг закрыл лицо ладонями. — Виноват. Сейчас, сейчас...

Патрик повернулся к нему спиной и подошел к окну. Майор отнял ладони. Его глаза налились кровью, выражение лица было угрюмым.

— Извините за балаган. Дело в том, что я с вечера здорово наклюкался. — Он встал и долго сморкался в платок.

— Итак, какие будут указания?

— Пока никаких. Был бы вам очень признателен, если бы вы смогли убедить своих гостей не собираться возле ограждения и не ходить по дорожке. А теперь прошу меня извинить... — Аллейн встал.

— Все понял. Поговорю с массами... И чем скорее, тем лучше. — Он положил руку Аллейну на плечо. — Извините меня, старина. Надеюсь, вы все поняли.

Он бросил косой взгляд в сторону Патрика, вытянулся по-военному и вышел.

Аллейн взбежал по ступенькам на второй этаж.

Мисс Эмили была одета по-дорожному. Через открытую дверь Аллейн увидел ее багаж.

Он вкратце сообщил ей о случившемся. Обычно смуглые щеки Эмили стали белыми, как мел.

— Родедик, это все из-за меня, — сказала она, как только он кончил. — Я во всем виновата.

— Дорогая мисс Эмили...

— Нет, прошу вас, не надо. Будем смотреть правде в глаза. Эту глупую женщину приняли за меня. Если бы я последовала вашим советам, этого бы не произошло.

— Вы ходили утром к роднику и вывесили уведомление?

— Да. Как вы помните, вчера я пообещала вам не выходить из своего номера

весь вечер, даже позавтракать здесь. Вот я вас и перехитрила.

Несмотря на раскаяние, овладевшее мисс Эмили, Аллейн уловил лукавство в ее искоса брошенном взгляде.

— Я пошла вывесить свой манифест, потом вернулась и мне подали завтрак в номер.

— В котором часу вы вышли?

— В половине восьмого.

— Дождь шел?

— Лил как из ведра.

— Вы кого-нибудь встретили по дороге? Или, может, видели поблизости?

— Никого не встретила. Только видела этого несчастного ребенка, Уолтера Триэрна. Он бежал по той дорожке, которая ведет к роднику от коттеджей. Он уже был на полдороге к роднику.

— Он вас видел?

— Видел. Крикнул какую-то тарабарщину, издал вопль и замахаля руками.

— Он видел, как вы уходили?

— Думаю, что нет. Прикрепив свой манифест, я огляделась по сторонам, но его уже нигде не было видно. Возможно, он нарочно спрятался.

— Мисс Кост вы, конечно, не видели?

— Нет!

— А ее зонтик не валялся на выступе над заводью?

— Нет. Там никого и ничего не было.

— Возле родника вы были примерно в семь сорок, не так ли?

— Да. Потому что без пяти восемь я уже входила в гостиницу.

— Вы не роняли свой манифест в грязь?

— Конечно, нет. С чего бы вдруг?

— Ладно. Мисс Эмили, прошу вас, попытайтесь вспомнить, не видели ли вы кого-нибудь по ту сторону насыпи или где-нибудь еще? Скажем, на молу или возле коттеджей?

— Никого нигде не было.

— А когда вы возвращались?

— Дождь хлестал мне прямо в лицо, и поэтому пришлось низко наклонить зонтик.

— Ясно.

Оба замолчали. Аллейн подошел к окну, выходящему в небольшой сад. Он обратил внимание, что туда из старого крыла вышла миссис Барримор. На плече у нее была корзина, а в руках секатор. Она склонилась над клумбой астр и стала срезать цветы, но ее движения были такими резкими и неловкими, что срезанные цветы падали на землю. Она попыталась собрать их, но тут же уронила корзину и секатор. Закрыв лицо ладонями, миссис Барримор присела на корточки и замерла в таком положении. Потом резко встала и заметалась по саду, точно это был тюремный двор. Она выкручивала на ходу пальцы, как будто пыталась сдернуть ненавистные кольца.

Вдруг миссис Барримор подняла голову, и Аллейн отпрянул от окна.

Она быстро нарезала целую корзину цветов и ушла в дом.

— А миссис Барримор дружила с мисс Кост? — спросил Аллейн.

— Нет, по-моему, они друг друга ненавидели. Я хочу сказать, Кост. Думаю, к миссис Барримор это не относится. Кост была злобной женщиной. — Она пристально посмотрела на Аллейна. — Так что вы мне прикажете делать, Родерик? Я должна остаться здесь?

— Мне трудно принять какое-либо решение, — признался Аллейн. — Если вы

уедете в Лондон, боюсь, мне придется держать с вами связь и приставать с расспросами или даже вызвать вас сюда. Ведь предстоит дознание, на котором может потребоваться ваше присутствие.

— Он помолчал. — Мисс Эмили, а что если Уолли Триэрн, разминувшись с вами всего на несколько секунд, вошел за ограждение, спрятался за валуном и, увидев мисс Кост, которая, как и вы, была под зонтом, швырнул в нее обломком скалы, приняв ее за вас?

— Как он прошел через турникет?

— Ну, у него могли быть жетоны.

— И что с ним сделают?

— Ничего страшного. Направят в исправительную колонию.

Она ходила из угла в угол.

— Но мне больше ничего не известно.

— Думаю, вам придется принять участие в дознании. В настоящий момент мы пойдем на компромисс. Мне сказали, что где-то в окрестностях Данлоумена есть в горах вполне приличный отель. Согласны туда переехать, если мне удастся заказать комнату?

— Пусть будет по-вашему.

Аллейн не помнил, чтобы она когда-нибудь была такой сговорчивой.

— Я позвоню в этот отель и, если удастся, Трой.

— Послушайся я вашего совета и останься, этого бы не случилось.

— А вот это уже никому не нужна софистика, — сказал Аллейн, роясь в телефонном справочнике. — Я удивляюсь вам, мисс Эмили. — Он связался с отелем «Майнор парк». На следующий день в пять вечера там освобождался приличный номер, который он и попросил оставить.

— А сегодня куда не выходите.

— Но я уже сдала свою комнату.

— Надеюсь, с этим затруднений не будет.

Он видел, что мисс Эмили едва сдерживает слезы. Раздался стук в дверь, и на пороге появилась Джени.

— Входите, Дженифер, — пригласила мисс Эмили.

Джени покосилась на Аллейна.

— Мы обсуждаем, как лучше поступить мисс Эмили, — пояснил он и рассказал девушке, на чем они договорились.

— А сегодня в том отеле ее не могут поселить? — спросила Джени.

— Боюсь, что до завтра у них ничего не будет, — сказал Аллейн.

— Тогда, может, лучше уехать в Лондон? Мисс Прайд, если вы не против, я бы хотела сопровождать вас в поездке.

— Вы очень добры, милое дитя. Прошу прощения. Мне кажется, я забыла в спальне свой платочек.

Джени, вскочившая было, чтобы принести ей платок, перехватила взгляд Аллейна и села. Аллейн плотно закрыл за мисс Эмили дверь.

— Что случилось? Живо выкладывайте, — потребовал он.

— Ей нельзя выходить из комнаты. Поползли сплетни. Мерзкие, возмутительные сплетни. Она не должна об этом знать.

— Она весь день будет сидеть в номере.

— А она об этих разговорах не догадывается?

— Не знаю. Она переживает. Пошла в спальню высморкаться и немного прийти в себя. А вы не смогли бы поехать с ней в Данлоумен? Всего на несколько дней? В порядке служебного поручения?

— Конечно, смогла бы. Не в порядке поручения, а в порядке развлечения.

— Ну, ладно. Тогда как гостья. Иначе мисс Эмили не согласится.

— Уговорили. А она захочет?

— Выйдите, будто я вас за чем-то послал, и возвращайтесь через пять минут. Через несколько секунд все было устроено.

— Если Джени согласится, это... это будет очень удобно, — сказала мисс Эмили и, помолчав, добавила: — Я чувствую себя старой.

Ничего подобного он от мисс Эмили еще не слышал.

Зеленая дама

1

Сбегаю по ступенькам, Аллейн видел, как майор Барримор и портье пытаются успокоить рассерженных гостей, сдающих свои комнаты. Майору, по-видимому, стоило огромных усилий сохранять спокойный вид.

— Проклятые люди! — воскликнул майор, проводив недобрым взглядом последнего из отъезжающих. — Господи, как я презираю этих проклятых людей!

— Не сомневаюсь в этом.

— Они все разведутся! Все! Потребуют назад деньги, посудадач между собой и смонются. А потом и следующая партия тю-тю. Ну и... — Он крепко выругался. — Чем могу служить?

— Я осмелюсь попросить комнату.

— Хотя всю гостиницу занимайте. Селите весь Скотленд-Ярд. — Он осклабился. — Вас я не виню. Вы лишь выполняете свой долг. Всегда уважал полицейских. Сам хотел податься к вам после службы. А вместо этого вот... ублажаю всяких придурков.

— Не могли бы вы продать мне хорошую сигару? — как бы между прочим спросил Аллейн. — Я оставил свои дома, а трубка, как вы понимаете, не то.

— Конечно, могу. Какие вы курите?

— Лас Казас, если у вас найдется.

— Нету. Хотя... Я сам их курю, старина, и мой запас на исходе. Могу вам дать штучки три... Но только остальным ни гу-гу.

— Очень любезно с вашей стороны, но я не хотел бы вас разорять. Дайте мне одну Лас Казас и коробку вот этих сигар.

Майор встал и вышел из-за стола. Аллейн уронил на пол мелочку и нагнулся за ней. Похоже, те самые ботинки. Они были залепаны свежей грязью.

Выйдя на улицу, он сравнил бумажное кольцо от только что купленной сигары с тем, которое обнаружил возле укрытия. Они оказались идентичны.

Его уже поджидал Кумб.

— Надо как можно скорее выставить на тропинке патрули, — сказал ему Аллейн.

— Зачем?

— Помните то укрытие? — И Аллейн рассказал Кумбу о только что сделанном открытии. — Конечно, точно такие сигары может курить и кто-нибудь из приезжих. И этот человек тоже мог укрыться от дождя под скалой, но, по-моему, это маловероятно.

— Майор! Понятно.

— Может быть, к нашему делу это вовсе не относится. Правда, меня настораживает то, что майор уверяет, будто

встал поздно. Ну, пора заняться мальчишкой.

На пороге старого здания гостиницы показалась Дженни. На ней был оранжевый пляжный костюм. Казалось, от девушки исходит солнечное сияние.

Аллейн подошел к ней.

— С мисс Эмили все утряслось, — сообщила она. — С завтрашнего дня я ее компаньонка. А пока мы с Патриком собираемся искупаться.

— Прямо не знаю, что бы мы без вас делали. Право же, мне очень не хочется воздвигать преграды между вами и Английским каналом, но все-таки я вынужден просить вас еще об одном одолжении.

— Я вас слушаю.

— Я слышал, вам удается ладить с младшим Триэрном, верно?

— Поначалу он меня не признавал. Они на славу постарались его изуродовать, но я... я все равно его жалею.

Аллейн признался девушке, что хочет побеседовать с Уолли, и попросил ему в этом помочь.

— Только в том случае, если вы не станете вынуждать мальчика давать показания, которые бы ему повредили.

У витрины магазина мисс Кост толпился народ. Дверь была распахнута настежь, и внутри шла оживленная торговля.

— За прилавком ее помощница, Сисси Полок. Та, что изображала Зеленую Даму, — пояснил Кумб. — Довольно-таки бестолковая девица.

— Дружила с мисс Кост?

— Самая ее закадычная подружка. Обе прямо чокнулись на фестивале.

— А что, если мы прикомандируем к магазину Пендера? Пусть приглядывает за Сисси, — размышлял вслух Аллейн. — Он сможет понаблюдать за обстановкой, так сказать, изнутри. Итак, жду вас в притоне Уолли или как там его называют.

Они расстались у дверей магазина.

Дженни пошла берегом. Хлипкие лодки на берегу, ветхий мол и сами развалихи, лепившиеся по склону горы, — все это гармонировало между собой как нельзя лучше.

— Сейчас перед вами предстанет коттедж Уолли, — сказала Дженни, — но не такой, каким я его знала. Два года назад это было убогое и грязное жилище, от которого вонь шла за милю. Но вдруг случилось превращение, в основном благодаря усилиям мисс Кост, при содействии... ну...

— Кого? Майора Барримора?

— Не только его одного. Мэра Нэнкивелла, его советников и всех остальных жителей Порткарроу, которые, так сказать, обладают развитым чувством долга. Вот мы и пришли. Это и есть коттедж Уолли.

Он был и в самом деле здорово разукрашен. По обе стороны мощной дорожки вздымались заросли роз, ромашек, наперстянок, вокруг двери по стене висела жимолость. На заборе висели рыбацкие сети удивительной чистоты. У калитки табличка с готическим шрифтом «Коттедж Уолли. Вход 1 шиллинг. Чай с деревенскими сливками, мороженое».

— Сзади есть пристройка, — пояснила Дженни. — Чай подает соседка — миссис Триэрн себя не утруждает. Золотой список выставлен в гостиной среди прочих экспонатов.

— Золотой список?

— Исцелившихся, — пояснила Дженни.

— Зайдемте, — сказал Аллейн, вынимая деньги.

Посетитель встречал сам Триэрн. Он заискивающе улыбнулся Дженни, Аллейна же окинул взглядом, полным ненависти и страха. Уолли выглядел из-за отцовской спины. Когда Аллейн посмотрел на него, он ухмыльнулся и протянул свои руки.

— Доброе утро, мистер Триэрн, — сказала Дженни. — Вот мистер Аллейн хочет взглянуть на ваш дом. Здравствуй, Уолли.

Мальчик приблизился к Дженни.

— Вы приходите ко мне. Придите в школу. Как-нибудь на днях. — Он взял ее за руку и закивал головой.

— Ну надо же! — воскликнул Триэрн.

— Вы и раньше ходили у него в любимцах, мисс. Так ведь, Уолл?

В гостиной было три человека. Они переходили от экспоната к экспонату, прислушиваясь к разговорам, и искоса поглядывали на Дженни.

Аллейн спросил Уолли, ловит ли он когда-нибудь рыбу. Мальчишка презрительно покачал головой и заученным

жестом протянул ему свои руки. «Дрессированный зверек», — с отвращением подумал Аллейн.

Они открыли Золотой список — это было нечто вроде книги для посетителей в ресторанах, куда довольного клиента просят записать отзыв. Аллейн запомнил даты так называемых исцелений и стал осматривать остальные достопримечательности.

Туристы вышли с видом обманутых в своих надеждах увидеть чудо.

— Мистер Триэрн, я офицер полиции и меня попросили заняться расследованием по делу о насильственной смерти мисс Элспет Кост, — начал Аллейн. — Если вы не возражаете, я бы хотел задать несколько вопросов Уолли. Ничего такого, что могло бы его расстроить.

— Прямо не знаю, что вам ответить. Ведь мой парнишка здорово отличается от других детей, мистер, — сказал Триэрн. — Живет в собственном мирке и на то, что происходит вокруг него, ноль внимания. Правда, Уолл? Честно говоря, я сам не знаю, дошло ли до него то, что случилось с мисс Кост.

— Она мертвая! — вдруг заорал Уолли. — Мертвая, как камень. — И взвизгнул по-птичьи. У Триэрна отвисла челюсть.

— Бедная мисс Кост, — тихо сказала Дженни.

— Бедная мисс Кост, — гнусаво запел Уолли и по какой-то странной ассоциации вдруг начал декламировать: — Ты не бойся, молвит дама, все страданья позади.

— Ага, это те самые стихи, которые ты читал вчера, да? — сказал Аллейн и похлопал Уолли по плечу. — Эге, да ты, молодой человек, гулял под дождем. Промок, как курица. Так можно и ревматизм заработать.

Триэрн выразительно глянул на сына.

— Ты где шлеялся?

— Нигде.

Рисунки И. Огурцова.

— По лодкам, небось, лазил. Так его туда и тянет, — заискивающим тоном пояснил Триэри. — Настоящий сын рыбака, наш Уолл. Да, сынок?

— Не знаю, — буркнул Уолли.

— Пошли, покажешь мне все, — предложил Аллейн, и Уолли с готовностью повел его по залу. Трудно было сказать, насколько мальчишка отстал в развитии. Он рассказывал о каждом экспонате хоть и не гладко, но вполне вразумительно. Даже если он и заучил все это, как попугай, думал Аллейн, все равно это доказывает, что Уолли способен связать то или иное пояснение с соответствующим предметом.

— Как вы смотрите насчет чая с булочкой? — спросила через несколько минут Джени. — Уолли, хочешь мороженого?

Мальчишка тотчас же схватил Джени за руку и потащил к двери, на которой было написано «Чайная».

Здесь было безлюдно. Заказ у них приняла старуха, к которой Джени обратилась по имени.

Аллейн молча разглядывал Уолли. Тот уже успел измазаться по уши в мороженом.

— Утром дождик шел, да, Уолли?

Мальчик едва заметно кивнул.

— Ты гулял под дождем?

Уолли фыркнул и во все стороны полетели липкие брызги.

— Уолли, дружище, ешь аккуратней, — сказала Джени. — Ты бежал под дождем? У тебя ботинки в грязи.

— Ну и что? Что я, дождя испугался, что ли?

— Держу пари, кроме тебя никто не отважился разгуливать под дождем, — сказал Аллейн.

— Был кто-нибудь еще на улице, а, Уолли?

— А вот и был. — Я ее видел, эту старую су... Да!

— Кого-кого? — переспросила Джени. — Кого ты видел?

Он неуклюже выбросил вперед правую руку, как марионетка, которую дергают за ниточку. Будто хотел чем-то швырнуть в Джени.

— Кого ты видел? Это была... — Джени поглядела на Аллейна, и тот кивнул. — Это была мисс Прайд?

— Прайди-Прайди приперлась к нам, дадим ей под зад и отправим к чертям.

— Уолли, кто тебя научил таким гадостям?

— Ребята, — не задумываясь ответил он и снова запел: — Прайди-Прайди...

— Перестань. Нельзя так говорить, Уолли. Успокойся. Он не врет, — сказала она Аллейну. — Я сама слышала вчера, как они это распевали.

В дверях появился Кумб. Аллейн сделал ему предупредительный жест, и тот застыл на месте. Из-за его спины выглядывал глупо ухмыляющийся Триэри. Кумб обернулся и жестом велел ему удалиться. Триэри замешкался на пороге, и Кумб захлопнул дверь прямо перед его носом.

Уолли затолкал в рот остатки мороженого.

— Еще хочу.

— Сейчас получишь. Но сперва скажи, что ты видел, когда бежал сегодня утром под дождем, — спросил Аллейн.

Мальчик опустил голову и покраснел.

— Еще хочу.

— Где была мисс Прайд?

— Там.

— У входа?

— У входа, — повторил он, как эхо.

— Ты видел, как она уходила?

— Она вернулась.

Джени в ужасе прикрыла ладонью рот.

— Мисс Прайд вернулась? — переспросил Аллейн.

Мальчик кивнул.

— По дорожке пришла? Когда?

— Она вернулась! — с раздражением твердил Уолли. — Вернулась!

— Наскоро после того, как ушла?

— Наскоро.

— И пошла к роднику? Вошла в ворота и пошла к роднику?

— Это мой родник. Ее нельзя пускать к моему роднику. — Он снова выбросил вперед руку, как бы бросая камни. — Убирайся!

— Ты швырял в мисс Прайд камни?

— Вы не узнаете, чего я делал. Ни за что не скажу.

— Ты кидал камни, Уолли? — спросила Джени. — Вечером?

Мальчик придвинул к Джени свое измазанное лицо, и она наклонила голову. Аллейн слышал, как он прошептал: «Это секрет».

— Что секрет?

— Камни. Так мне папа сказал.

— А тот большой камень тоже секрет?

Он быстро отпрянул от Джени.

— Ничего я не знаю о большом камне. Еще хочу.

— А мисс Кост была возле родника? — спросил Аллейн.

Уолли сердито уставился на него.

— Уолли, ты видел мисс Кост? — спросила Джени, взяв мальчика за руку. — Во время дождя? Утром?

— На фестивале.

— А утром она приходила к роднику? Во время дождя?

— Утром нет. На фестивале была. Еще хочу.

— Погоди, — вмешался Аллейн. — Сейчас получишь. А ты не видел сегодня мужчину на катере? Когда дождик шел?

— У моего папы самый большой катер.

— Не на папином катере. Другой человек на другом катере. Доктор Мэйн. Ты доктора Мэйна знаешь?

— Доктор, — без всякого выражения повторил Уолли.

— Да. Ты видел его?

— Не знаю.

— Уолли, а где ты был, когда видел у родника женщину?

Уолли чертил на пластиковой поверхности стола липкие круги.

— А сам ты войти не мог. Правда ведь?

Уолли достал левой рукой из-за пазухи несколько входных жетонов и выложил их на стол.

— Ты был утром возле родника? Уолли пронзительно вскрикнул.

— Не надо, прошу вас, — сказала Джени. — Может случиться приступ. — Хорошо. Пусть он съест свое мороженое.

— Успокойся, Уолли. — Джени погладила его по руке.

Он недоверчиво покосился на нее и тут же протянул свои руки.

— Только не это! — прошептала Джени.

2

Уолли прикончил очередную порцию мороженого, и они вышли из чайной во

внутренний двор. Аллейн внимательно приглядывался к застиранному белью, вывешенному на проволоке. По двору расхаживала растрепанная женщина. Она окинула вошедших затуманенным взглядом.

— Службное, — сказала она. — Сюда нельзя.

— Извините, миссис Триэри, — сказала Джени. — Мы заблудились.

Из-за их спины появился Триэри.

— Уходи отсюда, женщина. — Он взял жену за руку и подтолкнул к дому. — Вот калитка, — сказал он Аллейну.

Аллейн подошел к проволоке, на которой сушилось белье. С колышка свисал свободный конец со свежим срезом.

— Не могли бы вы одолжить мне с ярд вот такой проволоки? — спросил он у Триэри. — У меня бампер на машине отлетает.

— Нету лишней. Самому нужно. Все равно она старая и вам не сгодится. Они вышли.

— Вы думаете, это была та самая проволока, из которой сделали ловушку? — поинтересовался Кумб.

— Безусловно. Но я подозреваю, что такой здесь пользуются все. Она старая, но откусили от нее недавно.

Патрик с безразличным видом сидел в ялике.

— Это было так любезно с вашей стороны, — сказал Аллейн Джени на прощание. — Я вам больше чем обязан.

— Я чувствовала себя ужасно. Мистер Аллейн, он не может отвечать за свои поступки. Вы видели, что он из себя представляет?

— Вы думаете, это он швырял камнями в мисс Эмили?

— Да, — со страданием в голосе ответила она. — Но больше он ничего не делал. Я в этом убеждена.

— Возможно, вы правы. Кстати, буду благодарен, если все это останется между нами. Идет?

— Конечно, если вы просите.

— Да, вот еще что, у вас нет никаких предположений насчет того, кто была эта Зеленая Дама?

— Нет. Никаких. Может, ее вовсе не существовало?

— А что Уолли о ней говорит?

— Что она была очень красива и ее волосы блестели под солнцем. И будто сказала, что его бородавки исчезнут.

— А он мог бы такое сочинить?

— Не думаю. К тому же этот мальчик необычайно правдив. Он никогда не лжет. Никогда.

Аллейн смотрел, как девушка садилась в ялик. Тот отчалил от берега и поплыл в открытое море. Джени помахала Аллейну рукой. Ее каштановые волосы блестели на солнце.

— Приятная молодая дама, — отметил Кумб. — Добились чего от парнишки?

— Он, можно сказать, признался в том, что в тот вечер швырнул камни в мисс Прайд и что его папаша приказал ему держать рот на замке. Сказал, будто видел утром, как мисс Прайд ушла, а через некоторое время вернулась. Но, судя по всему, это уже была не она, а мисс Кост.

— Вот видите! — удовлетворенно воскликнул Кумб.

— Как вы помните, доктор Мэйн видел Уолли бегущим по дороге в сторону родника. Примерно без двадцати

пяти восемь. Мисс Прайд видела его приблизительно в это же время. В гостиницу мисс Прайд возвратилась без пяти восемь. С мисс Кост она по дороге не встретилась. Семичасовая служба окончилась, скажем, без десяти восемь — мы точно выясним это у священника. Значит, мисс Кост дошла до родника примерно в четверть девятого, а я обнюхивал ее тело в десять минут десятого.

— Между половиной восьмого и четвертью девятого у парнишки было больше чем достаточно времени, чтоб войти за ограждение и спрятаться за валуном.

— Но зачем? Он ведь видел, как мисс Прайд уходила. С чего бы он стал ждать, что она вернется?

— Ну, просто по своей глупости.

— По своей глупости? Значит, пригласи мы его в свидетели, и мы будем выглядеть не умнее. Если даже он и замешан в этом деле, то доказать это мы сможем лишь при помощи фактов, а не с его слов. К примеру, таких, как четкие отпечатки его подошв за валуном.

— Вы ведь видели землю. Настоящее месиво. Как будто... как будто там специально постарались.

— Вы правы. За валуном и там, откуда отломил камень. Вы заметили, что с краю лежит плоский голыш с грязным ребром? Им и могли уничтожить отпечатки.

Аллейн взглянул на часы. Было двенадцать. Он предложил Кумбу вернуться в деревню и навестить священника. Начался прилив, и им пришлось воспользоваться шлюпкой.

Дом священника находился между небольшой прелестной церквушкой в норманском стиле и лечебницей доктора Мэйна — опрятным домиком.

— Когда-то здесь был бедный приход, — пояснил Кумб, — но при том обороте, какой приняли события за последние два года, дела подкрепили. Прежде всего священнику повысили жалованье. Большинство понимают, что своим нынешним благосостоянием они обязаны святой родниковой водичке, и поэтому на пожертвования не скупятся. Вы бы удивились, узнав, какие суммы отваливают в пользу реставрационного фонда.

Миссис Кастерс пропалывала грядки перед домом. На ней было зеленое льняное платье, вокруг головы свешившийся ореол светло-пепельных волос. Она энергично пожала Аллейну руку.

— Муж у себя в кабинете, — сказала она.

— Мне бы хотелось, если можно, побеседовать и с вами, — сказал Аллейн. Мы пытаемся установить, где побывала утром мисс Кост.

— О, господи! Да, да, понимаю.

Она подтвердила рассказ доктора Мэйна. Мисс Кост присутствовала на семичасовой службе, и они с ней встретились у ворот. — Бедняжка была очень расстроена из-за моего ожерелья, — пояснила миссис Кастерс.

— Вашего ожерелья?

— Да. Хотя оно на самом деле старое и камни не драгоценные. Я не хотела его давать, но она так просила, потому что ожерелье сверкает на солнце. А ее распрекрасная Сисси должна была непременно уронить его при первом же раскате грома. Я сказала, что его

можно потом поискать или же послать за ним ту же Сисси. Но нет, бедняга хотела найти его сама. Она была такая, как говорится, суетливая. Вечно куда-то спешила... А на улице лило как из ведра. Тут она увидела доктора Мэйна и загорелась любопытством узнать у него, неужто миссис Третевой и на этот раз разрешилась близнацами. Я ушла, а она сломя голову ринулась к нему утолить свое любопытство. Ужас, а? Эдриен! Можно тебя на минутку?

— Иду.

Священник радушно поздоровался с Аллейном, сказал, что жители Порткарроу счастливы, что он оказался здесь в такой момент, потом замкнулся и по-серьезному. — Мне трудно поверить, что в наших краях могло случиться такое, — сказал он. — Я в полном смятении.

Как установил Аллейн, первая служба закончилась примерно без четверти восемь.

— Я думал, будет много прихожан — ведь на острове столько гостей. Но, очевидно, помешал ливень, и поэтому пришло всего шесть человек. Вот на девятичасовой службе людей было много.

— А вы хорошо знали мисс Кост?

— Да. — Священник слегка смутился. — Она была моей прихожанкой. Нашу дружбу с мисс Кост, как мне кажется, несколько сковывало расхождение во взгляде на родник, — обменявшись взглядами с женой, сказал он. — Я не мог сочувствовать, а следовательно, и поддерживать ее, как мне кажется, довольно-таки смелые заявления. На мой взгляд, это вульгарно.

— Вы видели ее после службы?

Супруги одновременно сказали «да».

— Я принадлежу к числу тех служителей господних, которые считают своим долгом провожать прихожан, — пояснил священник. — Когда я вышел на крыльцо, мисс Кост уже шла по тропинке в сторону родника. За ожерельем моей жены, что ли.

— Ожерелье у нас, миссис Кастерс, и мы его вам скоро вернем.

— О, господи! Да я... я...

Аллейн заинтересовался, присутствовал ли на первой службе кто-нибудь из островитян. Оказалось, никого. Несколько человек пришли на девятичасовую.

— И Барриморы в том числе?

Нет, Барриморов, как выяснилось, не было.

Наступившее молчание красноречиво свидетельствовало о том, что отсутствие на службе Барриморов — вполне обычное явление.

— Но ведь одно время, Эдриен, Маргарет ходила в церковь довольно регулярно. До случая с бородавками Уолли. Поминишь?

— Это к делу не относится, Далси.

— Да, Барримора ждут крупные неприятности, — заметил Аллейн. — Такое происшествие непременно скажется на его делах.

Священник и его жена в смущении переглянулись.

— Ну... — одновременно начали оба и замолчали.

— Ведь «Мальчик и омар» принадлежит ему, разве нет?

— Земля принадлежит мисс Прайд, — пояснил Кумб. — Но я слышал, будто они вложили в гостиницу буквально все.

— Она вложила, — решительно воз-

разила миссис Кастерс. — Это были деньги Маргарет Барримор. Правда ведь, Эдриен?

— Дорогая, я не знаю. Как бы там ни было...

— Разумеется, дорогой. — Миссис Кастерс покраснела. — О господи! — воскликнула она. — Я ведь вся в грязи. Пойду переоденусь.

— Постойте минуточку! А вы успеваете приготовить между службами завтрак? — спросил Аллейн у миссис Кастерс.

— Ну, обычно у меня хватает времени сварить яйцо. А сегодня из-за дождя у нас было больше часа. То есть у меня. Эдриен должен был навестить бедного мистера Томаса.

— Когда вы узнали о трагедии?

— Перед заутреней. В половине одиннадцатого. Люди видели скорую помощь и носилки. А Эдриен встретил сержанта Пендера и... и все от него узнал.

— Так значит это правда? — неужели, данное спросил священник. — Правда, что это... злодеяние? Мне Пендер сказал...

— Боюсь, что да.

— Какое ужасное событие. Просто-таки уму непостижимое.

— Да, — кивнул Аллейн. — Женщина, у которой, судя по всему, не было врагов. Неввероятно.

Кумб кашлянул. Кастерсы быстро обменялись взглядами.

— Конечно, если не считать ее врагом мисс Прайд.

— Боюсь, в этом виновата сама мисс Кост, — заметил священник и добавил: — Бедняга.

— Ты хочешь сказать, что мисс Прайд оказалась всего-навсего рукой, держащей кнут?

— Далси! Это к делу не относится.

В доме зазвонил телефон. Священник извинился и ушел.

— А за что же мы могли ненавидеть? — продолжал свою мысль Аллейн. — Мне кажется, это была безобидная...

— Она не всегда была такой добренькой, — возразила миссис Кастерс.

— А кто из нас всегда добренький?

— Вы правы. Конечно же...

— Миссис Кастерс, еще один вопрос и мы уходим. Как вы думаете, кто занимался запугиванием мисс Прайд?

Она облегченно вздохнула и, не колеблясь, ответила:

— Я всегда считала, что за всем этим стоит она. Мисс Кост.

— За этим? Вы полагаете, она действовала чьими-то руками?

— Да.

— Чьими же? Уолли Триэрна?

— Может быть.

— Потому-то вы и сказали, что мисс Кост не всегда была доброй?

— О нет! — пылко воскликнула она, но тут же осеклась. — Прошу вас, мистер Аллейн, не задавайте мне больше вопросов. Я не стану на них отвечать.

Слегка перекусив в небольшом деревенском ресторанчике, Кумб с Аллейном зашли к прокурору и взяли у него ордер на обыск коттеджа Уолли. Потом заскочили в участок и Аллейн откусил от лопушки кусочек проволоки. Они успели, что Аллейн вернется в гостиницу, а Кумб останется в участке до прибытия подмоги из Ярда.

Аллейн шагнул к двери.

— Гм, постойте минуточку, — услышал он не совсем уверенный оклик Кумба. — Поймите меня правильно, я... я ценю ваше скептическое отношение к скоропалительным теориям. Я сам к ним так же отношусь. Но чем дальше, тем больше я убеждаюсь в том, что в нашем деле уже все ясно. Этот придурковатый мальчишка, можно сказать, сам признался, что кидал камни. И почти наверняка этому его научил папаша, он же и капкан соорудил. Мальчишка говорит, будто видел, как мисс Прайд вернулась, выходит, я был прав — он принял одну даму за другую. Так вот, он вошел за загородку и притаился за валуном. Потом увидел внизу зонтик и пальнул по нему. Четко, а?

— А как вы думаете, кто подложил мисс Прайд эту фигурку, кто слал ей анонимные предостережения, кто ей звонил?

— Ну, она считает, что это дело рук мисс Кост.

— Выходит, смерть мисс Кост явилась конечным результатом ее собственных усилий?

— Ну да, в некотором роде.

— А вам не кажется удивительным то, что во всей этой истории есть одна деталь, по поводу которой никто не проявляет ни малейшего любопытства? — Какая же?

Аллейн достал из кармана фигурку, завернутую в бумагу и в носовой платок, развернул ее и, держа двумя пальцами, поставил на стол перед Кумбом. — Еще ни один человек не задал вопроса, кто же была Зеленая Дамы.

3

— Почтовой бумагой такого типа пользуются в отеле, — говорил Аллейн. — Шрифт слова «смерть» не такой, как в вашей местной газете. По-моему, это слово вырезано из лондонского спортивного приложения «Скачки». Разве мисс Кост интересовалась скачками?

— Она-то? Вы шутите?

— Зато ими интересуется майор. И выписывает это приложение.

— Неужели? Бог ты мой!

Аллейн достал и открыл коробку с сигарами.

— С обратной стороны бумажного кольца должны быть четкие отпечатки. Если возникнет необходимость, Бейли обследует все основательно, мы же с вами можем попробовать хотя бы приблизительно.

Они обнаружили отпечатки на кольце от сигары, а также на прикрепленном к фигурке ярлыке.

— Вполне достаточно. — Аллейн удовлетворенно хмыкнул. — Отпечатки большого и указательного пальцев совпадают. Полагаю, мне предстоит нанести визит доблестному майору.

Было два часа пополудни.

Как выяснилось, майор имеет обыкновение отдыхать после ленча.

— К этому он привык в Индии, — сказала миссис Барримор.

Аллейн столкнулся с ней у входа в старое помещение. Она великолепно владела собой и была, как всегда, загадочна и очаровательна.

— А вы не уделите мне несколько минут? — спросил он.

— Пожалуйста. Если не возражаете, пройдемте в гостиную.

Та самая женщина, которая всего несколько часов назад металась по саду, словно потерявший управление корабль,

теперь как ни в чем не бывало сидела в кресле, сосредоточив взгляд на своих переплетенных пальцах, покоившихся на коленях.

Аллейн попытался окольными путями найти подтверждение ее алиби за период между посещением родника мисс Прайд и предполагаемым временем убийства мисс Кост. Такого подтверждения не оказалось. Никто не заходил в кухню, когда она пила там кофе с тостами. Прислуга находилась в главном корпусе, Дженни с Патриком завтракали в общей столовой, муж, судя по всему, спал (из чего Аллейн сделал вывод, что супруги занимают отдельные комнаты). Она не помнит, сколько времени просидела за завтраком. Потом дала распоряжения на кухне и поднялась к себе переодеться. Спустившись, застала молодежь в гостиной. А вскоре туда подошел и Аллейн.

— А потом вы выходили куда-нибудь?

— Только в сад, — сказала она. — Ненадолго.

— Нарезать цветов?

Она стремительно вскинула на него глаза и тут же их опустила.

— Да, нарезать цветов. — Она замолчала. — Мне помогала Дженни.

— В саду?

Снова стремительный взгляд в его сторону, на этот раз, пожалуй, более пристальный.

— Нет, не в саду. В доме. Расставлять букеты.

— Значит, в саду вы были одна?

— Да, одна. Почему вас так интересует этот сад? Это было уже после...

— Я понимаю. Миссис Барримор, вас очень расстроило сообщение о гибели мисс Кост?

Ее крупные пухлые губы, так не гармонирующие с остальным лицом, задвигались, беззвучно образуя слова, как в немом фильме.

— Конечно. Ведь это ужасно, правда ведь?

— Вам нравилась мисс Кост?

— Не слишком. У нас с ней не было ничего...

— Ничего общего?

Миссис Барримор кивнула. Ее руки вздрогнули. Она только взглянула на них и переплела пальцы по-другому.

— У нее были враги?

— Не знаю, — моментально ответила она, будто ждала этого вопроса. — Я вообще знаю о ней очень мало.

Аллейн спросил, согласна ли она с версией, по которой мисс Кост убили, приняв за другую, и она сказала, что согласна. Причем, как показалось Аллейну, при этом облегченно вздохнула.

— По-моему, это дело рук Уолли, — добавила она.

— Которого она сама же и научила?

— Не исключено. Она была... В общем, теперь это неважно.

— Мстительна?

Миссис Барримор промолчала.

— Боюсь, это тот самый случай, когда и о покойниках плохо говорят. По тону миссис Кастерс я уловил...

— Далси Кастерс! Да она никогда ни о ком не скажет плохо! — вдруг вырвалось у миссис Барримор.

— Я в этом не сомневаюсь. Просто... Ну, мне показалось, она была полна решимости не говорить ничего плохого. Кстати, мне сказали, будто за последние два года в этой семье произошли разительные перемены.

— Да. Разительные.

— Они раньше нуждались?

— О, да. Это был жутко бедный приход. Жалованье ему платили минимальное, а никаких сбережений у них не было. Все мы так за них переживали! И, конечно же, помогали им. Мне кажется, Далси в те годы ничего себе не покупала.

— Сегодня она выглядела вполне прилично.

— Да? — Теперь миссис Барримор заговорила с ним так, будто они были давними друзьями. — А мне казалось, мужчины никогда не обращают внимание на то, как одеты женщины.

— Хотите, я скажу вам, в чем вы были вчера на празднике?

— В чем?

— В белом льняном платье с квадратным вырезом и кожаным поясом. На ногах коричневые итальянские туфли с большими пряжками. Коричневые замшевые перчатки. Широкополая соломенная шляпа в полосу с коричневой бархатной лентой. Коричневая кожаная сумочка. И никаких украшений.

— Можете себя поздравить. А я считала, что вы не из тех мужчин, которые обращают внимание на подобные мелочи. Правда, это необходимо в вашей профессии и поэтому не чувствую себя польщенной.

— Вы должны чувствовать себя польщенной. Но я собираюсь перечеркнуть ваш успех сообщением о том, что сегодня утром на миссис Кастерс тоже было льняное платье. — Он описал фасон. Она слушала его серьезно.

— А, то самое.

— Оно когда-то принадлежало вам? Когда вы его отдали?

— Вот уж не помню.

— Попытайтесь вспомнить.

— Но это невозможно. Я без конца давала ей то одно, то другое. Женщины часто дарят подругам свои вещи.

— Я бы не стал у вас выпытывать, если бы не думал, что это относится к делу.

— Но каким образом?

— Подумайте сами. Было ли это зеленое платье еще у вас два года тому назад?

Она резко вскочила на ноги.

— Какая чушь! Вы хотите сказать... Уолли?..

— Да. Его Зеленая Дамы.

— Но... большинство считает, что он ее просто выдумал.

— Я знаю. И вы дарили это платье просто так, без всякой задней мысли?

— Просто так. Уверю вас, с тех пор прошло больше года. — Она отвернулась. — Но даже если и не просто так, все равно я вам об этом не скажу. Это... это никак не относится к... происшествию. К тому же вы правильно заметили, что это личное дело Далси Кастерс.

— Может, она вспомнит.

— Я и на секунду не могу предположить, чтобы она выкинула такое... Это на нее не похоже. Она никогда не была Зеленой Дамой.

— А я этого и не предполагаю. — Аллейн приблизился к ней. Она подняла голову. Ее щеки покрылись мертвенной бледностью. — Давайте не будем играть в прятки. Ведь Зеленая Дамы — это вы, не так ли?

Окончание следует

Перевела с английского Н. КАЛИНИНА

МОЛОДЫМ — АТЕИСТИЧЕСКУЮ УБЕЖДЕННОСТЬ

Э. ЛАВРИК,
кандидат философских наук

Формирование у молодежи диалектико-материалистического мировоззрения и атеистической убежденности — одна из важнейших целей коммунистического воспитания. Успех здесь зависит как от решения основных экономических и социальных задач, так и от эффективности идеологической работы вообще и научно-атеистической в частности. Эта проблема продолжает находить последовательное и всестороннее отражение на страницах словацкого журнала «Атеизмус».

Так, в статье В. Достала «Атеистическое воспитание в системе идеологической работы высшего учебного заведения» (1979, № 4) сформулированы некоторые рекомендации для более полного использования возможностей формирования научно-атеистического мировоззрения у студентов.

Большинство выпускников высших учебных заведений, пишет он, войдя в трудовые коллективы, будут воспитателями. Вот почему преподаватели должны стремиться не только к преодолению религиозности у студентов, но и к тому, чтобы те овладевали атеистическими знаниями, сами умели вести атеистическую работу, проводить беседы, оказывали личное влияние на верующих.

В прошлом, отмечает автор, эта задача часто недооценивалась, а мировоззренческое воспитание студентов слабо связывалось с атеистическим. В результате выпускники вузов не только не включались в процесс атеистического воспитания и пропаганды в чехословацком обществе, но зачастую не могли на должном научном уровне вести полемику со своими идейными противниками.

Атеистическая работа в студенческой среде — сложный педагогическо-психологический процесс. Говоря о целях атеистического воздействия на студентов, В. Достал подчеркивает: необходимо достичь такого уровня их атеистической убежденности, который исключал бы какие-либо уступки, компромиссы в отношении к религии, не допускал равнодушия и пассивности в этих вопросах, позволял бы студентам выступать в качестве квалифицированных пропагандистов научного атеизма, активно включаться в процесс коммунистического воспитания.

Если взять сельскую местность, то здесь работу по атеистическому воспитанию населения чаще всего ведут учителя, что же касается других представителей интеллигенции, в частности врачей и специалистов сельского хозяйства, то они недостаточно активно участвуют в этой деятельности.

Проводившиеся в вузах Словакии исследования, пишет автор, показывают, что верующих среди студентов в целом относительно немного. Из этого иногда делается ошибочный вывод, будто научно-атеистическое воспитание учащейся молодежи на современном этапе неактуально. Неверно осуществлять атеисти-

ческое воспитание только среди верующих студентов. Далеко не всякий из тех, кто сдал экзамены по курсу дисциплин марксизма-ленинизма, естественных наук, а в ряде вузов — и экзамен по научному атеизму, становится убежденным атеистом. Многие студенты имеют нечеткие мировоззренческие позиции, включающие и элементы религии.

Отмечая далее различный уровень атеистической убежденности у студентов, автор позитивно оценивает тот факт, что большинство из них считают себя неверующими. На примере группы убежденных атеистов прослеживается довольно четкое соответствие между высоким уровнем научно-атеистических знаний студентов и их поведением. Для таких учащихся, по сравнению с другими типологическими группами, характерны понимание реакционной сущности и роли религии в обществе, признание необходимости научно-атеистической работы и непосредственное участие в ней.

Для другой типологической группы студентов, которых В. Достал относит к неверующим, характерен пониженный уровень атеистической убежденности, здесь заметны недостаточное знание научного атеизма и соответственно — слабая атеистическая активность.

Третья группа — индифферентные — не обладает научным пониманием роли религии в обществе и не считает, что нужно помогать верующему освободиться от религиозных взглядов. Для таких студентов характерно примиренческое отношение к религии.

Еще одна типологическая группа — колеблющиеся. В ней низок уровень естественнонаучных, философских и научно-атеистических знаний. Формирование научно-материалистического мировоззрения у этой группы, пишет автор, заслуживает особо пристального внимания. Нужны немалые усилия, чтобы поднять нерелигиозных студентов до уровня убежденных атеистов.

Атеистическая убежденность студентов, отмечает В. Достал, складывается в результате изучения ими научного атеизма, дисциплин курса марксизма-ленинизма, обществоведения, естественных и технических предметов, а также под комплексным воздействием других факторов учебно-воспитательного процесса.

Автор выделяет в нем такие основные рычаги атеистического влияния: изучение научного атеизма как самостоятельной дисциплины; научно-атеистическая ориентация курсов всех общественных наук; использование возможностей, предоставляемых для атеистического воспитания другими учебными предметами. К сожалению, отмечает В. Достал, еще встречаются случаи сугубо профессионального, объективистского подхода к процессу обучения, что ме-

шает сознательному усвоению студентами мировоззренческих аспектов, снижает атеистическое воздействие научных знаний и теорий.

Между тем, полагает он, почти каждый учебный предмет в высшем учебном заведении можно использовать для передачи знаний и информации атеистического характера и для формирования атеистической убежденности студентов. Каждый научный вывод, подтверждающий материалистическую картину мира, вносит свой вклад в формирование атеистической убежденности.

Учебный процесс в форме лекции или семинара — главный путь атеистического воспитания. Вместе с тем, отмечает В. Достал, опыт показывает, что курсы научного атеизма и дисциплин марксизма-ленинизма, обществоведения, изучение естественных предметов сами по себе еще не гарантируют достаточного высокого уровня мировоззренческой подготовки студентов. Она зачастую не соответствует количеству материала, изученного студентами в процессе обучения. Именно поэтому важно дополнять программные лекции и семинары такими внеучебными формами, как подготовка студентами докладов на мировоззренческие темы, связанные с содержанием того или иного предметного курса, как создание студенческих атеистических кружков, участие студентов в научно-атеистических исследованиях, проводимых кафедрами, выполнение дипломных работ атеистической направленности, как конференции и выставки атеистической литературы.

Атеистическая работа в вузе, полагает автор, должна быть делом не только преподавателей марксистско-ленинской философии и научного атеизма, но и всего профессорско-преподавательского состава, неотъемлемой составной частью всего учебно-воспитательного процесса.

Распространению научного атеизма в другой социальной группе общества посвящена статья Ф. Кршенека «К вопросу о некоторых результатах исследования процесса секуляризации в единичных сельскохозяйственных кооперативах» (1979, № 5). Автор анализирует результаты социологическо-психологических исследований, проведенных в 1976—1977 годах Институтом научного атеизма АН ЧССР (г. Брно) в 15 кооперативах, расположенных в тех районах южной Моравии, где относительно высока степень религиозности.

Результаты опросов показали, что среди руководящих работников и механизаторов этих кооперативов теперь преобладают неверующие, причем такие сдвиги наблюдаются и в животноводческих и полеводческих бригадах. Исследования также показали, что при определенных условиях процесс секуляризации среди женщин может развиваться даже быстрее, чем среди мужчин.

В статье Л. Кошинара «Исследование мировоззренческих позиций учащихся

Предыдущие обзоры этого журнала см. в № 10 за 1978 г. и в № 2 за 1980 г.

девятилетних школ в районе Сеницы» (1979, № 4) рассматриваются данные социологического исследования, проведенного в 26 таких школах. Территория этого района — одно из тех мест в Словакии, где и поныне еще сохраняется значительное религиозное влияние, тормозящее процесс формирования научно-материалистического мировоззрения молодежи. Вместе с тем, отмечает автор, громадные социально-экономические, политические и культурные сдвиги, происшедшие за последние десятилетия в жизни страны, положительно отразились на общественном сознании в целом и на сознании молодежи в частности.

В ходе исследования были опрошены 682 учащихся 5—9-х классов. Они получили анонимные вопросники, составленные с учетом рекомендаций журнала «Атеизмус» (1976, № 6). Каждая анкета включала 10 вопросов, ответы с религиозной направленностью оценивались в 0, а атеистические в 10 баллов. Условный суммарный балл для всех 682 учащихся 5—9-х классов, участвовавших в опросе, составил бы 68 200 баллов. Фактически же они набрали 51 542,5 балла. Это означает, что 75,57 процента всех ответов были оценены как атеистические, причем по 5-м классам доля таких ответов составила 67 процентов, по 6-м — 73,1 процента, по 7-м — 83,43, по 8-м — 78,12 и по 9-м классам — 76,84 процента.

Таким образом, заключает Л. Кошнар, в сравнении с предшествующим периодом в сознании школьников произошел явный перелом в пользу материалистических взглядов. Анкетирование помогло выявить и те направления, по которым необходимо усилить воспитательную работу среди учащихся.

В заметке М. Сплитковой «Семинар преподавателей научного атеизма высших учебных заведений» (1979, № 1) подведены итоги работы семинара преподавателей научного атеизма высших учебных заведений ЧССР, проведенного в конце 1978 года кафедрой марксистско-ленинской философии и научного атеизма философского факультета в г. Прешове (Восточнословацкая область). В нем участвовали преподаватели научного атеизма из СССР (Л. В. Мандрыгин, Л. Г. Зубенко, В. Ф. Гажос) и из ГДР (Олоф Клор). Рассмотрены были философские проблемы научного атеизма, марксистско-ленинской психологии религии и атеистического воспитания, вопросы критики клерикального антикоммунизма. Участники семинара заслушали доклады Ф. Кубовича «Современные проблемы изучения научного атеизма в высших учебных заведениях», Т. Галечки «Актуальные проблемы теории научного атеизма и критика его теологических, марксологических и ревизионистских фальсификаций», Я. Биласа «Основные направления современной религиозной философии и методика ее марксистско-ленинской критики», О. Сисаковой «Основы марксистско-ленинской психологии религии» и др.

Встречи и обсуждения подобного рода — также одна из форм работы, способствующая повышению уровня преподавания научного атеизма и методов формирования диалектико-материалистического мировоззрения у студенческой молодежи.

ЗА РУБЕЖОМ

М. ГОЛЬДЕНБЕРГ,
кандидат философских наук

АРАДОКСЫ КРИЗИСА

...Хорошо известно, какие огромные надежды возлагали в свое время большинство католических иерархов и теологов на II Ватиканский собор, призванный осуществить «аджорнаменто», повернуть церковь лицом к делам и заботам современного мира и тем самым вдохнуть в нее новые силы. Когда в 1975 году исполнилось 10 лет со времени окончания собора, в буржуазно-клерикальной прессе появился ряд статей, посвященных этой годовщине.

Журнал итальянского духовенства «Ля ривиста дель клеро итальяно», например, писал в этой связи в январе 1978 года: «Не подлежит сомнению, что последние десять лет оказались безусловно неблагоприятными для католической церкви. Вместо желанного обновления они принесли с собой прогрессирующий упадок... мы, христиане, проиграли битву идей, потому что боимся дискуссий, новизны». Переходя затем к оценке ситуации в самой Италии, журнал продолжал: «...Разве не находится в драматическом положении сама итальянская церковь, которой более не удается осуществлять свою миссию по эвангелизации, поскольку она утратила доверие значительной части итальянского народа?»

О «катастрофическом (подчеркнуто в оригинале. — М. Г.) кризисе религии» ведет речь в связи с 10-летием собора орган португальских клерикальных кругов «Бротерия» (январь 1976 г.). Наиболее очевидные свидетельства этого кризиса, по его мнению, — сокращение религиозной обрядности и увеличение священнических взакансий, появление групп несогласных, сурово критикую-

щих церковь и вступающих в конфронтацию с иерархией, а также рост числа священнослужителей, снизошедших до положения мирян, чрезмерная идеологическая поляризация различных католических течений, часть которых заигрывает с марксизмом.

Соседняя Испания также все меньше становится похожей на твердыню католицизма, какой она еще недавно была. Самый тревожный симптом там, с точки зрения одного из влиятельных французских клерикальных журналов, — почти всеобщее равнодушие молодежи к религии. Испания, констатирует он, гигантскими шагами движется по пути секуляризации, на который иные страны вступили значительно раньше. Даже в сель-

ской местности религиозность падает настолько стремительно, что, хотя каждому священнику приходится обслуживать несколько приходов, многие падре фактически остались без пасты.

Испанский профессор богословия Э. Мирет Магдалена, автор изданной в 1976 году обстоятельной монографии о церковной жизни своей страны, пишет, что атеизм из индивидуального феномена, каким он был до недавнего времени в Испании, превратился здесь, как и в других западных странах, в феномен социальный. Католик, сетует профессор, почти перестал исповедоваться, все реже посещает мессу, ибо «не обнаруживает никаких ценностей в наших храмах». Папские энциклики не оглашаются, с ними мало кто считается. Словом, заключает теолог, «искренний религиозный дух находится на пути к исчезновению».

В испанском еженедельнике «Дестин» (№ 2062, 1977 г.) появилась статья другого католического идеолога, Х. Хименеса-Лосано, под красноречивым заглавием «Христиане в диаспоре». Чтобы обсудить положение, когда католики на Западе чувствуют себя обитателями «чужой земли», и принять какие-то неотложные меры, он предлагает созвать новый вселенский собор. Испанскому автору вторит председатель конференции западногерманских епископов кардинал Хёффнер, сетующий на то, что католики ФРГ практически живут, как в «окупированной стране».

Публикации религиозных изданий позволяют в какой-то мере проследить своеобразную «динамику страха», все более усиливающегося в среде католи-

ческого духовенства. Журнал французских иезуитов «Этюд», например, к теме кризиса обращался неоднократно. Однако наиболее примечательны в этом плане две его статьи (первая появилась в 1970 г., вторая — пять лет спустя), в которых рассматривается положение церкви не только во Франции.

В первой из них признается, что религиозный кризис отличается особой остротой и доходит до того, что ставит под угрозу само существование христианства, особенно католицизма. Теперь, пишет «Этюд» во второй статье, христианство стоит перед опасностью оказаться низведенным до положения секты. Если мы, предупреждает журнал, не сумеем смело и немедленно взяться за решение наших проблем, их по-своему решит время. Наиболее неотложная задача заключается в том, чтобы вернуться к опыту первоначального христианства, когда главную роль в проповеди Евангелия играли общины верующих. Инициатива может исходить от небольших групп молодых христиан. Но пока они не проявили себя, поэтому мы с душевной болью наблюдаем, как церковь тает у нас на глазах.

Затем следует перечень мер, которые, по мнению «Этюда», следует принять без промедления. В частности, предлагается, чтобы обряд крещения совершался не ранее, чем ребенок достигнет возраста, когда будет в состоянии воспринять и повторить слова, в которых заключается символ веры. Но кто же вообще будет совершать какие бы то ни было обряды, когда духовенство почти исчезнет? Отвечая на им же поставленный вопрос, «Этюд» выдвигает идею замены клира мирянами, хотя и сомневается, найдутся ли среди них те, кто согласится принять на себя священнические обязанности.

«Этюд», по сути, выдвигает ту самую «еретическую» программу, для беспощадной борьбы с которой Игнатий Лойола и основал в XVI веке орден иезуитов. В те времена за подобные идеи инквизиция, при деятельном участии иезуитов, отправляла людей на костер. Ведь упор на общину верующих, превращение, по выражению К. Маркса, мирян в попов, отказ от крещения младенцев свойственны различным разновидностям протестантизма.

Судя по всему, иезуиты оказались лучше, чем Ватикан и национальные епископаты, приспособленными к тому, чтобы уловить, осмыслить и оценить определенные, еще зачаточные тенденции, обнаруживающиеся по мере углубления кризиса. В этой связи представляет интерес один из номеров левокатолического журнала «Темуаньяж кретьен» («Свидетельство христианина», 13. I.

1977 г.), поместившего фото нескольких граждан, сидящих в обычной городской квартире за накрытым столом. Если бы не сосредоточенное, молитвенное выражение их лиц и не пояснительный текст, можно было бы подумать, будто это какое-то семейное торжество или дружеское застолье. На самом же деле группа католиков, оставшаяся без священника, совершает обряд причащения в домашней обстановке, причем не только без участия патера, но и без использования каких-либо атрибутов культа. Как же в таких, пока еще не очень частых ситуациях надлежит поступать местному епископу? — вопрошает журнал и отвечает: вместо того чтобы игнорировать нарождающуюся практику, он должен предоставить мирянину, наиболее авторитетному в подобной группе верующих, право отправлять не только причащение, но и другие обряды.

Однако реформы подобного рода, заявившие о себе еще в XVI веке, не могут сегодня рассчитывать на успех. В ту эпоху сам ход классовой борьбы ставил в повестку дня задачу создания новой, буржуазной разновидности христианства. В наши дни мировое общественное развитие движется в направлении к социализму, а он, как известно, в религиозной санкции не нуждается. Поэтому «социалистической разновидности христианства» или любой другой религии, несмотря на упорные попытки некоторых теологов создать ее, не будет. Новшества, предлагаемые иезуитами, неспособны вывести церковь из состояния кризиса.

Весьма красноречивое свидетельство неблагополучия исходит еще от одного иезуита, на сей раз итальянского. Речь идет о Д. Грассо, который, рассматривая отрицательные отклики, поступившие почти отовсюду на декларацию католического руководства по вопросам половой этики, пишет в журнале «Эуро-пео» (30. I. 1976 г.): «Было бы воистину печально, если бы ответом на декларацию послужило молчание. Лучше услышать «нет» — это уже успех, доказывающий, что на слова церкви еще обращают внимание».

Означает ли все сказанное, что кризис обрушился только на католицизм? Ответ содержится, например, в словах католического теолога-традиционалиста Ш. Массабки: «Число тех, кто отрицает бога, увеличивается с каждым днем... всемирный атеизм оказывает влияние на сторонников великих монотеистических религий — на мусульман, так же как на христиан». По словам протестантского теолога Р. Меля, и его конфессия тоже «вращается в порочном кругу». «Нам становится все труднее передавать наше наследие, что способ-

ствует сокращению сферы влияния протестантизма».

А если обратиться к иудаизму, то и там ситуация малоутешительна для его сторонников, в том числе и в Израиле, где правящая верхушка и раввинат не жалеют средств для насаждения «веры отцов» и несоблюдение религиозных предписаний рассматривается чуть ли не как демонстративное проявление недовольства к сионистскому «истэблишменту». Профессор Нью-Йоркского университета сионист Н. Коген, например, прямо пишет, что серьезнейшей заботой израильских лидеров стала «деиудайзация» коренных израильтян, не просто равнодушных к религии, но зачастую разделяющих антирелигиозные взгляды. Ему вторит «ветеран» международного сионизма Н. Гольдман: «Сегодня религия более не является связующим началом, двигателем, вдохновительницей, какими она была некогда в еврейском мире».

Однако исследователи-марксисты заняты не коллекционированием различных высказываний, а поиском истины. Ее интересы требуют установить, что, хотя кризис, переживаемый церквями, действительно весьма глубок, некоторые клерикалы преувеличивают его — и в этом заключен парадокс, ибо следовало предположить, что они будут стремиться как раз к тому, чтобы как-то затушевать признаки такого упадка. С другой стороны, если представить дело так, будто религиозное мировоззрение и такое его порождение, как клерикализм, «долго не протянут», то это привело бы к дезориентации наших исследователей.

Ведь деградация религиозной идеологии — не равномерное сползание по наклонной плоскости, которое не сегодня-завтра приведет к краху церковных институтов. К тому же этот процесс протекает отнюдь не однозначно и прямолинейно, а, как и общий кризис капитализма в целом, скорее зигзагообразно. Католический идеолог А. Фабр-Люс, например, пишет, что когда во Франции перед основанием нового города проводится соответствующий опрос, то подавляющее большинство его жителей требуют, чтобы там была построена церковь. Впрочем, чрезмерных иллюзий тут он не питает: среди опрошенных верующие составляют лишь меньшинство. Но даже многим неверующим нужна церковь. Почему? Католический автор на этот вопрос ответа не дает. Между тем он лежит на поверхности: не религиозные убеждения побуждают таких людей высказываться в пользу возведения церквей, а буржуазный конформизм: без церкви «неудобно», «неэтично», да и у самого города «пострадает общий вид».

Содержится ли в сообщении Фабр-

Люса элемент преувеличения? Возможно. Но сам факт не подлежит сомнению: в то время как во Франции многие всемирно знаменитые храмы пустуют, в стране строятся новые церкви. Речь идет об одном из типичных для капиталистического общества парадоксов, стоящем в ряду с другими проявлениями его кризиса: когда огромное количество продовольствия уничтожается, а миллионы людей недоедают, когда множество домов и квартир свободны, а тысячи семей лишены крова.

Пока существует эта социальная система, не может быть и речи об отмирании религии. К тому же нельзя сбрасывать со счета и «внутренние» потенции далеко еще не распавшегося церковного организма, его значительные материальные возможности, многовековой опыт приспособления к конкретным социально-историческим условиям.

Разумеется, исторический пессимизм — явление закономерное для всех уходящих классов и социальных слоев. Но клерикальные идеологи при этом могут сгущать краски и вполне обдуманно — в расчете вызвать тревогу среди правящих кругов капиталистических государств, чтобы те уделяли больше внимания (и материальных средств!) нуждам религиозных организаций.

Однако если церковь занемогла даже на Западе, где господствующие классы делают все для ее благоденствия, то вполне естественно, что кризис, ныне переживаемый ею во всем мире, оказывается еще глубже там, где подорваны социальные корни религии и ведется каждодневная работа по атеистическому просвещению масс. Тем не менее наши клерикальные оппоненты с таким вы-

водом не согласны. Да, признают они, церковь тяжело больна, но... только на Западе. А вот в Советском Союзе она не может быть подвержена даже легкому недомоганию. Если же она и здесь испытывает трудности, то исключительно из-за «притеснений».

Вот, например, что думает на сей счет сионист и клерикал В. Малька. Обвиняя нашу страну в «уничтожении еврейской национальной культуры», важнейший компонент которой, по его мнению, составляют иудаистские «духовные ценности», этот «теоретик», обращаясь к судьбам иудаизма в «свободном мире», проявляет совсем иной подход. Индустриальное и техническое развитие, различные революционные трансформации в системах мышления — вот что, пишет он, способствовало отходу многих евреев на Западе от традиций предков. Талмудические законы представляются им столь тяжкими и непонятными, что они отбрасывают свою религию целиком. Нынешнее поколение евреев на Западе пользуется по субботам метро, автомобилем, лифтом. Отцы строго соблюдали пищевые запреты, но сыновья, у которых имеются общественные обязанности, уже не обращают на них никакого внимания.

Стало быть, секуляризирующую функцию автомашины и метрополитена по отношению к большинству евреев клерикальный автор признает, но только применительно к жителям капиталистических стран. Выходит, московское или киевское метро, наши «Волги» и «Жигули» никакого аналогичного воздействия на советских евреев оказывать «не могут»! Общественные обязанности? Да, они роковым для иудаизма образом ска-

зываются на умонастроении и поведении еврейского населения, но опять-таки лишь на Западе. У евреев же в Советском Союзе то ли вовсе нет подобных обязанностей, то ли последние на них никак не влияют — такова по сути дела «логика» сионистского дезинформатора, для которого отход от религии огромного большинства граждан СССР есть следствие «административного нажима», а не результат воздействия хотя бы тех же самых объективных обстоятельств, наличие которых В. Малька с такой похвальной трезвостью учитывает, когда толкует о западных больших городах и проживающих в них евреях.

Такая «парадоксальность» позиции наших идейных противников еще разительнее бросается в глаза, если учесть, что во многих конфессиях, включая православие, симптомы кризиса давали о себе знать еще во времена царизма. Это было обусловлено подъемом революционного движения, который сопровождался тем, что Россия, по образному выражению В. И. Ленина, уже в годы первой русской революции «совлекла с себя ветхого Адама»*, а также постепенным преодолением крепостнических пережитков, ослаблением патриархальщины в деревне, известным прогрессом науки и техники, падением морального авторитета духовенства.

Впрочем, такое видение проблемы не просто теоретически несостоятельно, но отмечено и печатью антисоветизма. Ибо дело тут не только и не столько в узости кругозора, сколько в сознательном разжигании вражды к Советской стране. Если бы клерикальная реакция отважилась признать, что и в условиях социализма религиозные организации неизбежно должны переживать кризис по меньшей мере столь же сильный, как и в мире капитала, то это вообще вышло бы почвой из-под современной клерикальной пропаганды, лишив ее главного, антикоммунистического и антисоветского, содержания.

Таким образом, как видим, клерикальной пропаганде свойствен еще один логический порок, который заключается в признании действительно серьезной кризисной ситуации в церковной жизни капиталистического мира при недопущении даже мысли о существовании подобных же явлений в религиозной сфере в условиях развитого социализма. Понимание этой особенности пропагандистской машины наших идейных противников чрезвычайно важно для уяснения всего механизма клерикальной «советологии» и одновременно для эффективной борьбы с ней.

г. К и ш и н е в

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 313.

ПЕРЕСТАРАЛСЯ

Один лютеранский пастор из-под Бергена (Норвегия) утверждает, будто он с абсолютной достоверностью установил, что в тело его прихожанки, студентки, вселились 10 демонов, в том числе демоны алкоголя и никотина. Пастор безотлагательно приступил к изгнанию демонов, но процедура затянулась и дело получило широкую огласку. Даже епископ Осло Аарфлет оказался вынужден выразить по этому поводу «сожаление столь поспешными действиями».

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ

Еще лет 10 назад в канцеляриях папской курии, как и в прошлые века, скрипели перьями одни мужчины. В наши дни среди трех тысяч ватиканских служащих насчитывается уже 250 женщин.

МЕРТВЫЕ ПОМОГАЮТ ЖИВЫМ

Епископ графства Йоркшир (Великобритания) наказал одного приходского священника за то, что тот продавал американским туристам старые могильные памятники и надгробные плиты. Столь необычную коммерческую сделку пастор объяснил тем, что паства жертвует на церковь все меньше и меньше. «Нет ничего плохого в том, что в такую тяжелую годовину живые получают помощь от мертвых», — сказал поштрафивший пастыр.

ФОРМУЛА ПОЦЕЛУЯ

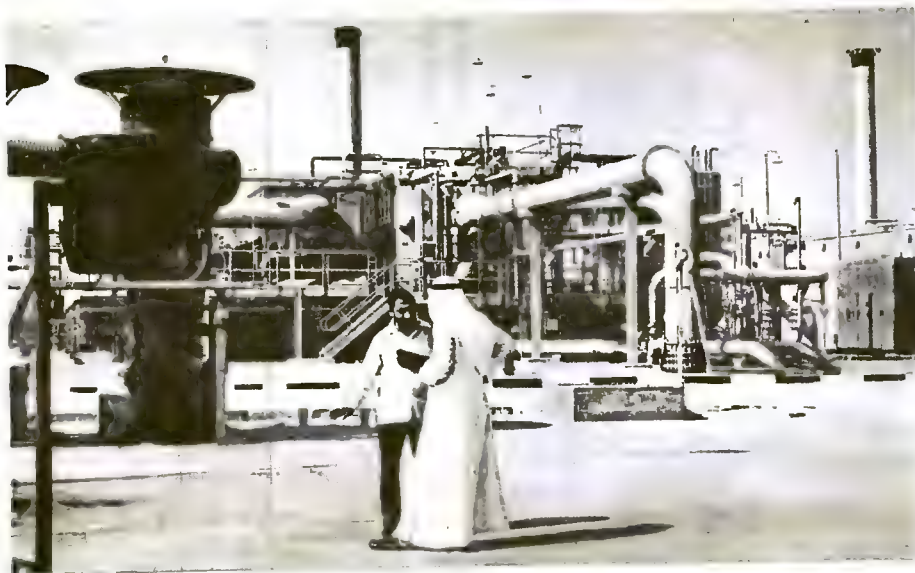
Западные ученые проделали такой эксперимент: попросили у одной верующей, после того как она приложилась к иконе, мазок с ее губ. Микробиологический анализ обнаружил 22 тысячи разных бактерий.

А. ОСТАЛЬСКИЙ

Солнце, время, ветер сгладили эти древние сналы.

ГОРЬКИЕ И СЛАДКИЕ ПЛОДЫ • НЕФТЯНОЙ РЕВОЛЮЦИИ •

Саудовская Аравия — крупная нефтяная держава.

Что произошло в Мекке в ноябре прошлого года? Почему было совершено нападение на мусульманскую мечеть?

с. Джинаби
Дагестанской АССР

Г. Рамаданов

В конце 1979 года в колыбели ислама — Саудовской Аравии — произошло событие, потрясшее весь мусульманский мир. 20 ноября, в день, когда хиджра вступала в свое 15-е столетие¹, было совершено нападение на главную святыню ислама — Большую мечеть в городе Мекке, на родине пророка Мухаммеда, известную под названием «Аль-Масджид аль-Харам» (Святая мечеть).

В это время около 50 тысяч мусульман, в том числе многочисленные памятники из разных стран мира, собрались в Большой мечети, во внутреннем дворе которой находится священная Кааба², чтобы совершить утренний намаз. Вдруг молящиеся услышали выстрелы и крики: «Аллах акбар!» («Аллах велик!»).

Примерно 500 человек, вооруженных автоматами, винтовками, пистолетами и холодным оружием, захватили мечеть, закрыли изнутри все ее ворота (их насчитывается 62) и взяли около тысячи заложников. После некоторого замешательства — ведь событие чрезвычайное — король Аравии Халед созвал Совет улемов (высшего духовенства) на экстренное заседание, которое приняло беспрецедентную фетву (решение), разрешившую пролить кровь на территории Святой мечети. Как гласит закон, не только в мечети, но и в самой Мекке и ее пригородах запрещается убивать даже муху.

В главной мусульманской святыне и вокруг нее разыгралась настоящая битва. Лишь через две недели саудовской национальной гвардии удалось освободить мечеть и заложников. При этом гвардейцы вынуждены были применить вертолеты и бронемашину. В ходе боя были серьезно повреждены стены мечети и два минарета, пострадали ворота, в том числе главные — восточные, совсем недавно, специально к началу нового столетия, заново изготовленные лучшими мастерами арабского мира. Новые ворота, высотой 4 и шириной — 3,5 метра, были сделаны из самых дорогих сортов черного дерева и отделаны золотом (его потребовалось 420 килограммов!). Особенно упорные бои шли в подвальных помещениях, где солдатам приходилось штурмом брать почти каждую из 270 комнат. В ходе военной операции погибло более 60 саудовских солдат и около 300 повстанцев, 170 человек были взяты в плен. Позднее 63 участника нападения были публично казнены, остальные, в том числе женщины и дети, приговорены к различным годам тюремного заключения.

Мало конкретных сведений о нападении на мечеть аль-Харам в Мекке про-

¹ Хиджра — мусульманское летосчисление, начавшееся 16 июля 622 г н. э., когда, согласно преданию, пророк Мухаммед бежал из Мекки в Ятриб (Медину) — первый город мира, принявший ислам. По хиджре, год продолжается 354—355 дней и каждый новый год приходит на 11 дней ранее предыдущего. Начало нового месяца (их в мусульманском календаре 12) совпадает с моментом новолуния.

² Кааба (от арабского «каа'ба» — куб) — кубообразное каменное сооружение во дворе мечети, задрапированное черной тканью, высотой около 7 метров, длина каждой стены около 6 метров. Подробнее об этом храме см. в статье О. Герасимова, стр. 56 этого номера.

сочилось в печать. Официальные сообщения были крайне скудными — власти постарались тщательно засекретить эти события и их подоплеку. Однако и арабские и западные политические обозреватели и журналисты, основываясь на имеющихся фактах, пишут, что нападение обратились к правительству с рядом требований, религиозных по форме (призыв к строгому соблюдению норм ислама), но политических по существу. В частности, по свидетельствам очевидцев, опубликованным в западно-европейских, ливанских и марокканских газетах, повстанцы требовали демократизации общественной жизни страны и ограничения чрезмерной зависимости Саудовской Аравии от капиталистического Запада. Обозреватели единодушно приходят к выводу, что нападение на Большую мечеть — событие прискорбное, как и всякий акт террора, — явилось симптомом социально-политического кризиса в этой стране.

Королевство Саудовская Аравия — сравнительно молодое государство. В 1927 году на политической карте мира появился его прообраз — королевство «Хиджаза, Неджда и присоединенных областей», в котором правитель «крупного эмирата» — Неджда Абдель Азиз ибн Сауд объединил несколько арабских княжеств, находившихся многие века под иностранной властью.

Саудовская Аравия гордится своей историей. Именно здесь, на Аравийском полуострове, — родина арабских народов, которых сейчас насчитывают около 100 миллионов человек и которые населяют огромные территории. Здесь зародилась одна из мировых религий — ислам и находятся главные его святыни. Правители королевства претендуют на роль лидеров всего мусульманского мира и заявляют, что эта роль принадлежит им по праву, так как именно их страна — «колыбель и страж ислама».

Исследователи называют разновидность мусульманской религии, исповедуемой населением Саудовской Аравии, ваххабизмом — по имени основателя этого течения шейха Мухаммеда ибн Абдель Ваххаба, известного реформатора ислама. Однако сами саудовцы не признают этого термина, утверждая, что их вера — не реформированный, а самый «истинный» ислам, точно соответствующий заветам пророка.

Учение ибн Абдель Ваххаба появилось в XVIII столетии, в тот период, когда усилилась борьба за создание единого, централизованного феодального государства на Аравийском полуострове. Правитель Деррий — Мухаммед ибн Сауд заключил с ибн Абдель Ваххабом союз, заложивший основы саудовской государственности. До сих пор это королевство управляется своего рода коалицией эмиров — потомков ибн Сауда и улемов, происходящих от ибн Абдель Ваххаба и автоматически занимающих важные посты муфтия и верховного судьи страны.

Вооружившись лозунгом «чистого ислама», Мухаммед Сауд с благословения шейха начал в XVIII веке «священную войну» — джихад — за освобождение аравийских земель от турецкого владычества. Национально-освободительное движение ваххабитов, возглавляемое различными представителями династии Саудидов, продолжалось почти два столетия и завершилось объединением

Саудовской Аравии. И сегодня доктрина ваххабизма остается основой саудовского общества.

Формально она не выходит за рамки одного из толков классического ислама — ханбализма, но напоминает, тем не менее, аскетическое и пуританское учение ранних хариджитов³. Законными признаются только четыре суннитские религиозно-юридические школы (мазхабы): помимо ханбализма — ханифизм, маликизм и шафиизм, названные по именам своих основателей — толкователей религиозного права, а также Сунна⁴. Все остальные учения и толкования ислама категорически отвергаются.

Так же как хариджиты, ваххабиты считают (по крайней мере, теоретически) всех мусульман, не разделяющих их точку зрения, «неверными». «Ересь» интерпретируется очень широко. Совершенно отвергается культ святых. Не только поклонение «священным предметам» и святым, но даже упоминание имен последних в молитвах считается великим грехом. Жестокое наказание и ныне ждет каждого, кто будет уличен в супружеской неверности (особенно страшна участь женщины — она будет привязана к столбу и забита камнями, как это и произошло недавно с одной саудовской принцессой), в употреблении алкоголя, курении, бритье бороды и сквернословии. Вору здесь, как, впрочем, и в некоторых других мусульманских государствах, отрубает руку. За последние годы несколько европейцев, замеченных в употреблении спиртного, были публично выпороты плетями. При этом не помогли ни демарши посольств и министерств иностранных дел, ни протесты западной общественности.

Пуританская мораль ваххабизма — это мораль феодального средневековья, с его жестокостью, аскетизмом и примитивной добродетелью. Сегодня она переживает кризис, порожденный столкновением с моралью буржуазной, неизбежно проникающей в саудовское общество.

Почти всю территорию Саудовской Аравии занимают бесплодные пустыни. Эта земля была издревле враждебна человеку и гнала от себя людей на север, на поиски лучшей доли. Только «малочисленные племена бедуинов, которые приспособились довольствоваться пригоршней фиников и кружкой верблюжьего молока и проводить целые дни напролет на верблюде под палящим солнцем, продолжали кочевать от одного оазиса к другому.

Численность населения этого крупнейшего государства Ближнего и Среднего Востока, с территорией около 2,4 миллиона квадратных километров оценивается по-разному — от 4 до 7 миллионов человек (переписи никогда не проводились).

Еще недавно в стране не было ни промышленности, ни сельского хозяйства (по крайней мере, в нашем понимании). Маленькие города, созданные как перевалочные пункты на караванных путях, были типичными поселениями раннего средневековья. Даже рабство официально запретили здесь только в начале 60-х годов. Подавляющее большинство населения было неграмотно. Центральные газеты, также появившиеся не столь давно (например, «Указ»), печатали обстоятельные «научные трактаты», доказывающие, что Земля «име-

ет форму плоскости» и вокруг нее вращается Солнце.

И вдруг произошло событие, подобное взрыву, — «нефтяная революция». Сейчас Саудовская Аравия считается крупнейшим в мире экспортером «черного золота». В ее недрах находится около одной четверти всех разведанных запасов капиталистических стран. Королевство добывает около 9,5 миллиона баррелей⁵ нефти в день и почти все добытое продает. Экономика страны стала развиваться сравнительно быстро, если учесть, что несколько лет назад она началась буквально с нуля. Уже действует несколько нефтеперерабатывающих заводов и других предприятий. Начато сооружение двух гигантских промышленных комплексов в Аль-Джубайле и Янбо («Речь идет о крупнейшем, небывалом в истории человечества проекте», — заявил его руководитель Ф. Ахдар). Достаточно сказать, что на выполнение плана экономического и социального развития на 1976—1980 годы ассигнована астрономическая сумма — 142 миллиарда долларов. Однако примитивное хозяйство, страдающее даже на нынешнем этапе от острой нехватки рабочих рук, не говоря уже о квалифицированных инженерно-технических кадрах, просто не способно освоить даже не слишком большую часть средств государства.

К тому же у правителей страны есть серьезные основания особенно не форсировать экономическое развитие. Социальные сдвиги, коренные изменения в структуре общества, рост пролетариата и национальной буржуазии — неизбежные следствия индустриализации — вызывают глубокую тревогу и неуверенность в будущем у шейхов и эмиров.

В силу всех этих причин правительство помещает ежегодно огромные средства на Западе, прежде всего в США. Точно неизвестно, какие суммы вложены королевством в акции крупнейших западных монополий, другие ценные бумаги, в недвижимость, земельные участки, произведения искусства и т. д. Саудовский вклад в Международный банк реконструкции и развития (МБРР) приближается к 500 миллионам долларов. Кроме того, Саудовская Аравия ежегодно закупает на огромные суммы вооружение, продовольствие, товары первой необходимости и предметы роскоши, оборудование — все в основном американского производства. Покупается даже пресная вода. Таким образом, Эр-Рияд, по существу, оказывает американской и вообще западной капиталистической экономике в целом ощутимую помощь, «спасает» их платежный баланс, поддерживает курс доллара.

«Нефтяной вклад» принес богатство и процветание лишь небольшой прослойке саудовской элиты. Члены королев-

³ Хариджиты — приверженцы одной из ранних мусульманских сект, отличались исключительными религиозным аскетизмом. Их идеология отражала чаяния народных масс, видевших в строгом соблюдении религиозных догм путь к достижению социального равенства.

⁴ Сунна (обычай, предание) — собрание хадисов (рассказов) о высказываниях и деятельности пророка Мухаммеда, в суннитском исламе — второй после Корана источник вероучения и мусульманского права.

⁵ Баррель — международная единица измерения объема нефти, равная приблизительно 159 литрам.

ской семьи, тесно связанные с ней дельцы (такие, например, как всемирно известный миллиардер Аднан Хашогги — сын личного врача короля Халеда ибн Сауда), хиджазские купцы, знатные Неджда, как по мановению волшебной палочки, вдруг превратились в буржуа — компаньонов, промышленников, банкиров, финансовых воротил. Западные газеты и журналы меланхолично отмечают, что нувориши из Саудовской Аравии и других арабских нефтедобывающих стран, как саранча, ворвались в Европу и Америку, скупая все подряд, вытесняя местную золотую молодежь из фешенебельных казино и игорных домов, с самых модных курортов — Канна, Лазурного берега и Марбельи. Приезжая с огромными свитами, они снимают целые этажи в отелях и клиниках. Король Халед заказал самолет «Боинг» индивидуальной модели стоимостью 52,6 миллиона долларов — с ваннами, современной клиникой (есть и операционная) и позолоченным трюмом!

Трудящимся же Саудовской Аравии перепадают лишь жалкие крохи от «нефтяного пирога». И хотя зарплата их за последнее десятилетие увеличилась примерно в три раза, инфляция, темпы которой достигают 50 процентов в год, быстро уничтожает эти преимущества. Выросшие в пустыне суперсовременные небоскребы окружены жалкими лачугами рабочих. Контраст между имущественным положением верхов и низов саудовского общества становится все очевиднее для широких масс, постепенно обретающих социальное зрение, вызывает у них все большую горечь и чувство унижения.

В любом провинциальном центре страны можно наблюдать, как в губернаторском дворце один из многочисленных принцев приветствует каждое утро своих посетителей — в основном простых подданных, которые целуют его в плечо, лоб. Люди приходят к нему, чтобы изложить жалобу, просить о справедливом решении или просто засвидетельствовать губернатору свое почтение. Такая форма «связи с народом» заменяет в Саудовской Аравии все виды демократии. В стране по-прежнему нет конституции, парламента и политических партий. Единственным источником права остается шариа.

Однако правящей верхушке становится все труднее даже делать вид, что эта сверххаичная система правления сохраняет свою эффективность в условиях развития производственных отношений и роста уровня грамотности, образования, культуры, а следовательно, и критического начала в сознании людей. Инженеры и администраторы, получившие образование в лучших университетах США и Западной Европы (так называемая «калифорнийская мафия»), все чаще критикуют короля и принцев за неспособность справиться с коррупцией и непроизводительными расходами. В той же газете «Указ», не так давно толковавшей о «плоской земле», появилась любопытная статья: ее автор возмущался бесправием саудовской женщины, которой по-прежнему закрыты пути почти ко всем профессиям (и это — при нехватке рабочих рук, ставшей национальной проблемой), которой нельзя ходить с открытым лицом, появляться на улице без сопровождения

мужчины, водить автомобиль и т. д. Новые социально активные слои уже не удовлетворяются отменной рабства, разрешением телевидения и радио, женского образования. Вопрос о демократизации встает все острее.

Еще одна причина разногласий и брожения в саудовском обществе — тесные связи страны с США. Американский империализм использует свои «особые экономические отношения» с Эр-Риядом для оказания на страну грубого нажима. Прежде всего это касается нефти — саудовские поставки составляют одну четверть всего американского нефтяного импорта. Причем США получают отсюда высококачественную (так называемую «легкую») нефть почти в полтора раза дешевле, чем от других членов Организации стран — экспортеров нефти. Вашингтон настаивает, чтобы королевство значительно увеличило добычу и продажу нефти, хотя саудовские руководители неоднократно заявляли, что страна и так добывает ее примерно в три раза больше, чем требуют интересы нормального экономического развития, и увеличение добычи приведет к чрезмерно быстрому истощению ресурсов. К тому же известно, что нефть, лежащая в земле, дороже добытой.

Белому дому очень хотелось бы также, чтобы Эр-Рияд поддержал сепаратную израильско-египетскую сделку, начинающую антиарабское «урегулирование» на Ближнем Востоке и закрепление израильской оккупации, или, по крайней мере, сохранял бы «нейтралитет». Однако Саудовская Аравия уже отказалась следовать в фарватере произраильской политики США, отвергла путь капитуляции и присоединилась к подавляющему большинству арабских государств, решительно осудивших предательство египетским режимом общеарабских интересов.

Однако нажим на страну со стороны Вашингтона не ослабевает, а усиливается, особенно после падения шахского режима в Иране. США пытаются компенсировать эту потерю созданием на основе кэмп-дэвидской сделки нового военно-политического блока для борьбы против национально-освободительных движений на Ближнем Востоке, защиты нефтепромыслов (от народов, которым они по праву принадлежат) и путей снабжения Запада нефтью. Все это порождает напряжение в саудовском обществе, в том числе, как утверждают французская газета «Матэн» и американская «Вашингтон пост», даже в королевской семье.

Теперь вернемся к тому, с чего был начат наш рассказ, — к нападению на мечеть в Мекке. Судя по некоторым сообщениям, оно не было такой уж неожиданностью для саудовских руководителей. Английский информационный бюллетень «Форин рипорт» писал, в частности, что еще в августе правительству королевства стало известно о создании в регулярной армии тайных ячеек и нелегальном ввозе в страну крупных партий оружия, приобретенного, видимо, на «черном рынке» в Бейруте.

В сентябре были приняты специальные меры безопасности: произведены аресты, прежде всего, среди офицеров ВВС, в танковых и пехотных частях. И все же в сентябре начали распространяться листовки. Некоторые из них призывали вернуться к «чистым» догмам

ваххабизма, другие — изгнать иностранцев из страны, третьи — свергнуть правительство. Саудовская армия была приведена в состояние боевой готовности. За четыре дня до событий в Мекке, подчеркивает бюллетень, небольшие вооруженные отряды начали открыто действовать в районе севернее Медины.

В день нападения на Большую мечеть, продолжает «Форин рипорт» (и эти сведения подтверждаются многими западными газетами и журналами), была предпринята попытка захватить гробницу пророка в Медине. Однако там напавшие получили отпор со стороны подразделений национальной гвардии, видимо, предупрежденных заранее о возможном нападении. Согласно бюллетеню, в Медине в результате боя между гвардейцами и повстанцами погибли более 250 человек. Одновременно, пишет французская газета «Матэн», произошли массовые демонстрации рабочих обширных нефтепромыслов восточной части страны. На разгон демонстрантов были брошены войска.

Некоторые падкие до дешевой сенсации сомнительного свойства западные журналисты попытались объявить события в Саудовской Аравии не проявлением внутреннего кризиса, а следствием некоего «коммунистического заговора» и даже чуть ли не прямого вмешательства социалистических и прогрессивных государств. Такого рода «утки» западная печать пускает в последнее время каждый раз при возникновении любого кризиса в любой капиталистической или развивающейся стране, придерживающейся капиталистического пути развития. На этот раз ответ на выдумки дал неофициальный глава правительства Саудовской Аравии наследный принц Фахд, которого невозможно заподозрить хотя бы в малейших симпатиях к коммунизму и социализму. Он заявил, что расследование событий в Мекке со всей очевидностью показало: в них не были замешаны никакие иностранные силы, ни прямо, ни косвенно.

Сейчас еще трудно прийти к какому-либо определенному выводу, какие именно силы стояли за хорошо организованным нападением на главную святыню ислама. Однако, по свидетельству некоторых авторитетных органов печати восточных стран, захват мечети отнюдь не был операцией, осуществленной «куческой отступников от ислама», как сообщалось в печати Саудовской Аравии. Среди различных сил, принявших в нем участие, называют группу «Ас-Салаф ас-Салех», призывающую вернуться к первоначальному «чистому» исламу, покончить с нынешним саудовским режимом, прекратить поставки нефти США, поскольку именно они поддерживают существующие в Саудовской Аравии порядки. В целом по стране приняли участие в антиправительственных выступлениях около 10 тысяч человек. К этим силам причастно и религиозное движение, приветствовавшее иранскую революцию.

Как бы то ни было, ясно одно: гром, раздавшийся в Мекке в начале XV века хиджры, еще долго будет глухим эхом отдаваться в общественно-политической жизни Саудовской Аравии.

ОДНАЖДЫ я оказался в качестве транзитного пассажира в аэропорту города Джидды. Это воздушные и морские ворота Саудовской Аравии. Именно сюда прибывают сначала паломники, совершающие хадж¹ в главный священный город мусульман — Мекку. Правила здесь таковы, что транзитные пассажиры-немусульмане должны оставаться на борту самолета. Но нас, советскую делегацию, после некоторого колебания аэродромное начальство проводило в здание аэропорта. Жаркий воздух был насыщен запахом моря и плавящегося асфальта. Бешено вращались потолочные вентиляторы. Это было время окончания хаджа, и мы увидели множество паломников, ожидающих своей очереди возвращаться домой. Молчаливые, безучастные ко всему, они сидели группами и в одиночку, кто на скамьях, кто прямо на кафельном полу. Хадж требует от мусульманина большого и душевного и физического напряжения. И вот теперь, после насыщенных сильными впечатлениями многих дней наступила разрядка...

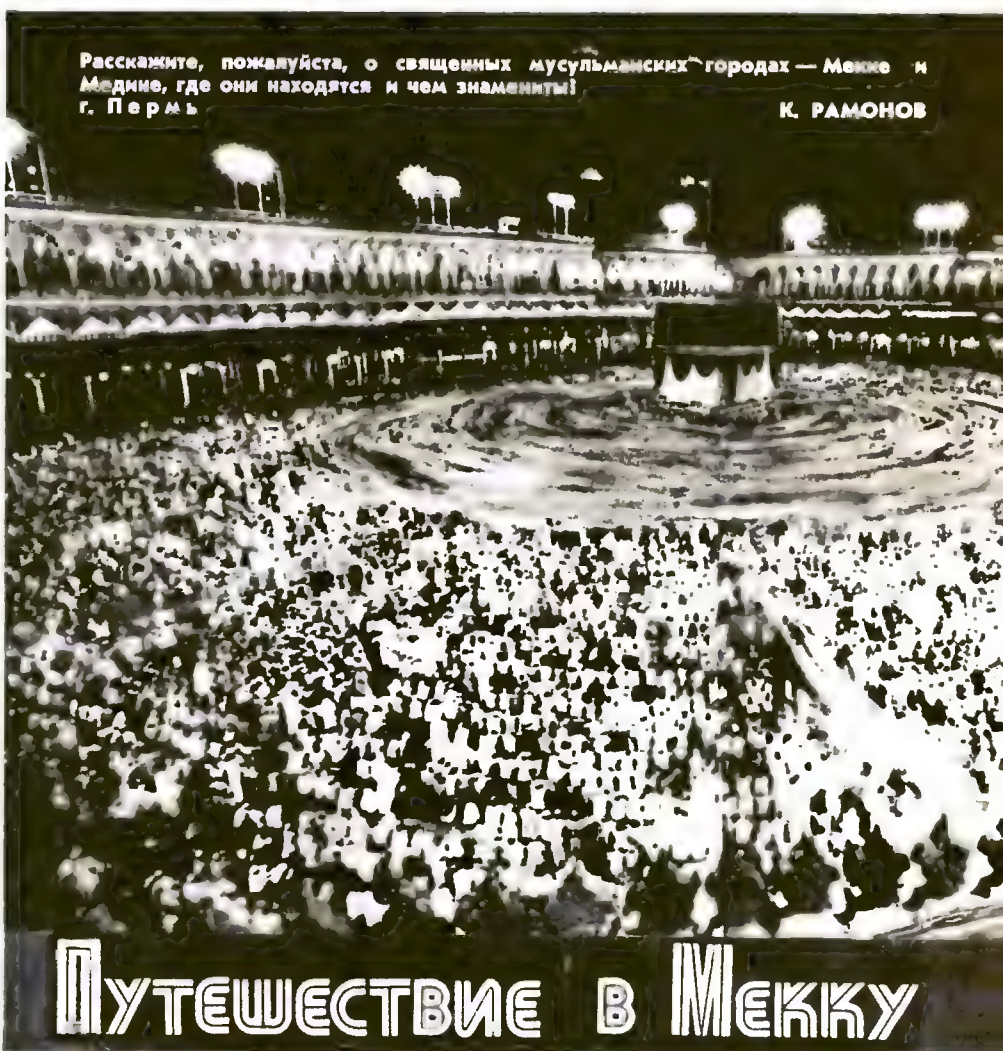
Аэропорт в Джидде оказался вполне на уровне международных стандартов. Известно, что он оснащен сегодня самой передовой техникой. На это саудовское правительство не жалеет средств. Ведь в месяц паломничества — зуль-хиджа сюда прибывают около полутора миллионов человек, и в основном все по воздуху: современные паломники берегут время.

В Саудовской Аравии сегодня нет коренных жителей, исповедующих другую религию, кроме ислама. Для получения въездной визы в страну необходимо представить документ о вероисповедании, неверующим виза не выдается: атеизм преследуется в Саудовской Аравии законом. Посещение немусульманами Мекки и Медины — другого священного города мусульман — не разрешается. Вокруг них построена охранный дорога, именуемая «дорогой христиан». По ней следуют путешествующие по стране немусульмане, чтобы миновать эти запретные для них города. Если представитель другого вероисповедания, оказавшийся вольно или невольно в Мекке или Медине, будет разоблачен, ему грозит самосуд или, в лучшем случае, тюремное заключение. Недаром эти города имеют у арабов особый эпитет: «аль-харамейн» — «два запретных». У каждого из них есть и свое название: Мекка — благословенная, мать городов, Медина — лучезарная.

Одна западная газета писала: «Джидда — окно, через которое иностранцы пытаются заглянуть внутрь Аравии, но оно часто остается плотно занавешенным». И все же история знает немало отчаянных европейцев, которые проникли и в Мекку, и в Медину. Многие из них поплатились за это жизнью. Не всеми двигало только любопытство или авантюризм. Были среди этих дерзких смельчаков и ученые, которые хотели лучше узнать религиозную жизнь арабов, увидеть древние строения и гробницы, которыми славен Хиджаз — так называется область на Западе Аравии, где расположены эти города. Привлекал ученых и таинственный черный камень, находящийся в храме Кааба в Мекке, да и сам этот храм, сооружение, несомненно, древнее. В Мекку проник в 1883 году голландский востоковед Снук

Расскажите, пожалуйста, о священных мусульманских городах — Мекке и Медине, где они находятся и чем знамениты!

г. Пермь К. РАМОНОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ В МЕККУ

О. ГЕРАСИМОВ,
действительный член Географического общества АН СССР

Хюргорные под именем Абдул Гаффара и чудом избежал расправы. Побывал в Мекке и Медине в прошлом веке венгерский ученый Вамбери...

Я решил довольствоваться мысленным путешествием по этим городам. Путеводителем в этом случае служит история арабов, на чьей земле в VII веке возникла третья мировая религия — ислам. Ей суждено было распространиться среди значительной части населения земного шара.

В Мекке в 570 году родился пророк Мухаммед, возвестивший миру о новой религии. Здесь он стал произносить проповеди от имени Аллаха, составившие впоследствии Коран — главную священную книгу ислама. В сторону Мекки обращает свое лицо мусульманин во время молитвы, где бы он ни находился. Не менее знаменита, пожалуй, и Медина, куда непризнанный в Мекке пророк переселился со своими сподвижниками в 622 году, основал здесь первую общину. Тут он и похоронен, его гробница в мечети, которая называется «Мечеть пророка».

Хадж в Мекку в месяце зуль-хиджа — 12-м в мусульманском календаре — считается одним из пяти «столпов» ислама. Каждый мусульманин должен хотя бы один раз в жизни посетить Мекку — так предписывает ему его ре-

лигия. Однако далеко не всем это удается, и поэтому в Коране есть оговорка: должен, если только он в состоянии совершить это... Паломники посещают храм Кааба и совершают несколько специальных обрядов. Со временем в хадж вошло и поклонение могиле Мухаммеда в Медине, и молитвы в ряде исторических мечетей Хиджаза (хотя это и не обязательно).

Первые ритуалы паломничества связаны с храмом Кааба. Он расположен в середине Мекки, в низине. Это сооружение из серого камня, напоминающее по форме куба (слово «каа'ба» в переводе с арабского означает «куб»), однако, строго говоря, здание прямоугольное, высота его около семи метров, сторона равна примерно шести метрам.

Кааба окружена множеством легенд. Одна из них рассказывает, что храм висит в воздухе. Служители Большой мечети, в центре которой находится Кааба, посмеиваются над этой сказкой. Ей может поверить лишь тот, кто не был в Мекке. Дело вот в чем. Кааба накрыта сверху черным покрывалом — кисвой, спадающим до ее фундамента. Чуть выше середины на покрывале вышиты золотыми нитками слова из Корана — полосой около метра шириной. Если

¹ Хадж в переводе с арабского и означает паломничество.

Кааба
в дни
хаджжа

и МЕДИНУ

смотреть из города вниз на Каабу, то в знойном мареве кажется, что верхняя часть храма парит в воздухе.

Другая легенда говорит, что Каабу построил еще Авраам (в исламе — Ибрагим) и его сын Исмаил — прародитель всех арабов. Возраст Каабы точно неизвестен (всякие научные изыскания на территории Хиджаза вообще запрещены), но, как бы то ни было, она существовала и до появления ислама, и до появления на свет Мухаммеда. В храме «жили» идолы — боги арабских племен, и обычай паломничества к Каабе сложился задолго до ислама. С древних времен существовал и значительный черный камень Каабы. Сейчас он вделан в нишу в юго-восточной стене храма. Поклонение черному камню было одним из проявлений языческого культа камней². Черный камень на самом деле «упал с неба» — его метеоритное происхождение не вызывает сомнения. Еще в доисламские времена участники ритуальных процессий старались прикоснуться к нему, надеясь, что заключенная в нем сила перейдет к ним.

По преданию, предок пророка Мухаммеда Кусай по прозвищу Курейш (акуленок) обладал большой властью в своем племени, осевшем издавна в Мекке. Были у него и такие почетные и

важные обязанности, как хиджаба — хранение ключей от Каабы, сикая — снабжение водой паломников, приходивших к этому храму, и ридаф — сбор средств на содержание храма. Идолы в Каабе находились до тех пор, пока Мухаммед не заключил соглашение с мекканскими вождями. Они приняли ислам, а Мухаммед, изгнав идолов из храма, сохранил его как духовный центр арабов. Он понимал, что не в силах отменить все древние мекканские обряды. Остался в Каабе и черный камень. Мекка стала духовной столицей мусульманского мира; именно тогда Мухаммед объявил ее киблой — направлением молитвы.

В 639 году второй халиф Омар впервые соорудил вокруг Каабы стену и ворота и впервые осветил мечеть ночью. В то время открытая площадь вокруг Каабы занимала 30 тысяч квадратных метров. Сегодня же эта площадь увеличена до 160 тысяч квадратных метров, и здесь могут одновременно молиться около 300 тысяч человек. Она вымощена камнем и обнесена двухэтажной галереей. Рядом с Каабой источник (колодец) Земзем под небольшим куполом, неподалеку — белый камень с отпечатком, похожим на человеческую ступню, — по преданию, на него становился Ибрагим, когда строил Каабу.

Сама Кааба никогда не перестраивалась. В ней одна дверь. Она находится на высоте двух метров от земли. Внутри — никакой мебели, только множество ламп и надписей. Пол выстлан мраморными плитами. Два раза в году — до хаджжа и после него — внутреннее помещение убирается, причем в этой уборке принимают участие король Саудовской Аравии, члены королевской семьи. В ход идут пальмовые ветки, смоченные розовой водой, мускусом и другими благовониями. Король Саудовской Аравии носит еще и титул хранителя священных городов, и участие в уборке Каабы — его почетная обязанность.

В истории Каабы и черного камня за 14 веков ислама было несколько трагических моментов. В 683 году от пожара, случившегося в мечети, черный камень раскопался, и мусульманский мир был в большом замешательстве. В 930 году карматы — представители одной из ветвей шиитской секты исмаилитов — захватили Мекку, выломали черный камень из стены Каабы и увезли его на другой конец полуострова — в столицу основанного ими своего государства — Хуфуф. Карматы потребовали, чтобы мусульмане совершали паломничество в их столицу. 20 лет черный камень находился у них. Они вернули его лишь после большого выкупа.

Одно из сильных потрясений Мекка пережила в начале XIX века, когда ваххабиты — последователи учения Абдель Ваххаба в борьбе за «чистоту ислама» (их иногда называют пуританами ислама) демонстрировали не только особое рвение в точном выполнении обрядов, но и простоту нравов и отношений в своей среде. В 1804 году они разрушили роскошные надгробья над могилами мусульманских проповедников и стали вводить порядки в соответствии со своим примитивным пониманием нравственности в исламе. До этого паломники появлялись в священных городах увешанные дорогим оружием, с музыкальными инструментами, часто даже со спиртными напитками и в сопрово-

ждении женщин. Ваххабиты решили положить этому конец. Завладев властью в священных городах, они стали год от года повышать сборы с таких паломников, а часто просто не пускали их к себе. Нищие кочевники, приходившие в Хиджаз из знойных пустынь и каменистых долин Аравии, совершали паломничество к Каабе и клали у ее дверей две-три черные drobники в качестве своего подношения Аллаху. Так было долгое время, но сегодня представления изменились. Большая мечеть в Мекке, реконструированная в 1952 году саудовским правительством, считается самым богатым культовым сооружением мусульманского мира. Состоятельные мусульмане не скупятся на пожертвования главному храму.

На пути в Саудовскую Аравию паломники покупают специальную одежду — ихрам, чтобы облачиться в нее перед тем, как войти в Мекку. Это две полосы белой ткани, одной из них оборачиваются ниже пояса, другой — пошире — закрывают верхнюю часть тела. Если паломник отправляется в Мекку специальным самолетом, то надевает ихрам уже перед отъездом. Женщины-паломницы надевают белое (или зеленое) просторное платье. Они в этот период могут не закрывать лицо в присутствии посторонних мужчин, как того вообще требует ислам, однако мусульманки редко пользуются этой привилегией. Обувь паломников тоже не должна иметь швов и застежек. Вступив на «священную» землю, паломники перестают бриться, не стригут волосы и ногти, не курят, не пользуются мылом и т. п. Они не имеют права в границах Мекки убить даже муху, повысить голос (об этом запрете всегда забывали, если разоблачали немусульманина, проникшего в Мекку). Их обязанность — думать, думать, думать о боге.

Войдя в Мекку на седьмой день месяца зуль-хиджжа, паломники совершают установленные более тысячелетия назад церемонии: семь раз обходят Каабу — три раза быстро и четыре медленно — против часовой стрелки, начиная от черного камня, то есть с юго-восточного угла. Эта церемония называется таваф. Кстати, в эти дни Кааба сменяет черное покрывало на белое — она тоже «принимает ихрам». Во время первого обхода паломники заходят внутрь Каабы. Желательно поцеловать черный камень или прикоснуться к нему. Как и в древности, во времена язычества, люди, пришедшие сюда, верят, что сверхъестественная сила исходит к ним при этом прикосновении. Но сегодня толпа паломников настолько плотна, что приблизиться не то что к камню, но даже к стене Каабы удается лишь немногим. Поэтому теперь считается достаточным протянуть в его сторону правую руку.

После тавафа паломники семь раз пробегают между холмами Сафа и Мерва, находящимися вблизи Каабы. Этот ритуал связан с библейской легендой о служанке Агари, которая родила от Ибрагима (Авраама) сына Исмаила, предка всех арабов, и была по настоянию законной жены Сарры изгнана в пустыню. В поисках воды Агарь мета-

² До ислама в Хиджазе широко было распространено поклонение камням — бетилам. Это врытые в землю неотесанные камни. Слово «бетил» происходит от двух слов общесемитского происхождения: «бейт» — дом и «эл» — бог.

Паломники в аэропорту города Джидда. В специальном облачении — в ихраме.

лась по пустыне, пока Аллах не создал источник Земзем, спасший от жажды ее и сына. По другой версии, младенец Исмаил, пока мать искала воду, ударил пятаком в землю и оттуда забил фонтан воды. Сегодня паломники бегают между двумя холмами, повторяя путь Агари, и пьют горько-соленую воду из Земзема (вкус его воды напоминает теплый раствор английской соли). Кстати, сегодня колодец оснащен электронасосом, иначе не напоить всех паломников.

Следующий этап хаджа — обряд вукуф (то есть стояние), совершаемый паломниками 8-го зуль-хиджжа. Они отправляются в долину Мина, в 10 километрах на восток от Мекки, а после этого — в Муздалифу и останавливаются у холма Арафат. По свидетельствам очевидцев, в этот день каменистая пустыня, обычно безлюдная, голая, покрывается палатками, буквально кишит людьми в белых ниспадающих одеждах. Ночь с 8 на 9 зуль-хиджжа проходит в молитвах. На следующий день сюда прибывает мекканский имам. Он въезжает на коне на холм и читает проповедь. Люди стоя слушают его. Это состояние считается кульминационным моментом хаджа, после которого паломники устремляются назад к Мекке.

По дороге они останавливаются в Муздалифе, где собирают семь камней для того, чтобы побить «дьявола». Дьявол символизируют три белых каменных монолита, поставленные в долине, и паломники усердно швыряют один за другим камни, вспоминая о том, что когда-то таким же образом Авраам и пророк Мухаммед воевали здесь с дьяволом и его черным воинством.

В то время, как в Мекке спешат утомленные переходами по пустыне паломники, сюда приближается караван, в составе которого есть один белый верблюд, несущий драгоценную поклажу — «кисву», новое черное покрывало для Каабы.

Белое покрывало снимается, а прошлогодняя черная кисва, которая до этого одевала Каабу, разрезается на мелкие кусочки — они будут проданы паломникам. Каабу окутывают новой кисвой. По давно установившейся тради-

ции, кисву прежде присылали из Египта и Стамбула, однако уже несколько десятков лет она изготавливается на специальном предприятии в Мекке, построенном правительством Саудовской Аравии.

10-го зуль-хиджжа начинается праздник жертвоприношения (ид аль-адха) — главный праздник в исламе³. Он продолжается три дня. Хадж закончен, и люди занятые спешат по домам, к своим повседневным делам и заботам. Наиболее благочестивые мусульмане еще семь раз обходят Каабу, пьют и берут с собой воду Земзема. Если есть время и деньги, паломники направляются в Медину.

А что же представляет собой Мекка? Сегодняшняя Мекка — город с населением в 300 тысяч человек. В дни хаджа он превращается в гигантский людской муравейник. Все жители его обслуживают паломников, которыми заполнены гостиницы и частные дома. За время хаджа мекканцы собирают себе средства на целый год жизни. И говорят, что нравы в этот период падают до самого низкого уровня — царят обман, надувательство, вымогательства, случаются и ограбления. Еще до недавнего времени сотни паломников не возвращались домой, потому что их захватывали и продавали в рабство, которое отменено в Саудовской Аравии лишь в 1962 году.

Второй святой город мусульман — Медина — расположен к северу от Мекки в богатом оазисе. До того как сюда переселился Мухаммед в 622 году, она называлась Ясриб (или Ятриб), а после его приезда за ней укрепилось нынешнее название, означающее «город».

В Медине находятся могилы Мухаммеда, его дочери Фатимы, «праведных» халифов Абу Бакра, Омара, Османа — это все объекты поклонения мусульман. Здесь и гора Оход, возле которой произошло сражение между язычниками-мекканцами и мусульманами во главе с Мухаммедом, оно и принесло окончательную победу пророку. Сегодня в этом городе живут 150 тысяч человек. Они занимаются возделыванием пальм,

выращивают овощи на орошаемых из колодцев землях.

В наши дни поездка в Мекку и Медину — дорогое удовольствие. Обслуживание организовано по четырем категориям. По самой высокой категории оно стоило несколько лет назад 1700 долларов, по самой низкой — 600 долларов. Однако стоимость хаджа растет. Тем не менее каждый год сотни тысяч мусульман, богатых и бедных, направляются в Хиджаз со всех концов мусульманского мира. Богачи уже привыкли пользоваться чековой книжкой даже в святых городах, а бедняк, копивший всю жизнь деньги на поездку к святым местам ислама, часто добирается на попутных машинах или бредет пешком, пряча в лохмотьях несколько золотых монет. Поездка в Мекку из Индонезии и Филиппин или из стран Африки занимает у бедняков несколько лет. На пути они делают остановки и в других странах, и в саудовских городах, чтобы заработать деньги на продолжение пути к Мекке или на обратную дорогу.

В Саудовской Аравии создано специальное министерство по обслуживанию паломников, которое располагает автобусами для их перевозки. Впервые в 1926 году в Саудовскую Аравию было ввезено 30 автомашин фирмы «Форд» — для паломников. К 1930 году их было уже около полутора тысяч. Сегодня их столько, сколько нужно. Для паломников организуются специальные рейсы самолетов авиакомпаний мусульманских стран или фрахтуются самолеты других авиакомпаний.

В течение хаджа вся жизнь страны подчинена ему: паломников надо не только довести до Мекки и отправить обратно, но и накормить, напоить; обеспечить им хотя бы минимальные удобства там, где разбивается белый палаточный городок. Надо создать и запасы специальных сувениров — четок, подарочных Коранов в сафьяновых переплетках и других предметов культа. Недавно паломникам предложили необходимый им в повседневной жизни товар — прибор для определения кыблы — направление молитвы. Его недавно изобрели два итальянских инженера. Это «компас», игла которого постоянно указывает направление на Мекку. Идея прибора родилась у них, когда они, собирая деловые поездки по арабским странам, заметили, что мусульмане нередко затруднялись определить, в какую сторону совершать поклонения.

Мусульманин, совершивший паломничество в Мекку, не только выполняет свой религиозный долг, но и возвышается над своими единоверцами. Считается, что благодаря этому он постиг нечто очень важное и большое. Его уважительно называют «хаджи», и такое обращение к любому мусульманину тешит его религиозное тщеславие, наполняет его сердце тайной радостью и ликованием. Его авторитет высок и мнение очень веско, и нередко в небольших городках и деревнях в тысячах километров от Мекки он выступает в роли судьи и миротворца. Но известно и то, что на многих таких хаджи оправдалась старинная поговорка, бытующая не только у мусульман: «Паломники редко возвращаются из святых мест праведниками...»

См. о нем в нашем журнале (1975, № 11).

ЦЕПА ОТСТУПИЧЕСТВА

Цезарь СОЛОДАРЬ

Никак не предполагал я, что в книге о сионизме и его жертвах мне придется вспомнить творчество талантливого сына Советской Украины, выдающегося нашего драматурга Александра Евдокимовича Корнейчука. Подтолкнула меня к этому случайная встреча в Италии.

В римском предместье Остин на площади близ почты я встретил бывшего советского гражданина — экономиста, недавно бежавшего из Израиля, где он с семьей прожил, вернее, как он выразился, промучился, всего шесть месяцев, или, как подчеркнула его жена, целых полгода. Попытайся я хотя бы сжато воспроизвести печальный рассказ обманутого мифическими израильскими родственниками бывшего житомирца обо всем, что выпало на его долю в государстве, где правят сионисты, это заняло бы десятка два страниц.

Особенно горько говорил он о нетерпимом для воспитанного советским строем человека моральном климате сегодняшнего Израиля. Жажда любым способом положить в карман лишнюю ассигнацию, углубляющееся равнодушие к «чужим», то есть общественным, интересам, истерическая, связанная зачастую с потерей человеческого достоинства, погоня за «собственным» делом — пусть мизерным, жалким, никчемным, но обязательно своим — таким, которое бы позволило почувствовать себя хозяином другого, «нанятого» человека, — вот что нравственно убивает многих бывших советских граждан в руководимой сионистами стране, где общественное положение определяется размером банковского счета. Кто мечтает о современном универмаге, кто о местечковой лавчонке, но обязательно своей! Кто о шикарном баре, кто о тесном буфетике, но только своем! Кто о терапевтической клинике, кто о зубопротезной мастерской в одном помещении с чаевщиком, но зато уж своей!

Мой остийский собеседник, как и многие другие встречавшиеся мне беженцы из Израиля, привел десятки фактов, показывающих, как погоня за материальными благами заканчивается для большинства полным крахом.

Однако совсем не для характеристики беспроблемного положения бывших советских граждан в Израиле упоминаю здесь о встрече с Григорием Исааковичем Лойферманом — подлинное имя я вынужден видоизменить, ибо этот лишившийся родины человек укрылся в Риме без разрешения итальянских властей и живет там на птичьих правах. Страх на него наводит, правда, не столько тамошняя полиция, сколько итальянские сионисты, особенно агенты Сохнута (международная сионистская организация — «Еврейское агентство»). Для них он — йордизм, изменник, беглец из страны отцов. С такими, как он, у сохнutowцев разговор короткий: либо мы тебя по-хорошему вернем в Израиль, либо устроим тебе в Италии сладкую жизнь — с временной работы погонят, из временно снятой комнатенки вытюрят, детей даже временно ни в одной школе учить не будут.

Но сейчас, повторяю, я намерен рассказать не о горестной жизни Григория

МНОГОЛЕТНЯЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕЗАРЯ СОЛОДАРЬ СЯЗНАНА ПРЕИМУЩЕСТВЕННО С ДРАМАТУРГИЕЙ И САТИРОЙ. НО В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ПИСАТЕЛЬ МНОГО ВНИМАНИЯ УДЕЛЯЕТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ НА ОСНОВЕ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ВСТРЕЧ С СИОНИСТСКИМИ ФУНКЦИОНЕРАМИ И ИХ ЖЕРТВАМИ. ОН НАПИСАЛ ОБЛИЧАЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫМ СИОНИЗМ КНИГИ «ДИКАЯ ПОЛЫНЬ» (М., 1977) И «ТЕМНАЯ ЗАВЕСА» (М., 1979), А ТАКЖЕ БРОШЮРЫ «БЫВШИЕ» (М., 1974), «ДВОЙНЫЕ» (М., 1975), «ТОВАР» (М., 1979). СЕЙЧАС В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» ГОТОВИТСЯ ВТОРОЕ РАСШИРЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ «ДИКОЙ ПОЛЫНИ» Ц. СОЛОДАРЬ В КНИГУ ВОЙДЕТ И ПРЕДЛАГАЕМАЯ ВНИМАНИЮ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ ГЛАВА.

Исааковича, а только о том, что именно в судьбе этого беженца из Израиля вызвало ассоциации, связанные — как это ни странно на первый взгляд — с творчеством Александра Корнейчука.

Из израильской прессы Григорий Исаакович узнал о моей книге «Дикая полынь». Из ругани сионистских журналистов Лойферману было известно, что многие страницы «Дикой полыни» посвящены не только вредоносной деятельности сионистов в Виннице, Каменец-Подольске и других городах родной мне Украины, но и дружной борьбе с ними украинской, русской и еврейской молодежи. И вдруг спросил меня:

— А о пьесе «Банкир» вы, конечно, написали?! Нет! Неужели же вы, драматург, не вспомнили, как здорово показан в этой пьесе Александра Корнейчука советский патриотизм двух поколений простой еврейской семьи! Без всяких выдумок и прикрас сумел Корнейчук рассказать о дружбе советских интернационалистов — украинцев и евреев. А как показаны сказочные — да, да, сегодня это кажется мне далекой сказкой! — плоды превращения бесправного, забитого еврей-бедняка из царской черты оседлости в советского гражданина, у которого есть права на все в своей социалистической стране! Особенно горько мне вспоминать пьесу Корнейчука на чужбине — ведь я показал себя неблагоприятным сыном своей единственной родины...

И беженец рассказал мне... Мне ли? Чувствовалось, что ему обязательно и безотлагательно необходимо поделиться с кем-нибудь своими радостными воспоминаниями, что ими и подобными им эмоциями воскрешает он в своем сердце потухшие надежды и утверждает себя как личность, у которой не все еще потеряно, что в эти минуты он, человек без родины, сердцем не на чужой итальянской земле, а на родной — украинской.

— Если я вам скажу, что мой дедушка по материнской линии, одесит Гдаль Давидович, был завзятый театрал, то сильно-сильно преувеличу. И если в летнее воскресенье он пошел на спектакль какого-то гастролировавшего в Одессе театра, то только потому, что коллектив городского железнодорожно-

го агентства устроил утренний, как тогда говорили, культпоход. Бабушка недовольно ворчала. По ее мнению, лучше было бы потратить выходной день на гостящего внука, то есть на меня, и поехать с мальчиком на Ланжеронский пляж. Но дедушка не хотел отделяться от коллектива и, вздохнув, а затем еще сильнее вздохнув, пошел на спектакль. Но каким он вернулся из театра! Оживленным, радостным, со следами слез на лице — бабушка не верила своим глазам. И тут же окончательно огоршил ее: он купил за наличные билеты на следующий спектакль, на вечерний. Дешевых уже не было, и деду пришлось заплатить за все шесть мест в ложе. Три места для нас, а остальные, дед не сомневался, оторвут с руками соседи, когда узнают, какая замечательная пьеса — «Банкир».

— Тогда, перед войной, — как бы сбросив с себя апатию и обреченность, оживленно продолжал мой собеседник, — мне шел двенадцатый год. Впервые я попал — не без стычки с капельдинерами — на вечерний спектакль. Не все было мне понятно на сцене в деловых спорах между советским «банкиром» — директором банка из старых партизан с молодым директором фабрики из беспризорников. Но зато остальное я хорошо понял, все понял. А особенно то, из-за чего на спектакле всплакнули многие дедушкины сверстники. Это биография Абрама Моисеевича Шапиро. Советская власть сделала его из нищего местечкового «мишуреса» (на идиш — человек на побегушках. — Ц. С.) главным бухгалтером. Это многолетняя дружба Шапиро с храбрым украинским партизаном Ступой — до сих пор помню его фамилию. Это рассказ Шапиро о его жизненном пути и, главное, клятве, которую он дает, когда получает известие с дальневосточной границы о подвиге его сына Яши в момент нападения японских милитаристов. Знаете, я небольшой поклонник того, что у вас, драматургов, называется монологом. Как зритель я в театре больше люблю споры и объяснения между действующими лицами...

Глаза Лойфермана неожиданно погрузнели, потухли, а губы приняли скорбное выражение. Не успел я спросить, что с ним, как он объяснил мне:

— Целых три года я не был в театре. А бывало, из Житомира в Киев ездил на спектакли... Ну ладно, вернемся к «Банкиру». Знаете, монолог Шапиро я бы сейчас читал вслух тем неблагоприятным родине людям, которые, как и я, клуют на живую сионистскую пропаганду и загораются желанием найти вторую родину в Израиле. Почему я не повторял самому себе этот честный монолог перед тем, как пошел получать визу на выезд! Может, я вовремя одумался бы и не сделал несчастной мою семью, особенно младшего сына. Не могу смотреть мальчику в глаза. Как светло жилось ему дома! Увидел он портрет своей мамы на районной Доске почета — и прямо засиял. В Израиле в первые же дни замкнулся: узнал, что для него, мальчика из семьи советских олим, места в летнем лагере

нет. Эти лагеря только для скаутских отрядов — и то если над ними патронируют влиятельные сионистские или религиозные организации. И мой сынишка вспомнил, как дома меня упрекала жена: «Наш фабком обижается, почему это Жеңька каждое лето выезжает в лагерь твоего управления. У нашей фабрики лагерь, все говорят, лучше вашего...» На такие «мелочи жизни» мы дома не обращали внимания. Забывали, что из них складывается то многое, что дал нам советский строй. А вот главбух из Шполы Абрам Шапиро, бывший голодный местечковый «мишурес», помнил. Хорошо помнил. И, наверно, детям и внукам наказал помнить...

По возвращении в Москву я перечитал корнейчуковского «Банкира». Уверен, читатели не посетуют, если я приведу здесь небольшой отрывок из пьесы — эпизод, до сих пор столь властно стучащийся в сердце моего собеседника из Ости.

Действие происходит у «Банкира» Романа Степановича Кручи. Директор большого универсама Марина Ивановна Тайга только что ознакомилась с телеграммой от командования дальневосточной воинской части Абраму Моисеевичу Шапиро с благодарностью за сына: дважды раненный, парень не оставил пулемета и бил без промаха. И в присутствии Макара Ивановича Ступы Шапиро беседует с Мариной Ивановной:

«ШАПИРО. Я написал ответ на эту телеграмму... и пришел к Роману Степановичу, как и партийному товарищу, посоветоваться, так как писал я от души старого беспартийного человека... Я прочитаю вам, Марина Ивановна, если что не так, то прошу сказать... (Надел очки, читает) «Номандиру Н-ской части от Абрама Моисеевича Шапиро. Я получил Вашу телеграмму сегодня утром, и в течение дня прошла передо мною вся моя жизнь. Когда умер мой отец, водовоз в нашем местечке Шпола, мать повела детей к раввину и старый ребе нам сказал: «В Талмуде сказано: бедняк подобен трупу. Идите, дети, в мир, ищите денег и помните всю жизнь, что вся сила в деньгах». Через несколько лет я стал вояжером, бегал от местечка к местечку, от села к селу... Дождь, град, мороз, ветер, собачьи злые на панских дворах — ничто не могло меня остановить. Всю Украину и Польшу вдоль и поперек измерил я своими ногами. Все искал денег, и казалось, вот-вот, еще год, еще два — и я смогу открыть собственную маленькую лавочку. А годы шли. Я бегал все быстрее и быстрее. Хозяин мой, ребе Могильник, подгонял меня: «Быстрее, Абрамчик, быстрее! Еще год — и ты откроешь свою лавочку». Но чем быстрее бегал я, тем скорее богател ребе Могильник, а у меня начало останавливаться сердце. Не раз от жары падал я в степи, но деньги гнали меня, заставляли ползти на животе до первой хаты. Пришла война... потом ребе Могильник бежал, а я стал агентом в губпродоме... Простите, товарищ командир, я вспомнил страшный кусок своей жизни. Ребенком благословил меня старый раввин искать деньги, и с той минуты они из моей души накиннули аркан, тащили по степям, били о камни, гнули шею, уничтожали во мне человека, волочили в болоте лжи, жульничества... Как червяк ползал я в ногах у Могильника. Почему мой сын, бухгалтер, погиб как герой? Почему душа его была бесстрашна, чиста? Потому, что контокоррент его души никогда не зависел от контокоррента денежного... Сегодня я долго плакал, закрывал глаза — и видел раны сына и слезами обливал их. Ваши добрые слова поддерживали меня, старика, в великом горе...»

Эпизоды «Банкира», связанные с отцом и сыном Шапиро, живо напомнили мне не только беседу в Ости с бывшим житомирцем, но и обширную серию горестных исповедей бежавших из

сионистского «рая» бывших моих соотечественников. С еще большей отчетливостью понял я, как жестоко поплались они за неблагодарность и предательство в отношении столько сделавшей для них советской Родины.

Сразу же я представил себе, как разбогатевшие наследники шпольского лавочника Могильника, модернизовавшись в Израиле на ультрасовременный лад, сегодня столь же безжалостно волочат «в болоте лжи, жульничества» — только уже не в дореволюционном местечке, а в американизированном Израиле! — выходцев из таких семей, какой была семья полюбившегося Александру Корнейчуку советского патриота Абрама Моисеевича Шапиро из Шполы. И, вероятно, какой-нибудь из многочисленных израильских раввинов (сейчас он не трясется в бричке, подобно своему давнему шпольскому коллеге, а лихо мчит в автомобиле модной марки) так же фарисейски утешает и наставляет на путь погони за деньгами эксплуатируемых сегодняшними могильниками еврейских бедняков.

Мне отчетливо представилась подавленность воспитанных советской школой молодых людей, на которых обрушился тяжкий груз догматов и канонов, навязываемых большинству израильтян властвующим в стране клерикальным меньшинством. Сколько горестных рассказов об этом удушающем грузе слышал я от беженцев из Израиля! В той же Ости бывший житель белоруссии рассказал мне:

— Моя дочь, студентку, я просто-таки обманом заставил уехать со мной в Израиль. Сочинил байку, что скоро раскроется моя растрата государственных денег и я попаду в тюрьму. А в Израиле ко всем нашим болячкам и бедам прибавилась еще одна: кто-то донес, что моя дочь — не вполне «чистая» еврейка. Ну, в раввинате тут же положили в компьютер все ее биографические данные плюс показания «доброжелателей», и машина выдала не совсем положительный, с точки зрения верующих, ответ. Дочь получила повестку в раввинат. А накануне мне по протекции устроили прием у одного чиновника министерства религии, не такого уж, правда, важного, но чем-то обязанного тем людям, которые попросили его выслушать меня. Беседа, как вы понимаете, оказалась для меня очень неприятной. Я разволновался и, не выдержав бездушных поучений чиновника, прямо спросил его: «Что, в Израиле все религиозные? Все убеждены, что в субботу не должны ходить автобусы? И всех волнуют чистые и нечистые?» Он, конечно, оборвал меня...

— И что все-таки ответил вам?

— О, я хорошо запомнил слова чиновника! С недовольной гримасой он сказал мне: «Вижу, к чему ты клонишь. Сам прекрасно знаю: неверующих — большинство. Хочешь спросить, почему же они должны подчиняться меньшинству? Могу объяснить: таковы наши традиции. Так было у евреев во все времена, так будет веками веков. Могу дать тебе совет. Постарайся приобresti положение в обществе и стать одним из тех, кого меньше. И тоже сможешь приказывать и щедро платить». Понятно вам?

Да, мне понятно, что лицемерные поучения чиновника израильского министерства религии перепевают на сио-

нистский лад елейные наставления шпольского раввина сиротам из семьи Шапиро. Мне понятно, как изо дня в день приходится обманутым парням и девушкам ощущать на себе в Израиле гнет незыблемого и основополагающего для буржуазного общества правила «Вся сила в деньгах». Это заставляет выехавших туда трудящихся людей с первых же дней ловчить и изворачиваться, к кому-то подлаживаться, кого-то ублажать, в угоду сионистам сочинять душераздирающие небылицы о жизни на покинутой родине, поступаться принципами морали и строить планы накопления «черного капитала» — денег, нажитых нечестным путем. И вот приходится этим обманутым воспитывать в детях двоящие и двуличные, наставлять их: «Не рассказывай здесь никому как дома ты каждое лето выезжал в лесной пионерский лагерь; в школе притворяйся, будто больше всего интересуешься богословием и историей сионизма, громко ругай арабов самыми последними словами — это поможет нам скорее получить жилье».

Такая неприглядная картина жизни трудоголодного народа Израиля, жизни «с арканом на душе» возникла в моем сознании при воспоминании о многочисленных беседах с бежавшими из «страны обетованной» бывшими гражданами социалистических стран и при чтении признаний израильской прессы.

А отрывок из «Банкира» я привел здесь, поверьте, совсем не ради того, чтобы лишний раз показать, сколь интернационально по своей сути прекрасное творчество Александра Корнейчука. В этом и без того твердо убеждены все, кому знакомо его драматургия и публицистика. Очевидна и неоссыкаемость крупномасштабного духовного заряда пьес Александра Евдокимовича, их насыщенность неприкрашенной правдой жизни и, главное, их непреходящая идеологическая актуальность. Монолог Абрама Шапиро из правдивой пьесы Корнейчука напоминает тем, кто покидает советскую Родину ради сионистского «рая», что они обретут в Израиле многое... из того, от чего их освободила Великая Октябрьская революция.

Все это дает точный ответ на вопрос, с чего бы вдруг в самые беспроблемные дни прозябания на чужбине бывший мой соотечественник вспомнил нравственный урок спектакля, увиденного в детском возрасте, сорок лет назад. Оказывается, «бедняк подобен трупу» не только в заброшенном еврейском местечке царской России. Нет, и в конце XX века на земле подвластного сионизму милитаристского государства многие иммигранты попадают в тиски бесправия, классового гнета и прочего, что было приметам жизни для «подобных трупу» людей в проклятой дооктябрьской черте оседлости.

И пламенное слово персонажей корнейчуковской пьесы (кстати, далеко не самой выдающейся в наследии замечательного драматурга) сегодня не только воспевают дружбу советских народов, но и властно напоминают, в какую страшную, бездонную трясину неизменно попадают те, кто под ядовитым воздействием вражеской пропаганды и собственных шкурных, антипатриотических помыслов забывают все прекрасное и непреходящее, что дала им советская Родина.

БЫТ И ПРАВЫ НАРОДОВ

*Лишь крылья расправим —
и аттам павлина,
Вместе сойдясь, нарисуем
игрой;*

*Гнев обуял нас —
и аттам тигровый
В общем кругу создаем
мы порой*

Пор аттам покажем
неистовый, если
Вынудят нас,
раззадорив, враги...*

*Из
крестьянской
песни
Тамилнада*

Вит. ФУРНИКА,
кандидат
филологических
наук

Как грациозны и изящны фигуры жительниц Индии, облаченных в сари, этот древнейший на земле и вечно молодой наряд! Утонченную прелесть фигуры подчеркивают складки одежды, создавая впечатление, будто перед вами эпическая героиня, изваянная резцом прославленного мастера. Говорят, что сари носят более трех тысяч лет и никакие ухищрения капризной европейской моды не могут смутить царицу одежд Индии — сари.

Одежда не должна сковывать движение тела — вот исходный принцип великого портного, которым всегда был индийский народ. Множество свободно спадающих складок на сари во время движения создают неповторимую игру линий и красок. Вместе с тем сари — это еще и своеобразный веер, так как складки одежды во время ходьбы колеблются, что помогает уносить избыток тепла, а это немаловажный фактор в условиях жаркого климата. Такой же простой и удобной выглядит одежда мужской части населения.

Сари как бы создано для движения. Именно в движении облаченной в сари девушки или женщины можно видеть поразительную красоту и совершенство человеческого тела.

Движение вообще осознается в Индии как одно из ярчайших и привлекательнейших проявлений жизни, как нечто прекрасное, возвышенное, порой непостижимое, но всегда чарующее.

Словом «аттам» тамилы обозначают все, что связано с движением. Спортивные игры — это аттам; танцы и сложнейшие движения исполнителей — аттам; игра актеров, жестикуляция, мимика, детские игры, плескание в воде — аттам. Боевые движения воинов на поле битвы, наконец, — тоже аттам.

Наиболее своеобразными и оригинальными представляются исполняемые самодельными и профессиональными актерами танцы и выступления и некоторые виды спортивных игр.

Аттам уходит корнями в крестьянскую жизнь, тесно связан с сезонными работами и являет собой неотъемлемую часть духовной и культурной жизни тамильского народа. Аттам приносят в жертву богам — в виде танцев, представлений и храмовых процессов. Открытое и светлое искусство аттам дарят сотням зрителей.

Столетиями отбирались и шлифовались отдельные элементы танцев, бережно передавались сыновьям и дочерям. Некоторые аттам тамилы заимствовали у соседних народов Индии и в трансформированном виде усвоили у себя на родине.

Есть общенациональные аттам, известные по всему Тамилнаду, и аттам местного значения. Каждый аттам вобрал в себя элементы танца и драмы. Здесь присутствуют черты комедии, гротеска, песнопения. Не всегда, может быть, удается проследить истоки того или иного

аттам. Но большинство из них в той или иной мере имитирует трудовые процессы крестьян и ремесленников, демонстрирует мужество, силу и доблесть народных героев. В аттам чувствуются ритмы самой жизни народа, определяемой во многом сезонами года. Один из них — караха аттам.

Вода — что может быть драгоценнее для земледельца? Вода — это сама жизнь.

Однако когда небо месяцами ясное и безоблачное, а на землю падают все иссушающие лучи солнца, земля трескается, мелеют реки и пересыхают колодцы, тогда крестьяне все чаще с тревогой посматривают на небеса и в их сердца вползает страх. Но есть еще надежда на милость богов. Только надо принести им жертву! И, конечно же, лучшим даром будет аттам. Потому что боги, как и люди, очень любят исполненные благородства и тайной страсти танцы красавиц. Танец — движение, символизирующее жизнь. И если боги желают вечно наслаждаться танцами прекрасных, как гирлянда цветов, темнокожих женщин, пусть они сохраняют им жизнь и пошлют дождь. А благодарные люди исполняют караха аттам, ритуальный танец с кувшином. «Если бы иссякли небеса, то боги не услышали бы более ни одной молитвы тех, кто населяет земную твердь», — так говорится в знаменитом «Тирукурале» Тируваллувары, древнетамильском собрании афоризмов.

Не будут забыты во время караха аттам песнопения пахарей, прославляющих царицу рек Тамилнада — Кавери. «Будь славна, Кавери! Твое величественное течение под ликующие возгласы празднующих — это плодородие страны властелина Чолы, громкие оклики воинов которого наводят страх на врагов», — так пели еще в древнем Тамилнаде.

Караха аттам до наших дней донес обычай земледельцев поклоняться воде, рекам и дождям, богам, которым якобы подвластны стихийные силы природы. Дождь и ливни в сознании крестьян персонифицировались: «О богиня дождя, Пейюмалламма, пошли нам дождь и сделай плодородной землю! Расколи небо острыми жалами молний и низвергни на леса, поля, деревни и города золотые струйки благословенных вод!» — говорится в «Повести о браслете», написанной более 20 веков назад. Песни в честь богов дождя до сих пор поют крестьяне в наивной надежде на помощь небесную.

Караха аттам выступает нынче как в форме ритуального, так и профессионального танца. Особенно популярен он в юго-восточных округах — в Мадуре, Тирунелвели и Ираманадапуре — земледельческих районах Тамилнада.

Чтобы боги были более благосклонны, караха аттам должен исполняться самой красивой девушкой деревни. По крайней мере так было еще в недалеком прошлом. Нынче традиция сделала уступку, допустив к участию в танце широкий круг любителей, в том числе и мужчин. В любом случае аттам исполняется уважаемыми в деревне людьми и воспринимается ими как весьма ответственное и почетное поручение.

Исполнители предстают перед ликом богов дождя в соответствующем наряде, натерев тело пеплом навоза священной коровы и сандаловой пастой. Никто точно не знает, кем и когда были установлены такие правила, но они есть и им

* Пор аттам — боевой аттам.

следует повиноваться. Как знать, может быть, точное исполнение всех элементов ритуала вызовет слезы восторга у повелителей стихии и эти слезы прольются обильным дождем?

Небожители должны видеть символ испрашиваемого у них дара — воду. Поэтому основным атрибутом при исполнении ритуального танца служит карахам — раскрашенный кувшин, куда наливается вода и с которым исполнители выступают впереди процессии. Воду берут из священных водоемов. Лучше всего, если это будет вода, доставленная из рек Кавери или Ганга. Кувшин с водой предназначен для танцовщицы. Ее партнер выступает с кувшином, наполненным зернами риса.

Вот исполнители совершают первые плавные движения. Музыка помогает им обрести нужный ритм, карахам вначале закачался, готовый упасть. Но еле уловимым движением танцор возвращает карахаму устойчивость. Музыка звучит все громче, торжественней, первые, еще робкие и осторожные движения постепенно превращаются в четкий танцевальный рисунок, зрители ликующими возгласами выражают свое одобрение танцующим. Танец продолжается. Слаженные движения, взлетающие руки изящной девушки, мелодичный перезвон браслетов, кувшины на головах словно слиты с телами танцующих.

Караха аттам, родившись в крестьянской среде как ритуальный танец земледельцев, получил огромную популярность в Тамилнаде и за его пределами. Он исполняется по разным поводам. Танец под этим названием прочно вошел в репертуар профессиональных танцевальных трупп. Его можно видеть в кинофильмах, на подмостках сцены. Праздничные процессии в День Республики не обходятся без демонстрации караха аттам, занимающего почетное место среди прочих танцевальных представлений народов Индии и пользующегося неизменным успехом у зрителей.

Судьбы, желания, жизнь богов, по представлениям верующих индусов, в чем-то похожи на людские, вольно или невольно несут отзвук судеб человеческих. Люди женятся, и боги вслед за ними спешат заключить прекрасных возлюбленных в свои объятия; у людей рождаются дети — и богини, подобно им, рожают (быть может, не в таких муках: на то они и богини) прелестных небожителей. Наделение богов человеческими чертами отразило особенность сознания древних народов мира. Не составляет исключения и Шива, один из мсгущественных богов индуизма, слабый и беспомощный, как ребенок, и бесконечно всемогущий, когда он соединяется со своей божественной супругой Парвати.

Часто говорят, что в Индии насчитывается более трех тысяч богов. Будем справедливы: в этом случае речь зачастую идет не о числе богов, но о количестве имен, под которыми боги выступают. В одном только Тамилнаде одни и те же боги известны под десятками имен. Вот общеизвестный пример.

Бог Шива, как и все примерные боги, был женат. Его ослепительная супруга Парвати зачала и родила от своего могучего супруга многих сыновей. Один из них — весьма популярный у верующих тамилы младший сын по имени Муруган (младший, быть может, потому, что Южная Индия была присоединена к Северной несколько позднее по сравне-

нию с другими землями Индийского субконтинента). Муруган в детстве носил имя Велан, в юности — Баласубраманияма; воинам он известен в ипостаси Девасенадипади, бесстрашно ведущего армии на врагов. Есть у него и другие имена: Субраманияр, Шанмуган, Пажанияндавар, Мани, Суббу, Арумухан, Балу, Кумар, Кандан, Картикеяр. И все это он, Муруган — Субраманияр. Последнее имя встречается в древнейших ведических гимнах. Бог под этим именем, как гласит легенда, спас мир от жестокого демона темноты Сура Падмана. Под именем Муругана он оказал немало добрых услуг роду человеческому, тому самому, воображение которого родило Муругана. Наболев почитаемы два его святых места: гора Пажани и гора Идумбан. В свое время, гласит легенда, обе эти горы находились в окрестностях обители Шивы, в устремленных в небо Гималаях. Шива частенько любовался горами Пажани и Идумбан.

Прослышав о легендарном мудреце Агастье, авторе первой тамильской грамматики, Шива велел одному из титанов, охранявшему жилище Муругана, отнести обе горы — Пажани и Идумбан — к местопребыванию Агастьи, на мыс Каньякумари (Коморин), в знак признательности и расположения к мудрому грамматiku.

«Подарки» были не из легких, но, так как они делались в честь младшего сына Шивы, титан, желая получить у бога испрошенный им дар, взялся совершить невиданный доселе подвиг и перенести через всю Индию обе горы. Титан отыскал подходящее место «коромысло», прилепил к нему с двух сторон горы и, взвалив на плечи колоссальный груз, зсшагал из Гималаев на юг Индии и благополучно доставил «подарок» бога мудрецу.

Эта легенда объясняет истоки танца

кавади аттам. Смысл его в том, чтобы, исполнив замысловатый танец с необычным грузом, получить просимый дар, подобно тому как титан получил его у Муругана.

Существует несколько видов кавади аттам, исполнение которого требует неслыханной выносливости, сноровки, ловкости и мастерства.

Кавади аттам — танец с кавади — устройством, напоминающим коромысло с грузом, которое устанавливают на плечи исполнителю. Традиция предписывает танцующему держать в зубах дротик; руки при этом должны быть свободны.

Танцевальные движения в театральных формах народного творчества тамилы отчетливо указывают на то, что они были рождены в процессе труда земледельцев. В поисках облегчения тех или иных работ изобретательный крестьянин натолкнулся на мысль об использовании кавади (шесть) для переноски тяжестей. Это могли быть вода или зерно, глина для постройки жилища, навоз либо земля для сооружения валика вокруг заповенного водой рисового поля. Если требовалось переместить большую тяжесть с использованием коллективных усилий, в дело шло все то же кавади. Оно удобно и тем, что находящийся на шести груз освобождает руки — обстоятельство немаловажное для крестьян.

Существует несколько видов кавади, так же как и способов водружать его на плечи. О том, что крестьянин, несущий на себе тяжесть жизни, представленной в виде шести с грузом, был всегда готов взяться за оружие для защиты своего рода, дома и полей, свидетельствует дротик в зубах исполнителя. Танец проходит под звуки музыки и песнопений кавади синду, исполняемых идущими за танцором участниками. Сложенные простым языком, мелодичные и лас-

кающие слух, кавади синду стали народными. Все чаще древние ритмы кавади синду используются поэтами для рассказа о новых временах, наступивших после ухода колонизаторов.

Трудовые ритмы, некогда возведенные в культ ритуальных танцев и отраженные в народных формах танцевально-драматических представлений, отчетливо видны и в танце пиннал колаттам. «Пиннал» значит «плетение, вышивание» и ассоциируется с изготовлением нити, пряжи, ткани, циновок, дорожек, одежды и т. п. Это танец девушек, которые держат концы разноцветных лент, привязанных с другой стороны к шести или вращающемуся устройству над головами исполнительниц. Девушки держат в руке палочки («коль»), напоминающие веретено. Другая разновидность этого танца — коль аттам, исполняемый без лент. Этот танец считается привилегией девочек-подростков. Вот как объясняет легенда происхождение коль аттам.

Жил некогда асура (демон) по имени Пасуван. Был он строптивого и неукротимого нрава. Много натерпелся от него юные жены, пока им не пришла счастливая мысль использовать невиданный прежде танец с палочками. Злой асура был очарован зрелищем танца и с тех пор отказался от жестокого обращения с людьми.

Старинный танец одисси.

Традиции уникального народного искусства Инди живут вена.

Артисты театра штата Керала исполняют народные танцы.

неудержимый порыв, страсть, накал чувств. Совместная работа в поле, взаимная поддержка и помощь в трудные дни — все это заметно в бурном и темпераментном танце кумми.

Не менее известен изящный танец оиль кумми аттам. Это тщательно разработанная система грациозных жестов, мимики и движений танцовщицы, определившая особое отношение к этому танцу. Непременным атрибутом его считается надетое на ноги исполнительниц садангей — набор маленьких колокольчиков из меди, серебра или золота.

Отдельно стоят народные танцевальные представления тамиллов с участием одного-двух артистов, посвященные какому-либо животному, но отражающие человеческие чувства и страсти.

Тамилы сумели сохранить и развить лучшее из танцевального наследия. «Ты увидишь... танец маль, который Кришна танцует, поразив асуру Бану... Там будет... танец мараккаль, исполняемый богиней Майей, когда жестокие поступки коварных асур истощили ее терпение...» — этим словам более 20 веков.

Упоминаемый аттам-мараккаль, этот редчайший вид танца, так же как и маль, существует в Тамилнаде и поныне. Правда, теперь он известен под другим названием — пойкаль кудирей аттам (танец деревянных лошадок).

Древнетамильское собрание афоризмов «Тируккурал» сохранило упоминание о былой традиции, заключавшейся в следующем.

Влюбленный юноша, потерявший надежду на взаимность возлюбленной,

всталась девушка, если ее сжигает тайная страсть? Мудрец Тируваллувар, легендарный автор «Тируккурала», без обиняков говорит: «Нет ничего выше достоинства красавицы, которая не сядет на деревянную лошадку, даже если ее терзает страсть, огромная, как океан».

Традиция усаживаться на лошадку стала преданием, но танец, связанный с нею, сохранился.

Для исполнения кудирей аттам требуется особый костюм внушительного веса в 20 килограммов. Основу его представляет каркас, изготавливаемый из дерева. Затем в ход идут ткань, бумага, волокно, кусочки цветного стекла, веточки и прочие материалы. Сложность изготовления деревянной лошадки обуславливает его высокую стоимость, достигающую иногда до пяти — восьми тысяч рупий. Участники танца — мужчина и женщина — «влезает» в свои оригинальные костюмы, надевают на ноги деревянные копыта, так что «лошадку» они практически несут на себе. После соответствующей драпировки и украшения танцевальная пара может показаться на сцене и под аккомпанемент музыки начинается представление, куда входят танцы, песни и изложение тех или иных сказаний. Небезынтересно отметить, что в выступлениях деревянных лошадок сохранились некоторые элементы, заимствованные у соседнего с тамиллами народа маратхов.

Исполнение танца деревянных лошадок требует длительных упражнений, высокого мастерства, выносливости и сил. Деревянные копыта (пойкаль) точно имитируют настоящие, поэтому исполнять в них сложные движения весьма трудно.

Еще в недавнем прошлом искусством этого танца наслаждаться могли только раджи да высокопоставленные английские чиновники. В свободной Индии это детище народа возвращено его создателю. Редкой красоты танец лошадок привлекает многотысячную аудиторию любителей народного искусства.

Танец маль выступает ныне под названием майль аттам (танец павлина). Он связан с Муруганом, богом гор у древних тамиллов, который слился позднее с североиндийским богом войны Скандай. В честь Муругана устраиваются танцы. Его изображают шестиликим и двенадцатируким, сидящим на павлине с оружием в руках. Юный участник надевает заготовленный костюм павлина и исполняет танец.

В истории тамильской драмы важное место занимали и продолжают занимать кукольные представления, или поммал аттам. Куклы изготавливаются из дерева или кожи, глины или тряпок. Представления пользуются успехом, длятся обычно всю ночь. Считается, что куклы своими танцами привлекают добрых духов и отпугивают нечистую силу. Некоторые из традиционных тамильских кукол демонстрировались на индийской выставке в Москве в августе 1978 года.

Чарующие танцы тамиллов прошли жесткий исторический отбор в среде земледельцев, охотников, рыбаков, ремесленников. Веками отшлифовывалось искусство народных танцев, вошедших в сокровищницу мировой культуры. Движение, осознанное в танцевальных ритмах как существенное условие и форма проявления жизни, приобретает в наши дни новый смысл, лишенный загадочности и мистицизма. Это черты новой жизни независимой Индии.

В Тамилнаде коль аттам пользуется огромной популярностью. В процессе танца девочкам предоставляется возможность блеснуть грацией, показать свое умение в коллективном танце. Постукивая палочками, они движутся по кругу, образуя различные танцевальные узоры. Коль аттам напоминает своего рода танцевальный хоровод. Он возник в тамильской деревне и посвящен приходу весны. Танцевальные хороводы с песнопениями длятся две недели. Ныне коль аттам шагнул на городские улицы и площади, наполнился новым значением, сохранив при этом свои характерные черты.

Не увядает искусство еще одного тамильского танца крестьянок — кумми аттам, исполняемого под ритмы особых песнопений. В отличие от других крестьянских танцев, кумми воплощает в себе

прибегал к оригинальному способу самостязания: с помощью друзей изготавливалась деревянная лошадка (пойкаль кудирей), увитая ветками кустарника с отнюдь не безобидными шипами. Лошадка устанавливалась под окнами у жестокосердечной девушки, юноша взбирался на лошадку, всем своим видом демонстрируя муки и страдания, которые он терпит. Чаще всего девушка не выдерживала подобного зрелища и посылала уведомить добровольного мученика, чтобы он расстался с лошадкой. Это значило, что юноша мог рассчитывать на взаимность. «Тело и душа уже не выносят терзаний; потеряв стыд, они взбираются на деревянную лошадку», — говорится об этой традиции в «Тируккурале».

Ну, а если в подобной ситуации оказы-

НЛ

овинни итературы

«АТЕИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ», вып. 10. М., Политиздат, 1979, 111 стр., 200 000 экз., 85 коп.

В очередном выпуске популярного альманаха читатель найдет статьи и очерки о новых археологических находках древнекаменного века; об отношении к религии великого английского утопического социалиста Роберта Оуэна; об античных Олимпийских играх; о том, как силы антикоммунизма поддерживают предателей и изменников из так называемой «украинской автономной православной церкви»; о верованиях жителей Непала — маленькой страны, расположенной в Гималайских горах; о религии и церкви в Англии. Напечатаны также интервью с космонавтом Ю. Глазковым, заметки об итальянской антиклерикальной сатире, подборка стихов и афоризмов английского поэта и художника У. Блейна, ответы на вопросы читателей.

А. Будов. РЕЛИГИОЗНЫЕ ИЛЛЮЗИИ НА ПОРОГЕ ЖИЗНИ. М., «Молодая гвардия», 1980, 111 стр., 100 000 экз., 20 коп.

В книге автор рассматривает особенности психологии детей и молодежи, подверженных влиянию религиозных сект. Автор использует исторические материалы, данные социологических исследований, дает обширную критику идеологии и морали религиозных сект. Пропагандисты атеизма найдут в книге немало полезных рекомендаций, как работать с подростками, растущими в семьях верующих.

Николай Кузанский. Соч. в 2-х т. Т. I. М., «Мысль», 1979, 488 стр., 150 000 экз., 1 руб. 90 коп.

Настоящий том включает все главные произведения крупнейшего философа раннего Возрождения Николая Кузанского, созданные в 1400—1450-х годах. В них разворачивается учение Николая Кузанского о совпадении противоположностей в первоедином, о творческой роли человека во Вселенной, намечается новая, предоперинанская космология.

И. Свенцицкий. ТАЙНЫЕ ПИСАНИЯ ПЕРВЫХ ХРИСТИАН. М., Политиздат, 1980, 198 стр., 100 000 экз., 50 коп.

Автор книги воссоздает социально-политическую и идеологическую обстановку первых веков существования христианства, показывает, как в борьбе между различными группами первых привер-

женцев христианства происходило формирование их вероучения, складывался Новый завет, вошедший в состав Библии. В книге глубоко анализируются древние христианские тексты, указываются причины, почему одни из них включены в канон (Новый завет), а другие объявлены ложными, еретическими. Автор подводит читателя к выводу о том, что учение христианской церкви о «богочеловечности» «священного писания» не выдерживает научной критики.

«100 ОТВЕТОВ ВЕРУЮЩИМ». Изд. 2-е, перераб. М., Политиздат, 1980, 440 стр., 200 000 экз., 75 коп.

Это популярный справочник, содержащий ответы на вопросы, которые чаще всего слушатели задают лекторам, пропагандистам, беседникам. 2-е издание дополнено материалами, отражающими такие важные события в жизни нашей страны, как принятие Конституции СССР, решения партии по идеологическим вопросам и т. д. Некоторые ответы обновлены с учетом последних достижений современной науки.

А. Д. Сухов. АТЕИЗМ ПЕРЕДОВЫХ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ. М., «Мысль», 1980, 228 стр., 50 000 экз., 1 руб. 10 коп.

В наши дни, когда атеистическое мировоззрение превратилось в одну из знаменательных примет социальной жизни, его противники стремятся представить атеизм, и в частности советский, явлением, не имеющим исторических предшественников. В их трамплине чуть ли не все крупнейшие русские мыслители оказываются религиозными. Одна из задач данной работы — противопоставить этой мнимой истории подлинную. В книге русский атеизм показан в тесном единстве с освободительным движением. Рассмотрены основные его этапы — атеистические воззрения Радищева, декабристов, революционных демократов, естественных-материалистов, испытавших их идейное воздействие, революционных народников.

«ИДЕИ МАТЕРИАЛИЗМА И ДИАЛЕКТИКИ В БЕЛОРУССИИ». Докладский период. Минск, «Наука и техника», 1980, 344 стр., 1 000 экз., 1 руб. 80 коп.

М. К. Карпухович и Н. Я. Тарасова. ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ОТДЕЛАМ ЯРОСЛАВСКОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА. Ярославль, Верхне-Волжское книжн. изд-во, 1980, 79 стр. с илл., 5 000 экз., 35 коп.

А. Т. Москаленко и А. А. Чечулин. МИКРОСРЕДА ВЕРУЮЩЕГО И АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ. Новосибирск, «Наука», 1979, 222 стр., 8 200 экз., 80 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

Ева Анчел. Мифы потрясенного сознания. Пер. с венгерского. М., 1980. Из содержания: «Бунт и мистика», стр. 24—28; «Потусторонний мир XX века», стр. 39—47.

З. Бабахан. XV век Хиджры — век мира и дружбы между народами (интервью председателя Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана). «Проблемы мира и социализма», 1980, № 1, стр. 78—80.

А. Белов. Вещиная заступница. «Работница», 1980, № 2, стр. 26—27.

Б. Э. Быковский. Новые попытки реанимации средневекового мировоззрения. «Философские науки», 1980, № 2, стр. 98—107.

Б. Э. Быковский. Реанимация медноцентризма. «Вопросы философии», 1980, № 2, стр. 102—111.

Л. Васильев. Ислам: направления, течения, секты. «Азия и Африка сегодня», 1980, № 2, стр. 54—57.

Л. П. Воронкова. «Теология кризиса» и проблемы диалектики «Вопросы философии», 1980, № 1, стр. 143—150.

Л. Зенина. Тзирн — религия современной Японии. «Азия и Африка сегодня», 1980, № 3, стр. 60—61.

Л. Медведю. Два русла ислама. «Новое время», 1980, № 13, стр. 23—25.

Дж. Мосс. «Красный» настоятель Кентерберийского собора (о Хьюлетте Джонсоне). «Вопросы истории», 1980, № 2, стр. 87—103.

«О свободе совести в СССР». «Проблемы мира и социализма», 1980, № 3, стр. 93—95.

П. Сафонов. Школа атеистов. «Агитатор», 1980, № 6, стр. 52—53.

М. Струа. Порнография и святоши. «Журналст», 1980, № 2, стр. 75—80.

Н. Тепляшин, А. Сначков. Атеистические вечера. «Агитатор», 1980, № 5, стр. 58—59.

«Что такое «демократический социализм»? 2-е изд. М., 1979. Из содержания: «Сионистская разновидность «демократического социализма», стр. 128—136; Левонационалистическое движение и его интерпретация социализма, стр. 137—142.

Л. Ф. Шевцова. О некоторых новых явлениях в политике католической церкви. «Рабочий класс и современней мир», 1980, № 1, стр. 71—79.

● Почему, интересно, так получается: делают все люди, а слава — богу?

● Когда человеку не хотят помочь, то говорят: «Бог с ним!»

● Не всякий, кто нается, — раскаялся.

● Люди начали верить раньше, чем знать. Вот почему, узнав, они перестают верить.

● Любимая личина черта — святость.

Теодор БЕР

● Хотя Ноев ковчег был переполнен, в нем нашлось место и для зеленого змия.

Михаил СТОЛИН

г. Киев

● Живет, как бог, а грехи замаливает.

Геннадий БОРУШКО

● В аду голоса райских птиц можно услышать только в звукозаписи.

● Оправдание ангела: «Беспутал!»

Генрих ЗАВЬЯЛОВ

г. Приморско-Ахтарск Краснодарского края

● В ад теперь могут попасть далеко не все грешники: энергетический кризис.

Николай ШКЛЮКОВ

г. Макеевка Донецкой области

Сдано в набор 22. 04. 80.
Подписано к печати 02. 06. 80.
А 02397.
Формат издания 60×90/8
Глубокая печать.

Условных печатных листов 8.
Учетно-издательских листов 12.51.
Тираж 440 000 экз.
Зак. 02207.

Адрес редакции:
109004, Москва, Ж-4
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.

Ордена Ленина
комбинат печати
издательства «Радянська
Україна»
г. Киев, Брест-Литовский
проспект, 84.

С. П. БАХИРЕВ. Борьба русских против татар. Шкатулка. 1945 г.
В. А. ПАРАМОНОВ. На поле Куликовом. Шкатулка. 1955 г.

ПО-ЛЕНИНСКИ МУДРО

Принципам ленинской национальной политики, воплотившейся в жизни народов Советского Союза, посвящена передовая статья.

ШИРОКИЙ ДИАПАЗОН

средств атеистического воспитания используют столичные лекторы в своей пропагандистской работе. Об их опыте говорит первый заместитель председателя Московской городской организации общества «Знание» Ю. ХРУСТАЛЕВ.

КАК СЕГОДНЯ ЖИВУТ

дети и внуки старообрядцев-липован в поселениях, где раньше все строго регламентировалось канонами «древнего благочестия»? Об этом рассказывается в очерке В. ХАРАЗОВА.

ПУТЕМ ДИАЛОГА И СОТРУДНИЧЕСТВА

Статья видного венгерского ученого академика Й. ЛУКАЧА о том, как в Венгрии претворяются в жизнь ленинские принципы свободы совести.

ЗА РЕЛИГИОЗНОЙ ОБОЛОЧКОЙ

Сложную, во многом противоречивую роль, которую играет религия в социальных процессах развивающихся стран Азии и Африки, анализирует кандидат философских наук Б. ЕРАСОВ.

БЕССЛАВНЫЙ ПУТЬ,

который прошло так называемое «Русское студенческое христианское движение», основанное идеологами белогвардейской эмиграции, — тема статьи Д. КАРПОВА.